Надежда Дробышевская

Проза

УДК 82-32
ББК 84(2)6
Д75

Дробышевская Надежда
Д75 **Обретение надежды.** Проза. – М.: Издательство «Граница», 2017. – 304 с. – ил.

Проза и публицистика Надежды Дробышевской не могут не затронуть читателя. В каждом, даже небольшом произведении прослеживается её неравнодушное отношение ко всему, что происходит с её героями. Независимо от ситуации, она находит и умело показывает читателю положительные стороны своих героев. Её проза воспитывает уважительное отношение к окружающим и подводит к высшему пониманию добра и любви.

ISBN 978-5-94691-930-2

УДК 82-32
ББК 84(2)6

© Дробышевская Н.Н., 2017
© Издательство «Граница», 2017

ISBN 978-5-94691-930-2

«Стремление к жизни порой бывает важнее,
чем сама жизнь...»

Отлюет от лишней накипи
История трудов книг,
Рассудит, не зря ли потратили
Жизнь на создание их...

Женская доля

Мужчина ломает копья,
Решает судьбы Миров.
Жена его варит хлопья,
Детей бережёт и кров.
Мужчина – оратор умелый,
И голос – калёная сталь,
А рядом под шалью белой
Жена молча смотрит вдаль...
И, философствуя смело,
Он бурит тропу меж пород,
А женщина, между делом,
Руками над ним держит свод...

Молчанье мудреца достойно уваженья,
Но вызовет улыбку снисхожденья,
Кто вторит всем, что полон он талантов,
Забыв о том, что в сердце тот же бой,
И что под платьем с россыпью бриллиантов,
Что под простою ситцевой каймой...

Предисловие

«Обретение надежды» – название этой книги очень похоже на творческий путь Надежды Дробышевской.

Я хорошо знаком с семьёй Надежды и знаю, что до того момента, когда она смогла публиковать свои произведения, прошла богатый жизненный путь. Будучи женой офицера, она ощутила на себе все трудности, связанные с жизнью офицерской жены, ведь с самого первого дня, в какие бы дальние гарнизоны ни забрасывала военная служба её мужа, и по сегодняшний день она всегда рядом с ним. А это значит, что ей не понаслышке знакомы: и неустроенность в бытовом плане, и ожидание, и волнение за мужа, постоянно занятого на службе.

Но Надежда, с двумя маленькими детьми на руках, умудрялась учиться (в то время муж служил в Азербайджане, а институт – в Витебске), работать, вести дом и всё, что с этим связано, а ещё находила время писать стихи, рассказы и делать к ним небольшие зарисовки карандашом... Для многих это покажется просто нереальным, но она жила так долгие годы, давая возможность мужу спокойно выполнять свой служебный долг и что немаловажно для мужчины – двигаться по служебной лестнице. И зная, чего достиг по службе её муж, можно сказать, что «хороший тыл» сыграл в этом не последнюю роль. Но это совсем другая история...

Возвращаясь к творчеству Надежды Дробышевской, хочется отметить, что в её произведениях, будь то стихи или проза, прослеживается её умение видеть вокруг себя то, что иной и не разглядит, а для другого может просто ничего и не значить. И из этих, с позволения сказать, «мелочей» состоят все её произведения.

Она много пишет. Её произведения (стихи, проза, очерки и др.) печатаются во многих изданиях. Кроме художественных и журналистских произведений она ещё разрабатывает учебники по курсам лекций, которые сама же читает начинающим литераторам и журналистам в Ин-

ституте журналистики и литературного творчества.

Я был свидетелем и участником автопробега – акции, придуманной и организованной Надеждой и Александром Дробышевскими. Они уже долгие годы ездят в Белоруссию на «Симоновские чтения», и этот автопробег Москва – Могилев они посвятили 100-летнему юбилею К. Симонова. К этой акции присоединились журналисты, писатели и даже руководители военных пресс-служб. Акция состояла в том, чтобы перевезти три символа – воду из Москвы-реки, землю с Поклонной горы и фронтовые «сто грамм» – от фронтовиков-москвичей к фронтовикам Белоруссии и возложить эти символы к подножию камня, лежащего на окраине Буйничского поля (под г. Могилевом, где было танковое сражение, свидетелем и участником которого и стал Симонов), где был развеян его прах. Нас встречали ветераны хлебом-солью. Мы привезли с собой копию Знамени Победы и во время передачи фляги с водой, каски с землёй и фляги с фронтовыми «ста граммами» развернули его у «камня Симонова». Ветераны плакали... Это было незабываемо...

Надежду Дробышевскую часто приглашают для проведения творческих вечеров, но, как и у всех нас, особой возможности разъезжать нет,

поэтому Надежда в основном проводит свои творческие вечера в средней полосе России. Что можно ещё сказать о Надежде Дробышевской, если все её дела говорят сами за себя?

У неё необычная семья. Она – дочь священнослужителя. Её муж Александр – десантник, военный журналист, полковник в отставке, долгое время возглавлял пресс-службу ВВС России, Управление информации Министерства обороны РФ, затем Управление информации МЧС, а сегодня он – Главный редактор журнала «Вестник военного образования». Сын Владимир – также военный журналист, подполковник, пресс-секретарь заместителя Министра обороны РФ по тыловому обеспечению. Дочь Ольга окончила Литературный институт им. Горького, работала в различных СМИ, а сегодня занимается пиар-деятельностью.

Если говорить о её жизненном пути, необходимо сказать о том, что Надежда долгое время преподавала в школе – для офицерской жены это была самая лучшая профессия, в любом военном городке можно было устроиться на работу.

Будучи уже в Москве, Надежда сменила профессию – стала журналистом, но при этом ещё долгое время оставалась работать и в школе, по её словам, «чтобы иметь возможность находить-

ся рядом со своими детьми» – для неё роль матери была всегда важнее всего. И только когда дети повзрослели, занялась непосредственно творчеством.

Работа в газете, затем на телевидении. Одновременно она продолжала учиться дальше и, конечно же, писать. Сначала учёба в аспирантуре при Литературном институте им. Горького, где ею была написана кандидатская диссертация на тему: «Художественная публицистика периода 1941–1945 годов», а затем Академия при Президенте РФ.

За это время она выпустила несколько своих книг, её много печатали в газетах, журналах, литературных альманахах, а также в отдельных тематических сборниках.

Потом Надежда надолго исчезла из нашего поля зрения. И только потом, намного позже я узнал, что с ней случилась беда – она перенесла сложную операцию на позвоночнике.

Долгое время она предпринимала попытки найти работу, но просто физически ещё не была готова к этому, поэтому, не успев устроиться, через время увольнялась, никому из работодателей не озвучивая истинной причины ухода. Да и кто бы поверил, что такая молодая, подтянутая, вечно улыбающаяся женщина даже при обычной

ходьбе превозмогала дичайшую боль, не говоря уже о рабочих нагрузках.

И тогда на помощь пришли друзья: Андрей Разбаш, которого сегодня уже с нами нет, дал возможность писать тексты для программы «Крылья», не выходя из дома, благо технические возможности позволяли. Иван Сафронов-старший, Виталий Джибути, которых также сегодня уже с нами нет, – это только те, о которых я знаю, кто чем мог помогали ей, да и знакомые журналисты, у которых были свои издания, присылали ей тексты для редактирования. А Александр Панин и Дмитрий Ломако предоставили в фирме «Гефест» рабочее место, дав возможность работать на удалении. Большую помощь оказали ребята из агентства «Интерфакс»: Вячеслав Терехов, Михаил Комиссар, Ренат Абдуллин и Михаил Шевцов. Так незаметно для окружающих, не знающих о её беде, она снова вернулась к привычной жизни, но на телевидение, где она работала до этого, так и не вернулась. По её словам, «слишком много пошлости стало на экране, чтобы я в этом участвовала». Потом некоторое время работала литературным редактором в различных изданиях, а затем снова вернулась к преподавательской деятельности.

Она преподавала в Университете Российской Академии образования (ныне – Университет Российского инновационного образования), где на факультете экономики и бизнеса занимала должность профессора и читала курсы лекций по журналистике и пиар-работе, затем Институт журналистики и литературного творчества.

Но жизнь снова преподнесла Надежде очередное испытание. Страшный диагноз... И снова больница, снова сложные операции... Они с мужем даже на несколько лет уехали из Москвы... Эта тема для Надежды «табу», однако я осмелился об этом написать, так как без этого жизненного момента картина о ней будет неполной...

Зная Надежду, как отзывчивого, доброго и порядочного человека, очень рад, что у неё хватило мужества и сил всё это пережить и что сегодня она снова с нами, занимается своим любимым делом и даже успела выпустить две книги. Одна из них – книга стихов под красивым названием «Страницы радости моей», а вторая книга, которую Вы держите в руках, – книга прозы «Обретение надежды».

Сегодня Надежда Николаевна работает ведущим редактором Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ, ведёт в журнале «Вестник военного образования» рубрику

«Личность в образовании», является главным редактором Военно-медицинской газеты 3-го ЦВКГ им. Вишневского. В этом же госпитале ведёт свою творческую гостиную «У Вишневского», а также продолжает преподавать в Институте журналистики и литературного творчества, где передаёт свой опыт молодёжи.

На мой крайний вопрос о том, что она думает о сегодняшнем дне в плане творчества и как, по её мнению, относится к книге современная молодёжь, она сказала следующее:

«Мы поставлены в жёсткие экономические рамки, поэтому, чтобы чувствовать себя независимым, приходится много работать. «Бедный писатель» – уже вышедшее из моды понятие. Поэтому иногда на творчество остаётся только ночь... Прискорбно, но это так. А кто удостоится читательского внимания – покажет время... Однако, чтобы завершить мысль на оптимистичной ноте, скажу словами героини фильма «Благословите женщину»: «Не обижай, не унижай, живи по совести – и будь что будет...»»

Сопредседатель правления
Союза писателей России
Н.Ф. ИВАНОВ

К читателю

Всегда, перед тем как выпустить новую книгу, я стараюсь поговорить с её читателем.

Я поняла: что-то объяснить или рассказать, как обстоят дела, можно только самому. Ведь никто, как ты сама, не может объяснить, как и почему ты пишешь, и почему именно этот персонаж тебя так заинтересовал, да и многое другое, чего захочется узнать любознательному читателю.

В своих произведениях, будь то стихи, проза или публицистика, я стараюсь писать о чём-нибудь хорошем: об интересных людях; о настоящей любви, которая, вопреки бытующему мнению, всё-таки существует; о том, что с добром, хотя и сложно, но жить легче, чем озлобленному. И всё это не вымышленно и не придумано. Прообразами всех моих персонажей являются реальные люди, с которыми меня когда-либо сводила судьба. Конечно, многие вещи я домысливаю, однако в основе всегда есть реальный человек, конечно же с вымышленным именем, или реальное событие, которое меня зацепило.

Ещё один момент, о чём я считаю необходимым сказать своему читателю, чтобы у него не сложилось впечатления, что я пишу о себе, – это использование в рассказах моих стихов. Был у меня такой случай, когда после выхода очерка о стюардессе моему мужу друзья, словно сговорившись, задавали один и тот же вопрос: «А у тебя жена, что, стюардесса?»...

Все истории, изложенные в этой книге, – это воспоминания моей юности, потому что всё увиденное и пережитое уже осмысленно в отличие от впечатлений сегодняшнего дня. Наверное, поэтому о сегодняшнем дне я пока не пишу больших произведений, а пишу, в основном, журналистские материалы. Как правило, это очерки о людях, с которыми я встречаюсь, о городах, в которых я бываю... Но не будем торопиться: об этом пойдёт речь в моей следующей книге, хотя некоторые журналистские наблюдения я всё же разместила в этой книге.

Хотелось бы, чтобы современная молодёжь, как и герои моих произведений, верила, что и сегодня есть место для чистой любви, о которой можно писать просто, без откровенных постельных сцен, для настоящих друзей и для тех, кому важно не твоё положение в обществе и не наби-

тый доверху кошелёк, а твоё доброе отношение к ним.

А ещё, чтобы помнили, что есть родные люди, которые нуждаются во внимании, заботе и поддержке. И только так, создавая, а не разрушая всё вокруг, можно мечтать о счастливом будущем. И это не банальность. Жаль только, что мы совершенно отвыкли, а порой просто стесняемся открыто говорить такие «банальности»...

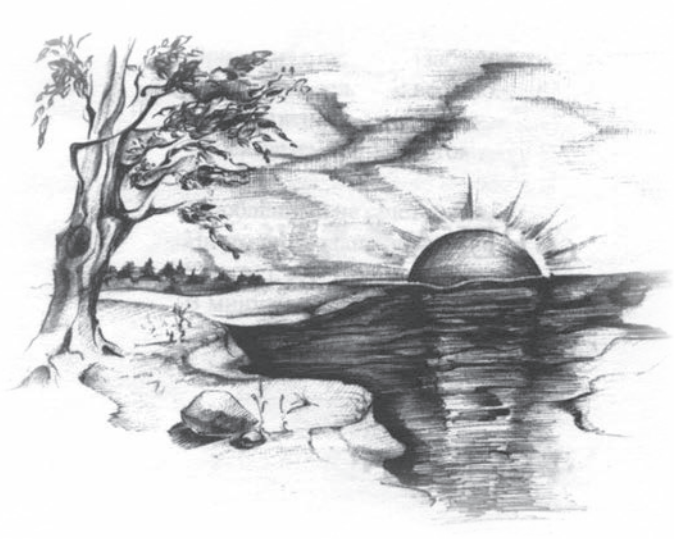
И всё же – так есть, так может и должно быть, и тому подтверждение – те маленькие литературные зарисовки, в которых описываются судьбы людей, с которыми меня так или иначе сводила судьба...

Я же, как и в предыдущих своих книгах, рассчитываю на читателя, который много пережил, для которого понятия Родина, Любовь – не пустой звук, кто уже сумел оценить любовь и преданность друзей. И, конечно же, на тех, у которых ещё всё впереди и которые обязательно должны научиться всё это ценить...

Надежда Дробышевская

Обретение надежды

Повесть



1. Настя

В тот год весна была ранней. Ещё календарь не перевернул первого апрельского листка, а на улице уже ярко светило солнце. Подчиняясь его теплу, всё вокруг приобретало совершенно иной вид: деревья, простившись со своей зимней серостью, но ещё не до конца одевшись в весенний наряд, выглядели выше и стройнее, и даже старенькая деревенская баня, стоящая на берегу реки с подходящим ей названием Вепрь, в окружении рано зазеленевших деревьев, выглядела обновлённой.

На берегу этой неспокойной реки расположился небольшой поселок Дубрава. Сразу же за ним начинался лесной массив, который в основном состоял из вековых дубов. Глядя на эту дубовую рощу, сразу становилось понятно, почему посёлок назван именно так.

На окраине деревни, недалеко от берега, приткнулось деревенское кладбище с ветхой часовней, сиротливо стоявшей посередине.

Местные старушки никогда не забывали о ней, особенно весной, перед Пасхой. И вот тогда она, заново побелённая, выглядела не так сиротливо.

Настя Никольская, дом родителей которой стоял над самой рекой, метрах в ста от деревенского кладбища, в эту весну подолгу не могла уснуть. Она прислушивалась к звукам, доносившимся с реки, подходила к окну и долго вглядывалась в темноту, пытаясь разгадать, откуда река черпает свои силы, чтобы в постоянно бурлящем потоке нести свои воды. Затем, достаточно промёрзнув, зарывалась по самый нос в тёплое пуховое одеяло и долго не засыпала, думая о чём-то своём, пока сон не превращал её мысли в ночные грёзы...

Так было уже не первую весну, но эта для Насти была особенной, её семнадцатой весной.

Свой день рождения Настя ждала с нетерпением, она мечтала по ночам и надеялась, что именно этот день принесёт ей, как реке весна, освобождение от всего: от родительской опеки, от надоевших условностей «маленькой девочки» и от многого того, чего не воспринимала её свободолюбивая натура.

Настя росла в большой семье и была самой младшей, поэтому ей всегда доставалось – и от

старшего брата Василия, и от сестры Лены, как часто бывает в больших семьях.

Брат с сестрой жили в городе и, приезжая на выходные домой, каждый вечер уходили с друзьями гулять, а всю работу по дому оставляли ей. Настю это обижало, и когда она оставалась вечерами одна, то, переделав всю сброшенную на неё работу, успокаивала себя чтением книг. Читала она много и порой без разбора – всё, что попадало в руки. Однако в последнее время прочитанное всё чаще заставляло её задуматься, да иногда так серьёзно, что родители начинали беспокоиться, не заболела ли их девочка, на что она только ниже склонялась над книгой...

Настя не считала себя красавицей, но что-то в ней всё же привлекало ребят. Они с удовольствием общались с ней, предпочитая её общество обществу местных красавиц. Может, это из-за необычного сочетания светло-пепельных волос с тонкими чёрными бровями, а может, из-за серо-голубого цвета её глаз? Кто знает...

Особенно любил заглядывать в эти глаза Серёжа Бобров, Настин одноклассник, хотя, если бы кто-нибудь осмелился ему об этом сказать, не миновал бы его кулаков...

2. День рождения

Вот и наступил долгожданный день рождения. В этот день Настя проснулась раньше всех. Тихонько, боясь разбудить домашних, оделась и спустилась к реке.

Светало... От реки, несмотря на уже появившуюся первую листву на деревьях, ещё веяло ледяным холодом, но она не текла спокойно, а вовсю нарушала шумом воды утреннюю тишину... Было сыро и холодно, но Настя не уходила, ждала рассвета...

И вот небо осветилось красновато-оранжевым светом, цвет которого так часто пытаются подобрать художники,

чтобы достойно описать это мгновение. Настя на секунду замерла от восторга, а затем, поприветствовав солнце, словно оно живое, уже достаточно промёрзшая, побежала к дому.

Мама всё это время, пока дочь стояла у реки, наблюдала за ней. «Странная она у меня», – подумала с грустью. Однако, заметив, что дочь возвращается, не захотела нарушать её уединения, отошла от окна и снова легла, но уснуть так и не смогла. Она ещё долго прислушивалась, как дочка шуршала бумагой в своей комнате, затем что-то читала вполголоса, и не заметила, как снова уснула...

Проснулась от громкого голоса дочери:

– Мам, вставай!

– Иду... – на ходу накидывая халат, вышла из спальни мама.

Настя начала стучать дверцами кухонных шкафов, отыскивая, что можно перехватить до завтрака, а мама, подойдя незаметно сзади, шутливо хлопнула её по руке.

– Ну мама...

– Ну что, моя красавица, с днём рождения!

И, не обращая внимания на надутые губы дочери, подошла к ней ближе, ласково обняла руками её голову и крепко прижала к себе.

– А мы с отцом подарок тебе приготовили. Подожди, сейчас принесу.

Она вернулась с маленькой ярко-красной бархатной коробочкой в руках – в такие обычно упаковывают драгоценности.

– Ой, что это?..

– Держи и будь умницей.

Настя открыла коробочку. Там лежала золотая цепочка с небольшим золотым крестиком.

– Ой, какая прелесть!

– Не кричи, глупышка, весь дом перебудишь... Носи на здоровье. Отец вчера специально в город ездил, к батюшке, чтобы освятить, а то ведь без этого нельзя крестик носить.

– Спасибо, мамочка!

Настя повисла у мамы на шее и стала осыпать её лицо поцелуями.

– Ну хватит уже, – смеясь и отстраняя от себя дочь, сказала мама.

С криками восторга Настя побежала в большую комнату, где спал Василий, специально приехавший из города на день рождения сестры. Однако он не разделил её восторга и запустил в неё подушкой.

– Вот так всегда: я к нему со всей душой, а он...

– Да не трогай ты его, пусть отоспится! Успеешь ещё похвастаться подарком, – донёсся с кухни мамин голос.

– Ну и дрыхни, – обиженно буркнула Настя и вернулась к маме.

– Ты бы пошла да поспала ещё: рань-то какая.

– Да ладно, мам, я лучше тебе помогу... Ленка вон тоже спит без задних ног. Приехала ко мне, а гулять с друзьями ушла...

– Не ворчи, как старуха. Возьми вон картошку в корзине под столом да почисть, только кожуру потоньше срезай.

Пока мама пекла блины, Настя почистила картошку, сложила её в чугунок, залила водой, посолила и поставила в печь.

Между тем утро вступало в свои права...

Из спальни вышел отец, по-хозяйски осмотрелся и недовольно нахмурился.

– Что, завтрак ещё не готов?

– Пап, мы же договорились все вместе позавтракать, или ты забыл, какой сегодня день?

– Помню, помню... Иди сюда, стрекоза. Смотри, мать, она у нас совсем невеста, – прижимая к себе дочку, с грустью в голосе сказал отец. Затем резко отстранил её от себя и вышел из кухни.

– Мам, чего это он?..

– Вот будут свои дети – тогда узнаешь, – ответила мама, вытирая платком повлажневшие глаза.

Настя прислонилась к маминому плечу и затихла.

– Вы что такие кислые? – неожиданно появилась в дверях Лена.

– Иди поднимай Василия да помоги сестре на стол накрыть, – не отвечая на её вопрос, сказала мама, промакивая фартуком глаза. – Отец уже сердится.

– Пойдём, – обращаясь к Насте, недовольно проворчала Лена. – Вечно у вас секреты, – и, повернувшись к двери большой комнаты, крикнула брату: – Эй, соня, подъём! Завтрак проспишь!

– Да не злись ты! – Настя взяла сестру за руку. – Какие там секреты... Хочешь, я тебе своё новое стихотворение прочту? Сегодня ночью написала...

– Ну, давай, поэтесса, – расставляя на столе посуду и не глядя на Настю, согласилась, словно смилостивилась, сестра.

Настя секунду-другую помолчала, а затем медленно начала читать:

Рассвет... Проснулась речка,
Туман окутал берега,
И тьма растаяла, как свечка,
Ушла за дальние луга.

И воздух сладостно приятен,
Необъяснимо манит лес.
Он появился с чёрных пятен,
Как будто заново воскрес.

И месяц, ночи украшенье,
Уже ушёл за тень лесов...
Из века в век это мгновенье
Прекрасно, словно тайны зов...

Наступила тишина. Лена замерла с тарелкой в руке и внимательно посмотрела на сестру, словно перед ней стояла совершенно незнакомая девушка.

– А я и не заметила, когда ты успела вырасти... Скажи, а откуда ты всё это берёшь: слова эти, выражения?

– Не знаю, они как-то сами приходят...

– Знаешь, я хоть и филолог, но стихи не очень жалую... А маме ты читала?

– Нет ещё.

– Иди прочти, ей будет приятно. Да спрячь крестик: его не носят напоказ.

Настя, на ходу заправляя крестик под свитер, скрылась за дверью, а Лена, задумавшись, ещё долго смотрела вслед своей младшей сестре...

...В этот вечер Настя вернулась домой очень поздно: она продолжила праздновать свой день рождения с друзьями и совершенно забыла о времени.

Отец сидел хмурый и молча смотрел на дочь. Затем встал, подошёл к ней вплотную и тихо, но так, что Насте стало не по себе, сказал:

– Чтобы это было в первый и последний раз...

Она вымученно улыбнулась, глубоко вдохнула, как перед прыжком, и ответила отцу:

– Пап, я уже не маленькая. Мне, между прочим, уже семнадцать. Я всё понимаю и знаю, как себя вести!

Зная вспыльчивый характер отца, она ожидала бурю гнева после своих слов и была готова ко всему. Однако, вопреки её ожиданиям, отец ничего больше не сказал, только, выходя из комнаты, громко хлопнул дверью.

– Ну зачем ты так? – укоризненно покачала головой мама. – Он же за тебя переживает, а ты...

И ещё... Если ты уже такая взрослая, то должна понимать, что родители волнуются... Посмотри на часы...

– Половина второго?! Ой...

– Вот тебе и ой... И отца понапрасну обидела...

Насте стало ужасно стыдно. Она сняла плащ, ни слова не говоря, пошла в свою комнату и только там дала волю слезам...

Немного успокоившись, она открыла окно, чтобы остудить пылающее от слёз лицо. Свежий воздух быстро заполнил небольшую комнату, и сразу стало немного легче...

На улице от полнолуния было светло, как днём. Луна оттеняла тёмные вершины деревьев, и лес напоминал неприступную крепостную стену, а тени от кладбищенских крестов на фоне этой стены выглядели очень пугающе.

Настя передёрнула плечами – не то от холода, веющего с реки, не то от представшей перед её взглядом картины, затем тихонько, чтобы никого не разбудить, закрыла окно и направилась к своей, заботливо заправленной мамой кровати.

Пьянящий весенний воздух принёс успокоение, да и усталость дня сделала своё дело,

поэтому Настя, на ходу сбросив одежду, юркнула под тёплое одеяло и через некоторое время затихла, дав покой и радостям, и тревогам прошедшего дня...

3. Дорога в неизвестность

Последние дни учёбы в школе пролетели незаметно, и также пролетели выпускные экзамены. Остался позади прощальный школьный бал и все переживания, связанные с ним...

Наступил день отъезда.

Настя уезжала. Уезжала, чтобы продолжить учёбу, не думая и не загадывая, что ждёт её за родительским порогом.

На перроне стояли отец с матерью и Серёжка Бобров – вечный её страж. Мама вытирала платком мокрые от слёз глаза, отец давал последние наставления в дорогу, а Серёжа неловко мял в руках ромашки, не решаясь их ей отдать.

Перед посадкой в поезд мама расплакалась, отец отвернулся, чтобы скрыть повлажневшие глаза, а Серёжа стоял на месте, всё также комкая в руках ромашки. Насте стало жаль его. Она подошла к нему, забрала цветы и поцеловала в пунцовую от смущения щёку. Затем расцеловала родителей, вскочила на подножку уже тронув-

шегося поезда и помахала всем рукой, в которой держала ромашки.

Поезд набирал скорость, а Настя стояла у окна и смотрела на удаляющиеся силуэты родных ей людей. Слёзы туманили глаза, и стало вдруг страшно оттого, что всё: дом, река, деревья, всё такое родное и близкое – оставалось здесь, а впереди была одна неизвестность...

В купе, в которое она вошла, сидел старик. Он был совсем седой, и Настя даже немного испугалась, однако, пересилив свой страх, поздоровалась, поставила к месту свою сумку, села поближе к окну и затихла. В купе было тепло, уютно и тихо, и только размеренный стук колёс нарушал эту тишину.

Из коридора донёсся громкий голос проводницы, предлагавшей пассажирам чай.

Настин сосед сразу оживился, встал, открыл дверь:

– А что, чай-то хороший? – обратился он к проводнице.

– Для тебя, если хочешь, отдельно заварим – за двойную цену! – нагло заявила проводница.

– Да нет, спасибо, а вот от кипяточка не отказался бы.

– Да Бога ради, только заплатите, как за чай.

– Что ж... Принесите четыре стаканчика, только погорячее.

Через пять минут проводница появилась в дверях с четырьмя стаканами кипятка. Старик поблагодарил, рассчитался и закрыл за ней дверь.

Когда её шаги затихли, Настя возмутилась:

– Дедушка, зачем Вы ей деньги отдали? Кипяток можно ведь бесплатно брать.

– Устал я, дочка, с глупыми да жадными спорить. А эти деньги всё равно ей пользы не принесут: таков закон жизни. Да ты не огорчайся! Лучше двигайся поближе, я сейчас тебя чудным чайком угощу.

Настя недоверчиво посмотрела на него и, немного смущаясь, спросила:

– А как Вас зовут?

– Зови меня дедушка Айшен. А тебя как звать-величать, красавица?

– Настя.

– Красиво, словно эхо в горах.

Настя ещё больше смутилась:

– Вы скажете...

Дедушка Айшен тем временем развязал свой неопределённого цвета мешок и извлёк оттуда

бумажный кулёк. Из развёрнутого кулька по купе разошёлся еле уловимый, незнакомый Насте аромат. Её спутник понемногу отсыпал содержимого кулька в каждый стакан, а затем, также аккуратно сложив, отправил его в свой мешок.

– А отчего у чая такой странный запах и цвет? – спросила Настя, внимательно наблюдавшая за действиями старика.

– Э-э, дочка, этот чай очень хороший. А что цвет у него такой, так это ничего, зато свойства у него чудодейственные, а пахнет он горным чабрецом. Попробуй, не бойся, только чуть-чуть погоди: пусть трава весь аромат воде отдаст, – старик протянул ей стакан, – и не спеши, пей небольшими глоточками, а иначе вкуса не почувствуешь.

Аккуратно, чтобы не обжечься, Настя взяла из его рук стакан и, немного подождав, нерешительно поднесла ко рту.

– Пей, пей, не бойся. Он тебя от недобрых мыслей избавит, – подбодрил её старик и лукаво подмигнул.

Она пила медленно, смакуя каждый глоток непривычного на вкус напитка. У него был горьковато-пряный привкус, и пила его Настя не то чтобы с удовольствием, а скорее, боясь обидеть старика.

– Ну как? – спросил он.

– Ничего...

В купе стало прохладно: заработали кондиционеры. Настя водила пальцем по краям полупустого стакана, а старик внимательно наблюдал за ней.

– Далеко ли едешь и откуда, если не секрет? – первым нарушил он молчание.

– Да какой секрет. Из дома еду. Окончила школу, хочу дальше учиться.

– Дело хорошее... А куда поступать надумала?

– В университет, на филфак.

– Это, значит, на учительницу русского языка? А что? Из тебя ладная учительница выйдет: добрая ты. А доброта детям первейшее дело.

Настя снова смутилась.

– Да не смущайся ты всё время, будь побойчее, а то вон такая, как наша проводница, попадётся, а у тебя перед ней конфуз. Нехорошо...

– Не всем же нахрапом брать...

– Да, может, ты и права...

Старик на мгновенье задумался о чём-то своём, а затем посмотрел на свою попутчицу долгим изучающим взглядом и понял, что ему всё больше нравится эта скромная девушка.

– Знаешь, дочка, в тех местах, откуда я родом, очень бережно относятся к своему прошлому. Из

поколения в поколение передаются всякие предания, и в каждом из них сталкиваются добро и зло... И тебе в жизни придётся столкнуться со злом, от этого никуда не уйдёшь. И нужно учиться защищаться: без этого будет худо...

Насте стало неловко перед стариком, и она постаралась сменить тему разговора.

– Дедушка Айшен, а Вы сами много таких преданий знаете?

– Ну, не так, чтобы много, мало-мало знаю.

– А, может, что-нибудь расскажете?

– Что может интересовать такую молодую красивую девушку, как ты? Наверное, про любовь, – шутливо подмигнул он Насте. – Ну, не смущайся... Ладно... Есть в моей памяти одна история... Скорее, даже легенда... Эта легенда об озере Иссык-Куль. Наверное, слышала о таком?

Настя молча кивнула.

– Так вот... – на мгновенье замолчал, а затем продолжил старик.

...Когда ещё был жив дед моего деда, а может, и прадед моего прадеда, жили тогда в нашем селенье два знатных рода. Жили они очень дружно. И вот в один год у одних родился сын, и назвали они его Ис-

сык, а у других родилась дочь, и назвали они её Куль. И решили они породниться через своих детей.

Шло время, дети росли. Девушка выросла всем на зависть и умна, и добра, и хороша собой. Да и юноша стал молодцем хоть куда – многие красавицы поглядывали в его сторону.

На радость родителям дети полюбили друг друга, однако в жизни горе идёт бок о бок со счастьем. Так случилось и с нашими героями...

Однажды на охоте отец девушки случайно ранил отца юноши. Так бывает, никто не застрахован от случайностей. Но мать Иссыка решила, что это совсем не случайность, и строго-настрого запретила сыну встречаться с любимой.

В ответ на это родители нашли Куль другого жениха и усиленно стали готовиться к свадьбе.

Девушка была в отчаянии и не знала, что ей делать, ведь об отказе родители и слышать не желали. И тогда она тайно встретилась с Иссыком, и они сговорились о побеге.

Это случилось в день свадьбы. Иссык ждал свою возлюбленную в условленном месте. Однако отсутствие невесты заметили очень быстро. За беглецами тут же была послана погоня.

Их настигли, когда они были уже высоко в горах. Но им не повезло: дальнейший путь оказал-

ся невозможным, так как прямо перед ними раскинулось глубокое ущелье. Юноша взял девушку за руку и подвёл к краю скалы...

Они любили своих родителей, но ещё больше любили друг друга, а ещё, будучи детьми гор, понимали, что им не простят ослушания... Выбора у них не было... Иссык крепко прижал к себе любимую, она тоже крепко обняла его, и их губы соединились в крепком поцелуе. Они словно застыли на какое-то мгновенье... А когда погоня оказалась совсем близко, Куль освободилась из объятий своего избранника, взяла его за руку, посмотрела на него пристально, и в следующее мгновенье они, крепко держась за руки, шагнули в бездну ущелья...

Родители долго бились в безутешном горе, а вскоре и помирились, так как делить уже было некого... И только вместе ходили на скалу, где часами оплакивали своих погибших детей. Они пролили столько слёз, что на месте ущелья образовалось целое озеро, а на дне этого озера появились лежащие рядом две огромные каменные глыбы, похожие на фигуры людей. Говорят, что это и есть окаменевшие тела влюблённых...

Вот так и появилось название озера Иссык-Куль – в честь этих несчастных, а может быть, и самых счастливых влюблённых...

Он замолчал, а Настя сидела, поражённая рассказом старика, и не могла вымолвить ни слова. А потом ещё долго смотрела в окно, молча наблюдая, как мелькают силуэты деревьев да огоньки деревушек, больше напоминающие одиноких светлячков.

– Как незаметно стемнело...

– Да, дочка, всё проходит незаметно... Да ты сонная совсем... Заболтал я тебя... Давай стели да спать укладывайся, а я пока выйду.

– Спасибо, дедушка...

– Да мне-то за что? Родителей благодари, что тебя такой воспитали. И, самое главное, верь, что у тебя всё получится. Уж больно глаза у тебя хорошие... С такими глазами не может не повезти, поверь старику...

Он вышел, тихо закрыл за собой дверь, а Настя вдруг почувствовала дикую усталость. Она быстро разобрала постель и улеглась, свернувшись, по привычке, калачиком. Стук колёс, словно колыбельная песня, быстро убаюкал её. А во сне она всё пыталась спасти юношу и девушку...

Проснулась она от резкого толчка. Оглядевшись по сторонам, Настя заметила, что ни старика, ни его вещей в купе не было, и только пустые

стаканы с остатками заварки на дне напоминали о его недавнем присутствии. Ей стало жаль, что не удалось попрощаться со своим попутчиком, однако гомон и шум за окном заставили её тут же забыть о своём огорчении. Поезд прибыл на конечную станцию, и она, быстренько одевшись, взяла сумку и заторопилась к выходу.

Выйдя из вагона, Настя очутилась в водовороте людской толпы. Ей ещё никогда не приходилось видеть сразу столько людей, и она почувствовала себя совершенно потерянной.

– Настя! – услышала она громкий окрик.

Обернувшись на голос, увидела сестру и сразу немного успокоилась.

– Давай сюда сумку, – вместо приветствия скомандовала Лена, – да руку давай, и побыстрее, а то мы с тобой до вечера отсюда не выберемся. Почему вчера не приехала? Было бы меньше проблем. А сегодня воскресенье. Смотри, сколько народу! Не пробиться!

Всё это она говорила, не давая возможности Насте вставить ни одного слова, и при этом ловко пробиралась среди людского потока. Также ловко она забралась в переполненный автобус, увлекая за собой оглушённую всем происходящим сестру.

Сойдя через две остановки, они очутились прямо перед высотным зданием, к которому тут же направились.

– Это наше общежитие. Пока поживёшь у меня, а там будет видно.

Всё также на ходу Лена показала сестре, где что находится, а потом, хлопнув себя по лбу, воскликнула:

– Тьфу ты, совсем забыла: вступительные экзамены-то перенесли! Первый будет послезавтра. И знаешь какой? Русский язык. Так что прохлаждаться некогда – отдохни, покушай и вперед... А я на свидание опаздываю.

Она проводила Настю в комнату, указала на свою кровать, тумбочку:

– Со всем остальным разберёшься сама: не маленькая. Приду – потом поговорим. Всё, целую, меня здесь нет.

Настя толком и сообразить ничего не успела, как за сестрой захлопнулась дверь. «Ну что ж, может, так и лучше...» – подумала она. Затем не спеша открыла сумку, достала из неё полотенце, халат, тапочки, мыло и пошла в душевую.

Вода была тёплой, тоненькие струйки душа приятно ласкали кожу. «Как хорошо», – снова подумала она, ощущая покой и блаженство.

Выйдя из душевой, Настя вздрогнула от неожиданности. Перед ней стоял молодой человек и пристально её рассматривал. Она, прижимаясь к стене, обошла его, чуть не перепутав от испуга комнаты. А оказавшись, наконец, в комнате сестры, быстро защёлкнула замок, однако через тонкую дверь комнаты до неё долетел звонкий голос парня:

– Не бойся, Афродита, я не кусаюсь. А девчатам передай, что Борис вечерком зайдёт на чашечку чая.

Настя ничего не ответила и, стоя у двери, долго прислушивалась, пока шаги незнакомца не затихли в гулком пустом коридоре.

Лена вернулась только к вечеру. За это время Настя успела повторить всю грамматику русского языка и ужасно проголодалась.

– Лен, я совсем забыла: мама же кучу всяких вкуснятин для тебя передала. Только для Василия половину оставь.

– Жив будет. У него жена есть – пусть она ему готовит. А мы бедные студенты – нам для работы мозга просто необходима хорошая пища.

– Ладно тебе, давай лучше накрывай на стол.

– Ты возьми перекуси чего-нибудь, а стол позже накроем, когда девчата приедут. Это я тут

с тобой, а они на практике в школьном пионерлагере. Сегодня должны вернуться.

Пока сестра болтала, Настя извлекла из сумки продукты. В комнате запахло свежими огурцами и домашней колбасой.

Словно привлечённые этими запахами, на пороге появились Ленины соседки по комнате – Зоя и Лиза.

– Приветик! Ой, какие запахи! – воскликнула Зоя и прямиком направилась к столу.

– Привет, Лен. Это и есть твоя сестра? – глядя на Настю, спросила Лиза.

– Да, она самая, знакомьтесь.

– А что тут знакомиться? – с полным ртом прошепелявила Зоя.

– Ты бы хоть руки вымыла, бессовестная! – незлобиво заворчала на неё Лиза, доставая из пакета шампанское.

– Какая ты, Лизка, молодец! А я и не подумала...

– Ладно, девочки, – вмешалась Лена, зная их вечную манеру спорить, – давайте накроем шикарный стол и отметим Настькин приезд. А то мы с ней уже на слюну изошли, дожидаясь вас...

– Ой, – испуганно всплеснула руками Настя, – к вам вечером какой-то Борис обещал заглянуть.

– Ничего себе сестренка, – хохотнула в кулак Зоя. – Когда ж ты успела с нашим Боренькой познакомиться?

– Да я и не собиралась вовсе с ним знакомиться. Я его случайно в коридоре встретила, – обиженно надула губы Настя.

– Чего к девчонке цепляешься? – осадила её Лена. – А то ты не знаешь нашего Бориса: чуть новое лицо – он тут как тут, – и, уже обращаясь к сестре, добавила: – А ты здесь с парнями поаккуратней: это тебе не дома.

Не успела Лена договорить, как распахнулась дверь. Вошёл Борис.

– Ты что, спятил? – заорала на него Лиза. – Стучаться надо!

– Я же предупреждал, что приду, – нагло заявил он, – вон ту, курносую. Иль не передала?

– Передала она, передала, – заступилась за сестру Лена. – Пришёл – так проходи. И нечего трепать языком.

– Ладно, уж и пошутить нельзя, – пошёл на попятную Борис. – Простите меня, дурака этакого...

Он положил на стол коробку конфет.

– Ого! – снова не удержалась Зоя. – К нашему шампанскому как раз то, что надо.

– Да вы, никак, кутить собрались? И по какому поводу, позвольте узнать?

– Слушай, Борис, – вмешалась Лиза, – прекрати паясничать и не строй из себя клоуна, а то наша гостья о тебе Бог весть что подумает.

– Ага, значит, у вас гости?

– А то ты не видишь? – начала уже злиться Лена.

– Я-то вижу, только чья это гостья?

– Это моя сестра. Но не для тебя, радость ты наша.

– Что ж так? Я в нашей бурсе не последний человек – может, и твоей сестре для чего-то сгожусь.

Стук в дверь прервал их спор.

– Войдите, – ответила на стук Лена.

Громко приветствуя присутствующих, в комнату вошли двое ребят. Один из них сразу чем-то смутил Настю. Если бы её в тот момент спросили, чем именно, она, наверное, не смогла бы ответить. Что-то мешало ей более пристально рассмотреть этого парня, и она тут же отвела взгляд.

Он же, войдя первым и увидев незнакомую девушку, улыбнулся, затем сделал жест, словно снимает шляпу, представился.

– Я – Алексей, а это, – он показал на приятеля, – Серж. Будем знакомы. – И протянул Насте руку.

– Настя.

– Ну, вот и познакомились, – и, уже обращаясь ко всем: – Судя по нереальным запахам, намечается вечеринка. Свободная рабсила к вашим услугам.

– Тогда вперёд, – сразу же засуетилась Зоя. – Выдвигайте стол из угла и тащите сюда стулья.

– Подождите, мы сейчас тоже чего-нибудь принесём. А то как-то неудобно получается, – Алексей повернулся к своему спутнику: – Серж, одна нога здесь, другая там. А мы с Борисом – за стульями.

– Да не надо ничего, ребята, – запротестовала Лена. – Смотрите, сколько всего. И так праздник живота будет.

– Ничего, лишним не будет, – загадочно улыбнулся Серж и, не слушая дальнейших возражений, вместе с ребятами скрылся за дверью.

Девушки быстро накрыли на стол. Алексей с Борисом, вернувшись, расставили собранные по комнатам стулья и начали рассаживаться.

Чуть позже появился Серж: в каждой руке у него было по бутылке шампанского.

– Ребята, а не очень много будет? – спросила Лена.

– Да брось ты... Да ради такого случая...– Серж посмотрел на Алексея с Борисом, прося поддержки.

– Не бойся, смотри, сколько нас... И вообще, к кому сестра приехала – к нам или к тебе? – поддержал друга Алексей.

Больше не пришлось никого уговаривать.

Когда шум от двигающихся стульев утих, Настя заметила, что сидит напротив Алексея. И, пока все в ожидании смотрели на Бориса, который никак не мог открыть шампанское, она попыталась его рассмотреть.

Он был высоким, худощавым, с тёмными вьющимися волосами, которые то и дело падали ему на глаза, а он привычным движением отбрасывал их назад. Настя улыбнулась, хотела что-то ему сказать, но громкий звук открывшегося шампанского не дал ей такой возможности. Девчата, подставляя свои чашки, завизжали от восторга.

– Представим звон бокалов... Дзинь, дзинь, дзинь... Представили? А теперь за Ваш приезд, Настенька. Надеюсь, Вы на меня не обижаетесь? – Борис так открыто улыбнулся, что Настя тут же всё ему простила, подтвердив своё прощение кивком головы. На радостях Борис залпом опрокинул в рот содержимое чашки.

Настя, не привыкшая к спиртному, попыталась последовать его примеру, но после первого же глотка задохнулась и ещё долго не могла откашляться.

– Ничего, привыкнешь, – засмеялась Зоя.

– Я те привыкну, – шутливо помахала пальцем Лена.

– Я больше не хочу, – отставила чашку Настя.

– Вы всё же допейте, только маленькими глоточками. И не обижайтесь на них: они не со зла, – улыбнулся ей Алексей.

Настя с благодарностью посмотрела на него.

От выпитого шампанского все оживились, зашумели, а Насте почему-то стало грустно. Немного перекусив, она встала из-за стола и вышла в коридор. Там она присела на подоконник и стала смотреть на ночной город, который, с высоты одиннадцатого этажа, в мерцании многоцветных огней от витрин казался очень загадочным. Было красиво, но ей вспомнилась другая красота: красота грациозной реки, гордо несущей свои неспокойные воды, дубовой рощи, любимого жас-

минового куста под окном... И ей невыносимо захотелось домой...

Скрипнула дверь. Настя оглянулась и увидела Алексея.

– Когда грустно, лучше быть среди друзей... Пойдём, всё будет в порядке, – неожиданно перешёл он на ты.

Настя ещё раз бросила взгляд на мерцающий сотнями огней ночной город и, в который раз за сегодняшний вечер с благодарностью посмотрев на Алексея, шагнула в открывшуюся перед ней дверь...

4. Счастливый день

Проблем у Насти за время экзаменов было много, но, несмотря на это, пока она всё сдавала успешно, а за сочинение даже получила отлично, что было большой редкостью.

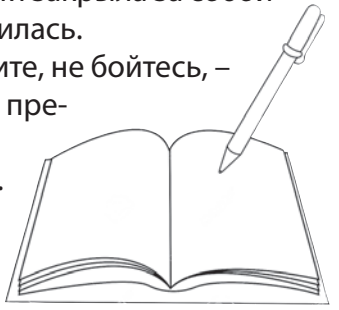
Как раз после сочинения её пригласили в приёмную комиссию. Настя не понимала зачем и поэтому очень волновалась.

Перед дверью аудитории, где заседала приёмная комиссия, она остановилась, перевела дыхание и только потом постучалась.

– Войдите.

– Добрый день, – Настя закрыла за собой дверь, но пройти не решилась.

– Проходите, проходите, не бойтесь, – обратился к ней один из преподавателей.



Настя подошла к столу.

– Вы Анастасия Никольская? – спросил тот же преподаватель.

– Да.

– Прелестненько. Мы тут одну Никольскую уже выучили и, скажем, неплохо выучили. Она, если не ошибаюсь, в этом году защищается?

– Да.

– Прелестненько. Так вот, она тут нам о Вас много чего порассказала. Например, что Вы пытаетесь писать. Это правда?

– Да.

– Прелестненько. Правда, судя по Вашим немногословным ответам, Вы и говорить-то не совсем умеете...

Преподаватели, присутствующие при разговоре, рассмеялись. Настя вспыхнула.

– Отчего же? Я говорить умею довольно хорошо.

– Да Вы не обижайтесь. Мы Вам вот что скажем... У Вас аттестат с отличием, а так как один из экзаменов Вы сдали на отлично, а другой на хорошо, то это даёт нам право зачислить Вас без сдачи дальнейших экзаменов.

– Ой...

– Вот Вам и ой... Но и это ещё не всё.

Он хитровато посмотрел на Настю и, словно смакуя каждое слово, продолжил:

– У нас в университете есть факультет литературы и журналистики. Так вот, мы предлагаем

Вам обучение на этом факультете. Ну-с, как Вы на это смотрите?

– Это так неожиданно... Ну, конечно... Если можно... Я согласна...

– Ну и прелестненько, – смеясь, сказал преподаватель. – Можете обрадовать своих родителей.

Настя выскочила из кабинета, забыв попрощаться и поблагодарить, и бросилась искать свою сестру.

– Куда так торопишься? – услышала она знакомый голос, не сразу сообразив, что обращаются именно к ней.

Обернувшись на голос, увидела улыбающегося Алексея. Ещё не совсем соображая, что делает, подбежала к нему, схватила его руку и стала трясти её с бешеной силой.

– Поздравьте меня: я зачислена в университет, и не просто в университет, а на факультет литературы и журналистики!

– Осторожно: руку оторвешь...

– Ой, извините...

– Постой, так экзамены ещё не закончены... И, если мне не изменяет память, ты поступала на филфак, так? Вроде я столько не выпил, чтобы всё перепутать...

– Всё так... Но... Вы понимаете...

– Так, опять Вы... Мы, кажется, договорились... И ещё: когда слышу Вы, себя каким-то древним чувствую.

– Хорошо, хорошо, а по поводу поступления я потом объясню: сейчас я к Ленке спешу, хочу обрадовать...

– Не спеши: у них сегодня встреча с куратором, а это надолго. Но я с удовольствием разделю с тобой твою радость.

– Как?!

– Я приглашаю тебя по этому случаю в кафе.

– Ой, я не пью...

Алексей громко рассмеялся, но Насте почему-то это совсем не показалось обидным, и она рассмеялась вместе с ним.

– Я тебя приглашаю на мороженое. Идёт?

– Идёт.

Он чуть жеманно отставил локоть, и она с удовольствием подчинилась...

...Когда они вернулись, в комнате их ждал накрытый стол, вокруг которого собрались всё те же ребята. Они уже знали Настину новость, да и у них был сегодня праздник – последний день практики. У многих из них поезд отходил

уже ночью, поэтому Алексею с Настей досталось за опоздание. А Лена бросила на сестру укоризненный взгляд.

– Могла бы предупредить...

– Прости, так получилось... Мы же недолго...

– Ладно... К тебе тут гость, уже целый час ждет...

Настя только сейчас заметила сидящего в углу Серёжу Боброва. Рядом с ним, на тумбочке, стоял букет ромашек и лежала коробка конфет. Ей стало неловко, и она начала сбивчиво объяснять ему, почему задержалась. Он закрыл ей ладонью рот.

– Не надо... Я просто заехал тебя поздравить... Я был уверен, что ты поступишь...

– Спасибо... Давай пересаживайся поближе...

Лена, чтобы разрядить обстановку, усадила Алексея рядом с собой, а Серёжа сел рядом с Настей.

Все веселились от души, Настя даже не возражала против шампанского: всё-таки такое событие. И только Алексей сидел понурый, а потом как-то быстро засобирался...

– Ребята, спасибо за всё. Мне пора: через три часа поезд, а мне ещё собраться надо.

– Я провожу... – Настя попыталась встать из-за стола.

– У тебя гости... – сказал Алексей и так посмотрел, что Настя тут же опустилась на свой стул...

Серёжа заметил это, однако ничего не сказал, только ниже опустил голову...

...Разошлись все только за полночь. Лена вышла, чтобы договориться с ребятами о Серёжином ночлеге, Лиза начала паковать чемодан, а Зоя – разбирать постель. Настя с Серёжей, чтобы не мешать им, вышли в коридор.

– У тебя с ним серьёзно?

Настя не знала, что ему ответить, и попробовала отделаться шуткой.

– А как же я?

Серёжа чуть не плакал. Настя впервые видела его таким. Она знала, что нравится ему, но не думала, что это так серьёзно, и ей стало его жалко.

– Серёж, я тоже скучала без тебя...

– Правда?..

Отступать было поздно, и Настя продолжила в том же духе.

– Ну конечно, просто экзамены совершенно выбили меня из колеи.

– А знаешь, – повеселевшим голосом заговорил Сергей, – я ведь тоже поступать еду, вот вызов на экзамены.

Он протянул Насте листок. Пробежав по нему глазами, Настя удивлённо посмотрела на Серёжу.

– В военное?!.

– Да...

– Ты же, вроде, не собирался...

– Собирался, просто никому не говорил, чтобы потом, если не поступлю, не смеялись. Ты же знаешь наших парней.

– Да-а-а... Удивил так удивил... Когда хоть едешь?

– Завтра. Хочу пораньше приехать, чтобы узнать, что к чему. Вещи мои уже на вокзале, в камере хранения... Я ведь попрощаться зашёл, а тут такой случай...

В коридоре появилась Лена.

– Ну что, я с ребятами договорилась, так что прощайтесь быстрее, а то в коридоре спать будешь. Комната Бориса, потом покажешь. Спокойной ночи, студенты-абитуриенты...

– Спасибо, Леночка, мы недолго, – улыбнулся ей Серёжа.

Когда за ней закрылась дверь, Серёжа взял Настины руки и стал осыпать их поцелуями.

– Ты что?!..

– Настя, я сейчас уйду. Утром мне рано вставать – я не буду тебя будить... Скажи, ты ждать меня будешь? Только не говори «нет» – лучше промолчи...

Настя не знала, как ей быть. Серёжа ей нравился, ведь в деревне он был грозой всех мальчишек. И то, что он сейчас стоит перед ней и с

надеждой ждёт ответа, было ей приятно. Это льстило её самолюбию, и она, немного подумав, ответила утвердительно.

Он обхватил её руками, крепко прижал к себе и приник к её губам.

Настя не сопротивлялась. Она словно растворилась в его поцелуе: столь приятным было для неё это ощущение. По телу разлилась истома... И вдруг, испугавшись этих ощущений, она резко отстранила от себя Серёжу.

– Прости... Тебе пора...

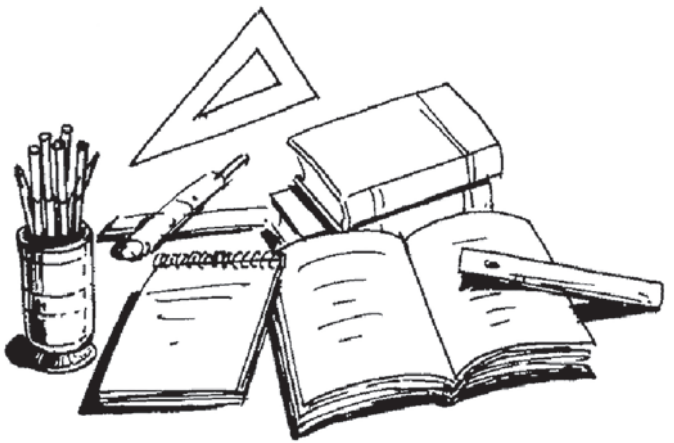
– Настенька... – он снова стал осыпать её руки поцелуями, – помни: ты обещала... – и попытался прижать её снова.

Но Настя подняла руки, словно защищаясь, потом поцеловала его в щёку и скрылась за дверью.

Серёжа ещё некоторое время постоял, глядя на закрывшуюся за Настей дверь, а затем, счастливый и довольный, зашагал к двери, на которую ему успела указать Настя.

5. Студентка

Вот и долгожданное первое занятие. Всё вокруг казалось Насте необычным: огромные аудитории для лекций, уютные кабинеты для практических занятий и даже само отношение преподавателей. Но больше всего ей нравилась свободная атмосфера, царившая в университете.



На последней паре у них было практическое занятие по психологии. Вела занятие куратор Неля Тимофеевна Булатова – женщина среднего возраста, с загадочно-блуждающей улыбкой и проседью на висках.

Она рассказывала что-то далёкое от темы, стараясь заинтересовать своим предметом. Во время своего рассказа она подолгу задерживала взгляд на каждом из них. Затем неожиданно стала поочередно поднимать всех и задавать вопросы, касающиеся лично каждого. Вопросы звучали ненавязчиво, поэтому каждый считал, что рассказывает о себе сам.

– Ну, а ты, голубушка, что о себе расскажешь? – наконец дошла очередь до Насти.

– Я Настя Никольская... У меня всё как у всех: школа, дом. Дома мама, папа, есть брат и сестра. Вот и всё...

– Негусто... Ну, ничего, сейчас жизнь пойдет бурлить. Появятся друзья, подруги, друг – будет что рассказать.

– А у меня уже есть друг...

– Ну вот, а говоришь: рассказать нечего.

– Об этом не говорят...

– Ну да... – смутилась Неля Тимофеевна и более внимательно посмотрела на девушку, но Настя выдержала её пристальный взгляд.

– Что ж, садись. Ну, а Вы, молодой человек, что нам расскажете? – обратилась она к парню, сидящему рядом с Настей.

– Ой, где был я вчера... – начал было он, однако преподавательница тут же указала ему на место.

– С тобой всё ясно.

– Ну почему? Я же ещё ничего не сказал...

– Нет уж, уволь, как-нибудь в другой раз. Только представься, пожалуйста.

– Анатолий Петрович Зверев. Можно просто Толя.

– Ну спасибо, правда меня можно только Неля Тимофеевна. Не возражаешь?

Ответ заглушил громкий смех однокурсников. Толя шутливо раскланялся и, с высоко поднятой головой, уселся на своё место.

– В профессии журналиста актёрский талант не помешает, – улыбнулась Неля Тимофеевна.

Это расшевелило ребят – они стали более раскованны и откровенны в своих рассказах.

«Неплохая у меня группа подобралась», – подумала преподавательница, выслушивая очередного оратора...

Вечером в общежитии стоял невообразимый галдёж. Кто-то нёс от кастелянши постель, кто-

то – стулья, столы. Все толкались, шутили, приветствуя таким образом перемены в жизни.

Наконец комната, в которой поселилась Настя, приобрела более или менее жилой вид. Вдоль противоположных стен стояло по две кровати, около каждой из них – тумбочка, а у окна – стол со стульями. У входа были встроенные шкафы, которые девушки уже успели поделить между собой, сложив туда свои вещи.

– Нам бы сюда кусочек тюля да пару ярких картинок, – мечтательно произнесла Ира Филатова, высокая длинноногая девушка с копной тёмных вьющихся волос.

– А ещё дорожку на пол, – добавила Света Димченко, кровать которой стояла слева у окна.

– Ничего, девчонки, всё у нас со временем будет, – успокоила их Настя. – Только интересно: а кто у нас четвёртой будет?

Словно в ответ на её вопрос раздался стук в дверь.

На пороге появилась небольшого роста девушка. Она смущённо поздоровалась и чуть слышно проговорила:

– Меня в вашу комнату определили.

– Занимай свободную кровать и будь смелее: это теперь наш дом на долгие годы, – ответила за всех Ира.

– Ну вот мы и в сборе. Меня зовут Настя, это – Ира, а это – Света, – показывая поочерёдно на каждую, представила всех Настя. – А тебя как?

– Оля...

– Ну что ж, Оля, устраивайся, потом познакомимся поближе.

Пока Оля устраивалась, Ира извлекла из своей тумбочки небольшой чайник и пошла на кухню. Настя со Светой достали чашки, заварку, печенье, банку с вареньем и стали поторапливать Олю...

...Многое узнали девушки за этот вечер друг о друге. Например, что у Светы нет мамы – они живут вдвоём с отцом; что Ира замужем, а муж её служит в армии; что Оля, поначалу остановившаяся у родственников, ощутила на себе все прелести приживалки. И многое, многое другое.

За разговорами они не заметили, как время перевалило далеко за полночь.

...Первой проснулась Света. Осеннее солнце мягко освещало комнату. Она глянула на часы.

– Девчата, мы проспали! – и, сбросив на пол одеяло, начала быстро одеваться.

Остальные вскочили, ничего не соображая спросонья.

Немного придя в себя и, наконец, сообразив, что же произошло, Ира с Олей бросились искать свою одежду, а Настя, взглянув на часы, махнула рукой.

– Всё равно на первую пару не попадём, так что не спешите и спокойно приводите себя в порядок. Только нехорошо получилось: второй день учёбы, а мы прогуливаем...

– Может, пронесёт?.. – с надеждой в голосе спросила Света.

– Посмотрим. А сейчас сбегай поставь чайник: позавтракать ещё успеем, – Ирина по-хозяйски стала накрывать на стол.

К университету подходили, когда закончилась первая пара. Незаметно слились с толпой студентов, спешащих в аудитории. Затем направились к своей группе.

– Эй вы, прогульщицы, – начал было балагурить Толя, но ответ Светы его обескуражил.

– Проспали мы, Толька...

– Ну, вы даёте...

– Так получилось...

– Да не переживайте вы так: никто и не заметил.

– Правда? Фу-у-у... – одновременно выдохнули девушки.

А Ирина заверила, что сегодня же купит будильник...

6. Учеба

Шёл третий год учёбы в университете. За это время Настя полюбила свой университет как родной. Она любила и пыльные аудитории, и наполненные гомоном студентов коридоры, и вечно шумящее общежитие. Но особую любовь она питала к творческим семинарам...

Шёл очередной творческий семинар. На этот семинар каждый из студентов должен был принести своё произведение. Вёл семинар профессор Пётр Петрович Сухоруков. Ребята любили его за умение найти подход к каждому из них независимо ни от чего и с удовольствием ходили на его семинары. Профессор умел в каждом увидеть что-то особенное, присущее только ему одному, и умело направлял это в нужное русло.

Читали по очереди... У кого был маленький рассказ, у кого – стихотворение, а кто-то даже рискнул написать фельетон. Всё было как всегда: кого-то хвалили, над кем-то смеялись, кого-то слушали в полной тишине. Так шло, пока

очередь не дошла до Семёна, который в плане критики считался неприкасаемым: его отец был в университете руководителем кафедры литературы и критики.

Его рассказ был о жизни села и его жителей. Когда он закончил читать, никто не решался ничего сказать, хотя по выражениям лиц было видно, что понравилось не всем.

Настя немного помолчала, собираясь с мыслями, так как она должна была читать свою работу следующей, взяла свой исписанный листок, но читать не стала. Она положила его на место, затем резко встала, подошла к кафедре и взволнованно заговорила:

– Я прочту вам то, что я написала, но чуть позже... После того как я услышала сочинение предыдущего оратора, мне почему-то очень захотелось рассказать вам одну историю.

– Когда я ехала в поезде поступать в институт, со мной в купе ехал дедушка. Он рассказал мне легенду, которая у него на родине передаётся из поколения в поколение. И знаете, что я тогда подумала? Как здорово, что есть ещё люди, которые бережно относятся к своей истории, берегут и ценят своих героев, пусть даже и вымышленных.

Ребята, которые ухмылялись вначале Настиной речи, как-то сразу посерьёзнели и стали слушать внимательнее.

– Что, у нас нечем гордиться? – всё больше распыляясь, продолжила она: – Вспомните, как было принято у белорусов «дядькаванне». Это когда помещики своих детей, как только им исполнялось 7 лет, отдавали в крестьянские семьи, где те жили наравне с крестьянскими детьми. Ведь это делалось не просто так... Они хотели видеть своих детей не избалованными с детства роскошью, как сегодня некоторые, с которыми даже общаться противно, а понимающими жизнь изнутри – со всеми её радостями и горестями. Да что там говорить! Мы ничего не хотим помнить и ничего не хотим знать. Мы даже свою историю пишем под определённых людей... Что ты, Семён, улыбаешься?.. Лично ты даже не можешь козла от козы отличить. Извини, конечно... Ты ведь в деревню, кроме как на шашлычок, даже не считаешь нужным ездить. Не знаешь, когда сеют, когда пашут. А ты ведь будущий писатель!..

– Не пойму я, Никольская, к чему ты клонишь?..

– Да тут и понимать нечего... Если не знаешь всей подноготной, о чём собираешься писать, – лучше не писать вообще...

– А... вот ты о чём, – Семён язвительно улыбнулся. – Так ты хочешь сказать, что я об этих тётках и дядьках плохо написал?

– Вот видишь... Для тебя они тётки и дядьки. А что эти тётки и дядьки – люди, у которых есть свои поводы для переживания?! У каждого из них – свой характер, а у тебя они серая колхозная масса... Прости, но то, что ты написал, – ужасно... Понимаешь, тебе надо выбрать другую тему...

Семён вскочил.

– И благо ближнего... В ней возбуждали зависть... – и, зло пнув табуретку, выбежал за дверь.

– Зря ты так, подруга. Знаешь же, кто его отец, так что зря ты так с ним... – Ирина укоризненно посмотрела на Настю и вслед за Семёном вышла из аудитории.

– Согласна. Может, я и перегнула, но послушайте... – Настя взяла листок со стола и зачитала: – Колхозники, проводив председателя на поле, разошлись по домам... Рожь колосилась у него под ногами, и председатель, застёгивая фуфайку, с первого взгляда определил, что урожай будет огромным...

– Да ладно, Никольская, угомонись! Ты своё что-нибудь прочти, а мы вот также вместе всё обсудим, – выкрикнул один из однокурсников.

– Ладно...

Настя глубоко вдохнула, а затем негромко начала читать.

В её рассказе описывалась история маленькой девочки, потерявшей куклу. Её переживания по поводу своей потери были описаны настолько убедительно, что одна из сокурсниц зашмыгала носом.

– Здорово! Только очень грустно... – произнесла незаметно вернувшаяся Ира.

– Да, тема хорошая... – добавила Оля.

– Просто было так грустно... Вот я и передала свою грусть через эту маленькую девочку...

Наступила неловкая пауза, которую нарушил руководитель семинара. Он сидел в сторонке, наблюдая за своими студентами и внимательно слушая всё, о чём они говорят, но в их спор не вмешивался. Так он делал всегда, считая, что, споря между собой, они быстрее поймут свои ошибки.

– А ведь относительно Семёна Никольская права, если, конечно, убрать резкий тон, хотя иногда и он к месту... А сегодня давайте на этом закончим и сделаем для себя вывод, что нам с вами ещё многому нужно научиться... Только за-

помните: писательское дело – это адский труд. И, если вы хотите писать действительно стоящие вещи, их надо писать сердцем, пусть даже вопреки принятым традициям. Читайте классиков, познавайте мир изнутри со всеми его незначительными мелочами. Не давайте себе расслабляться. Чувствуешь тоску – опиши свои чувства. Если огромная радость в душе – опиши. Если опустошён и нет сил – возьми себя в руки и снова пиши. Пиши жизнь такой, как она есть. Может, тогда кто-нибудь из вас и достигнет совершенства, но берегитесь...

По этому поводу расскажу вам одну притчу: «Однажды великого художника Торвальдсена застали плачущим возле своей новой скульптуры.

– Отчего такое отчаяние? – спросили его. – Ведь статуя прекрасна.

– Да, – ответил скульптор, – Вы правы. Но я должен в своей работе видеть недостатки, чтобы двигаться дальше, чтобы следующая вещь оказалась лучше прежней... А в этой скульптуре я их не вижу – и это ужасно!»

– Мораль сей притчи такова: если ты не видишь недостатков в своей работе, то не сможешь создать ничего стоящего... Подумайте об этом... Все свободны. Никольская, останьтесь...

После того как аудитория опустела, Пётр Петрович заговорил:

– Знаете, Настенька, хочу Вас предостеречь... Благородство и щедрость души прощают редко, и только потому, что это дано не каждому... Мудрый Монтень как-то сказал о себе: «Нет на свете другой пары глаз, которая бы следила за мной также пристально». Помните об этом! И удачи...

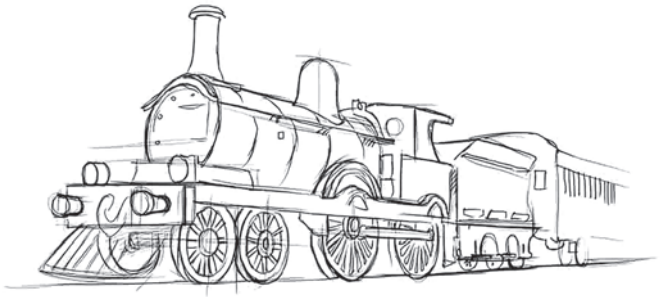
Настя, выйдя из аудитории, немного была смущена, так как не совсем поняла своего преподавателя. Подумав, что ещё не время, она побежала искать своих подруг, а в ушах ещё долго звучало: «Пиши, пиши, пиши...».

7. Серёжа

Серёжа ехал в свой последний курсантский отпуск.

Колёса стучали размеренно, навевая и в то же время прогоняя своим стуком сон. Через полузакрытое занавеской окно мелькали тёмные силуэты деревьев, деревушки, стоящие вблизи железнодорожных путей. Глядя в окно, Серёжа думал о Насте.

За четыре долгих года учёбы в военном училище для Серёжи это стало привычкой. Он просто не мог не думать о ней. Ему казалось, что вся жизнь – это она. Он каждый день писал ей длинные письма, рассказывая обо всём, что с ним про-



исходит. И, хотя ответы получал редко, старался не обижаться, так как понимал, насколько серьёзно Настя относится к своей учёбе. Единственное, что беспокоило его сейчас, это, как она его встретит. Он ждал этой встречи, но и боялся её...

...На перроне было так много народу, что Серёжа не сразу увидел Настю. Она стояла в сторонке, боясь быть сбитой потоком спешащих людей. На ней была коричневая пуховая куртка, такого же цвета вязаная шапочка и синие джинсы. И у неё был настолько беззащитный вид, что у Серёжи сладкий комок подступил к горлу. В эту минуту он осознал, что не сможет жить без этой девушки и что дороже её у него нет никого на свете...

– Настенька! – громко закричал он и замахал над головой шапкой, пытаясь привлечь её внимание.

Его попытки увенчались успехом, однако Настя с трудом продвигалась ему навстречу, и он, забыв все приличия, стал орудовать локтями, расчищая путь к своей любимой.

– Настенька... – только и смог прошептать он, прижимая к себе совсем озябшую девушку.

– И долго мы так будем стоять? – нарочито серьёзно спросила она.

– Прости... Боже, какой у тебя холодный нос... Подожди, я сейчас поймаю такси.

– Откуда у курсанта, позвольте спросить, деньги на такси?

– Это моя тайна. Не переживай: не украл, заработал честным трудом.

– Куда едем? – вежливо поинтересовался таксист.

Настя назвала адрес общежития и только, когда машина тронулась с места, спросила у Серёжи:

– У тебя домой билет на какое время?

– А я ещё не брал...

– Ну, тогда всё в порядке.

В машине было тепло, играла музыка, и ребята, окончательно согревшись, притихли, думая каждый о своём...

Настя открыла комнату своим ключом и, словно оправдываясь, объяснила:

– Девчата все уехали, а я задержалась, чтобы встретить тебя. Проходи...

Серёжа вошёл в распахнувшуюся перед ним дверь, поставил в сторонку чемодан, снял шинель и помог снять Насте куртку. Всё это он проделал автоматически. На самом же деле его

распирало желание обнять и расцеловать её, но он, зная вспыльчивый нрав своей подруги, никак не решался это сделать. Настя, заметив его нерешительность, протянула к нему руки. Серёжа схватил их и осыпал поцелуями, а потом надолго приник к её губам. Настя не сопротивлялась – наоборот, покрепче прижималась к нему...

– Ты голоден? – наконец освободившись из его объятий, спросила она.

– Вообще-то, есть немножко... Ты не волнуйся: у меня всё с собой. Только поставь чайник, от горячего не откажусь.

Пока Настя ходила с чайником на кухню, Сережа вытащил из чемодана коробку конфет, колбасу и ещё массу каких-то свёртков. И напоследок – красивый блестящий пакет.

– А это – тебе...

Настя развернула пакет и вскрикнула:

– Это же настоящие французские духи! Здорово! Спасибо огромное, – и поцеловала Серёжу в нос. – Всё же, откуда у тебя на всё это деньги?

– Я же мужчина. Значит, могу заработать... И прекрати свои глупые вопросы. Лучше накрывай на стол. А набрал всего так много, потому что хотел угостить твоих подруг. Вот даже вино купил... Что теперь с ним делать?

– Не знаю... А открывай, чуть-чуть попробуем, остальное увезём домой... Кстати, когда ты собираешься домой и где ты будешь сегодня ночевать?

– А у ваших ребят нельзя?

– Я же тебе сказала, что все разъехались, а я из-за тебя задержалась.

– А можно, я здесь переночую: смотри, сколько свободных кроватей?!

– ???

– Ладно, нет так нет. Давай поедим, а там будет видно...

За разговорами и вкусной едой они и не заметили, как быстро стемнело. От выпитого вина у Насти закружилась голова, и она говорила разные глупости, а Серёжа всё подливал и подливал ей в бокал...

Первым проснулся Серёжа. Он боялся пошевелиться, чтобы не разбудить лежащую на его руке Настю. Он смотрел на неё и понимал, что теперь полностью отвечает за судьбу этой девушки, и точно знал, что скажет ей, когда она проснётся.

Только Настя уже давно не спала – просто ей было страшно открыть глаза.

Но это пришлось сделать...

– Доброе утро, любимая, – тут же услышала она над ухом Серёжин голос.

– Что мы теперь будем делать?.. – не отвечая на приветствие, спросила она.

– Как что? Сегодня же едем домой и говорим родителям о том, что мы женимся.

– Боже, как ты себе это представляешь? Ты ещё курсант, а мне полтора года учиться. На шею родителям я не хочу. И, вообще, я даже не знаю, люблю ли я тебя...

– А как же сегодняшняя ночь?..

– Не знаю... Не спрашивай сейчас меня ни о чем... Я должна во всём разобраться... Ты езжай домой, я приеду позже... Прошу тебя: не возражай...

Серёжа пытался переубедить её, объясняя, как сильно он её любит. Он говорил, что через полгода он уже получит лейтенантские погоны, и всё изменится. Но Настя ничего не хотела слышать. Она, словно безумная, повторяла одну и ту же фразу:

– Я прошу тебя: уезжай...

И он подчинился...

Когда за ним захлопнулась дверь, Настя зарылась в подушку и заплакала. Она плакала и никак не могла успокоиться, но усталость и бес-

сонная ночь сделали своё дело: на неё навалился тяжелый, беспокойный сон...

Разбудил её стук в дверь. По голосу Настя узнала кастеляншу. Она совсем забыла, что договорилась с ней задержаться в общежитии только на одну ночь.

Быстро накинув на себя халат и судорожно соображая, сколько сейчас времени и успеет ли она на последний поезд домой, Настя подошла к двери.

– Сдавай постель, – услышала она из-за двери нетерпеливый голос кастелянши. – Я не собираюсь из-за тебя здесь торчать. Через полчаса общежитие закрываем: приедут травить тараканов. Смотри, а то и тебя ненароком травлянут!

– Я быстро.

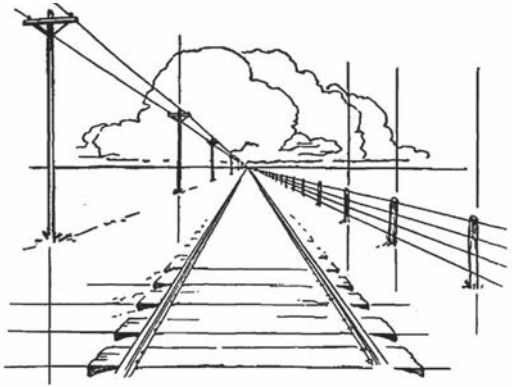
– Давай-давай...

Настя хотела наскоро сгрести постель и бросить её за дверь, но вдруг всё вспомнила и испугалась. Быстренько переодевшись, взяла собранную ещё накануне сумку, забросила в неё постель, решив, что разберётся с кастеляншей после каникул, и, крикнув ей слова прощания, поспешила на вокзал...

На вокзале было темно, холодно и немноголюдно. Подойдя к расписанию, Настя пробе-

жалась по нему глазами и поняла, что домой сегодня она уже не попадёт.

Переночевать в городе было у кого: в группе училось много местных. Но Насте не хотелось больше здесь оставаться ни одной минуты. И тут она услышала, что объявляется посадка на поезд, следующий в город, куда по распределению уехала её сестра. Решение пришло мгновенно, и уже через несколько минут у неё в руках был билет на этот поезд...



8. У сестры

Хозяйка, у которой Лена снимала квартиру, оказалась очень приветливой. Она даже обрадовалась Настиному приезду.

– Ну вот и хорошо, а то Леночка из-за тетрадок да своей писанины света белого не видит.

Продолжая что-то сама себе говорить, она пошла в коридор на стук входной двери и уже оттуда радостно прокричала:

– А вот и наша Леночка пришла!

Лена вошла, как всегда, быстро и испуганно спросила:

– Что-то с родителями?

– Нет, всё хорошо. А что, я не могу просто так приехать?

– Конечно, можешь. Просто так неожиданно... Да ладно, разберёмся. Ты голодная?

Только после вопроса сестры Настя поняла, насколько она проголодалась.

– Ну, а ты как думаешь?..

– Понятно... Тётя Вера, Вы нас накормите?

– Ну конечно, касаточки вы мои. Идите к себе в комнату, переодевайтесь, мойте руки, а я быстренько что-нибудь соображу.

Вера Ивановна уже через несколько минут позвала к столу – девчата даже словом не успели перекинуться. Лена только успела спросить:

– У тебя что-то случилось?

– Потом...

– Как знаешь...

За ужином в основном говорила Вера Ивановна, а сёстры слушали её молча.

– Ну что, поели? Давайте топайте к себе, я сама тут приберусь. Вижу, что не терпится остаться одним.

– Ну что Вы, тётя Вера?! – попробовала оправдаться Лена.

– Давайте, давайте. Что я сама не была молодой? Полотенце для сестры возьми в шкафу...

– Спасибо, – уже из-за двери крикнула Лена.

Когда Настя вернулась из душа, Лена уже спала, а на столе лежала записка:

«Прости. Умираю хочу спать. В следующий раз не будешь так долго плескаться. Твоё место на диване. Постель заправишь сама. Завтра обо всём поговорим. Целую. Я».

Настя улыбнулась, тихонько, чтобы не разбудить сестру, заправила кровать, закрыла дверь и, выключив свет, юркнула под одеяло.

Лена проснулась от плача сестры. Ничего не понимая спросонья, она вскочила, включила свет и бросилась к сестре.

– Ты чего?!

Настя ничего не ответила, только глубже зарылась в подушку, пряча лицо от сестры, а плечи её сотрясались от рыданий.

Лена не на шутку испугалась, схватила сестру за плечи и резко повернула к себе.

– Сейчас же прекрати истерику!

Она произнесла эти слова очень грубо, понимая, что только так может привести сестру в чувство.

Настя от неожиданности на мгновенье прекратила плакать, а потом её словно прорвало.

– Ленка, я просто ничтожество! Я ненавижу себя! – и снова уткнулась в подушку.

Лена принесла стакан холодной воды.

– Попей немного...

Настя послушно сделала несколько глотков, остатки же Лена вылила на полотенце и начала протирать сестре воспалённое от слёз лицо, ласково приговаривая:

– Ах ты, моя маленькая дурёха... Ну что ты? Всё... Успокойся... Всё хорошо...

Настя, прижавшись к сестре, постепенно затихла, и какое-то время в комнате стояла немая тишина.

– Выключи свет, – первой нарушила тишину Настя.

Лена выполнила её просьбу, затем взяла своё одеяло и, укутавшись, прилегла возле сестры.

– Ну, а теперь рассказывай...

Настя не сразу, очень медленно, подбирая нужные слова, стала рассказывать сестре обо всём, что произошло с ней за последние сутки.

Лена слушала сестру, не перебивая, боясь, что та замолчит, ведь для неё сегодняшнее откровение всегда такой скрытной сестры было полной неожиданностью.

После того как Настя выговорилась, Лена, немного помолчав, спросила:

– Ты его любишь?

– Не знаю...

– Послушай, глупышка, это не трагедия. Я со своим парнем живу уже не один год. Мы любим друг друга, а этой осенью собираемся пожениться.

– Мне Серёжа тоже предложил расписаться хоть сегодня...

– Ну, а ты?

– Я должна всё обдумать... Ты помнишь Алексея?

– Да... Но у него же скоро свадьба...

– Я знаю... Только поэтому я с Серёжей...

– Ну, ты даёшь... А что Алексей?

– Она ждёт от него ребёнка... Знаешь, я сама во всём виновата...

Он встречался со Светой до меня, а я, узнав об этом, психанула и прогнала его. Он ведь ради меня готов был на всё, а я...

Настя опять захлюпала носом.

– Слезами здесь не поможешь... Даже не знаю, что тебе сказать...

– Лен, а можно, я у тебя недельку поживу?

– Конечно, живи, только родителям завтра позвоним... А как же Серёжа? Он же будет ждать. Может, всё же поедешь и объяснишься?

– Пока не могу...

– Смотри сама: тебе виднее... Ладно, давай спать... Как говорится, утро вечера мудренее...

Через некоторое время Настя услышала тихое сопение сестры.

В комнате было темно, а за окном, в тусклом свете фонарей, падал снег. Глядя на эту картину, Настя незаметно для себя начала засыпать.

Сон пришёл тревожный: сказались переживания прошедших суток...

Как будто на горе огромный дом, а вокруг бушует смерч. Ветер воет так, что мурашки по коже бегают. Затем всё резко исчезает, и появляется солнце. Но, как только открывается дверь, издалека вновь появляется снежный ураган, который уничтожает всё на своём пути. А среди этого урагана какой-то одинокий путник, который спешит к открытой двери. Но он не успевает: снежный ком настигает его у самой двери, и перед этим жутким снежным комом дверь захлопывается. И

в то же мгновенье вокруг такая благодать: солнце светит, вода журчит чистая, вокруг такая тишина, а в небе парами летают аисты. Потом снова какие-то ожидания, встречи, а в душе вот это солнце, журчащая вода и аисты в небе...

Сквозь сон пришла мысль...

Боже, как хочется ощущать это солнце внутри себя наяву!

9. Жена

Неделя у сестры пролетела незаметно...

В первую ночь дома она так и не смогла уснуть: понимала, что завтра придёт Серёжа и надо будет что-то решать, а что и как – для себя ещё не определилась...

Устав от бессонной ночи, Настя с нетерпеньем ждала рассвета. А рассвет, как назло, наступал очень медленно. Сначала кусочек неба, просматриваемый сквозь часть занавешенного окна, казался серым, и только снег отсвечивал белизной. Но вскоре этот видимый кусочек неба стал светлеть: появился солнечный свет, ещё не совсем яркий, но и он принёс облегчение...

Она встала, накинула халат, тапочки, привычным движением поправила волосы и, боясь разбудить родителей, прошмыгнула на кухню, тихонько прикрыв за собой дверь.

Сваренный кофе наполнил ароматом кухню, и после первого же глотка ей показалось, что всё не так страшно, как это представлялось ночью...

Позже, когда Настя вместе с родителями сидела за столом, пришёл Серёжа. Он был в военной форме и как-то особенно подтянут.

– Что это ты словно на парад собрался? – пошутил Настин отец.

– Я пришёл просить руки Вашей дочери... – сразу, без всяких прелюдий, выпалил он.

На кухне воцарилась тишина... Настя покраснела, опустила голову, а родители, немного придя в себя от неожиданности, в один голос вскрикнули:

– Что?!.

– Я прошу руки Вашей дочери, – уже более уверенно произнёс Серёжа.

– Настя, это что?.. Почему не предупредили?.. Вы с ума сошли? – возмутилась мама.

Отец молча указал Серёже на стул.

– А дальше что?..

– Как Настя скажет... Я даже могу бросить училище, если она так решит.

– Ну, об этом мы ещё поговорим. А что за спешка? Вы же ещё учёбу не закончили, и вдруг – на тебе...

Отец, никогда не куривший в доме, потянулся за сигаретами.

– Можно? – глядя на жену, спросил он и, не дожидаясь ответа, судорожно затянулся.

Молчание нарушила мама:

– А ты что ж молчишь, невеста?

Настя пожала плечами и, неожиданно для родителей, твёрдо сказала:

– Мы так решили!

Мама расплакалась, а отец, молча докурив сигарету, сказал:

– Раз решили – женитесь. Только свадьбы не будет: не на что её справлять!..

– Ничего не надо, мы обойдёмся без свадьбы, – подскочив к Насте и обняв её, уже не стесняясь родителей, радостно воскликнул Сергей...

Через неделю, благодаря Серёжиной тётушке, занимавшей высокий пост руководящего работника района, Настя была уже Боброва.

Раньше она думала, что будет летать от счастья, когда станет чьей-то женой, но ничего подобного Настя не испытывала и была очень этим огорчена.

Серёжа же просто светился от счастья. Он покупал Насте всякие мелкие безделушки, всё время что-то рассказывал о своей учёбе в училище, о друзьях, обещал, что обязательно её со всеми познакомит, но почему-то ни разу не поинтересовался друзьями Насти. Казалось, для него

это совершенно было не важно, и это немного её обидело. Однако, несмотря на своё недовольство, впервые за последнюю неделю Настя успокоилась и почувствовала себя в какой-то мере счастливой.

10. Южный гарнизон

Сидя с маленьким Ванечкой на руках в ожидании Серёжи со службы, Настя читала письмо от бывших однокурсниц и вспоминала свою беззаботную студенческую жизнь...

Ей пришлось, в связи с рождением ребёнка, уйти из университета, взяв академический отпуск, но продолжить учёбу так и не получилось: Настя уехала с мужем по распределению.

Десантная дивизия, в которую отправили для дальнейшего прохождения службы Серёжу, располагалась на дальних южных рубежах. И поэтому с домом и друзьями Настю связывали только письма, которым она всегда радовалась.

В маленьком военном городке, состоявшем из двух четырёхэтажных домов, которые назывались ДОСами (Домами офицерского состава), жили только несколько семей офицеров. Остальные – те, кто ещё не женился, у кого жёны не решились ехать в такую даль или попросту сбежали, не выдержав трудностей и неустроенного быта...

Сейчас ей казалось, что той беззаботной жизни, о которой пишут подруги, вовсе и не было, хотя прошло всего два года. Сегодняшняя её жизнь – с тревогами, вечным ожиданием и постоянным одиночеством, казалось, не имела с той жизнью ничего общего. Она читала письмо и завидовала беззаботной жизни своих подруг – жизни, которой она, после рождения ребёнка и переезда к месту службы мужа, была лишена... И от всех этих мыслей Насте стало так себя жалко, что она даже расплакалась... Ванечка, не понимая, почему плачет мама, тоже зашёлся в плаче...

Пока Настя успокаивала малыша, не услышала, как открылась дверь.

Вошёл Серёжа. Снимая у входа свои пропыленные десантные берцы и такой же пропыленный, неопределённого цвета камуфляж, наигранно громко прикрикнул:

– Что за всемирный потоп?!

Ванечка сполз с маминых рук и неуверенной походкой подошёл к папе, продолжая хлюпать носом.

– Эх ты... – утирая ему рукой нос, сказал папа. – А ещё будущий офицер.

– А сто, офицелы не пачут? – картавя и всё ещё хлюпая носом, спросил он у папы.

– Им по штату не положено, – пошутил папа и тут же, обращаясь к маме, также шутливо добавил: – Как насчёт покушать?

– Идите помойте руки да утрите носы. И штаны не забудь одеть. Я – на кухню...

После ужина Настя уложила спать Ванечку, и они, по обыкновению, вышли на балкон подышать свежим вечерним воздухом.

– Замучила эта жара...

– Ничего, моя хорошая, скоро в отпуск. Увидишь своих родителей, подруг – и хандру как рукой снимет...

Ночное августовское небо то и дело прорезали метеориты, особенно часто падающие в это время. Было такое ощущение, что они падают прямо на землю: настолько близко располагалось в этих широтах небо. И, вообще, здесь небо было совсем другим: Большая Медведица была действительно большой, а Млечный Путь проходил, казалось, над самыми крышами домов.

И вдруг, разрывая светом небо и оставляя после себя огромный шлейф из серебристых искр, по небу пронеслась комета. Это было настолько невероятным зрелищем, что Настя с Серёжей замерли, а потом ещё долго смотрели на медленно угасающий след кометы...

– Всё равно дома небо красивее, – глядя на эту чужую красоту, с грустью, словно выдохнула, произнесла тихонько Настя.

– Сильно скучаешь?..

– ...

Серёжа прижал её к себе, поцеловал и, чтобы как-то разрядить обстановку, театрально произнёс:

– Боги, завидуйте мне: я самый счастливый из смертных!

Утром, по обыкновению, Настя встала в 5 утра, чтобы приготовить мужу кофе, так как он каждое утро спешил в казарму к подъёму солдат. Но только он взял в руки чашку, раздался звонок в дверь.

Открыв дверь, Серёжа увидел своего старшину.

– Товарищ ротный, разрешите обратиться?

– Ну что там, Котёночкин?

– Вас срочно к командиру полка!

– Доброе утро, Кирилл! Давай, пока командир соберётся, попей чайку.

Настя знала поимённо всех подчинённых мужа: часто бывала в части, помогая мужу с ведением документации. И солдаты, несмотря на

её юный возраст, относились к ней очень уважительно.

– Не балуй мне бойцов! – нарочито грубо сказал Серёжа жене и, уже обращаясь к старшине, прибавил: – Выполнять приказ Анастасии Павловны!

Настя угостила его пирожком, положила пирожки в пакет для мужа и отдельно сунула их в пакет Кириллу.

– Ребятам отдашь.

– Анастасия Павловна...

– Бери, бери! Небось, соскучились по домашненькому?

– Развращаете Вы мне народ, Анастасия Павловна. Ну, да ладно! Что уж с Вами поделаешь?..

И тут же, посерьёзнев, обратился к посыльному:

– Быстро в казарму! Через 15 минут подъём!

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – прикладывая к фуражке свободную от пакета с пирожками руку, Котёночкин резко повернулся и, твёрдо чеканя шаг, направился к выходу.

Когда за ним закрылась дверь, Серёжа обнял Настю.

– Ты прости, не хотел тебе вчера говорить: у нас сегодня прыжки, а затем мы уходим на месяц в горы – на выход.

– Всё как всегда...

– Ну, не злись...

Когда за Серёжей захлопнулась дверь, Настя в ужасе подумала: «Что мы будем делать целый месяц одни?.. Как хорошо, что я не бросила писать, иначе бы я просто сошла с ума или сбежала бы, как жена соседа...» Но дальше она ничего не успела подумать: заплакал Ванечка, и она пошла к сыну...

11. Учения

Когда Серёжа прибыл в полк, все были уже в полной готовности.

– В чём дело? – только и успел он спросить, как услышал голос командира полка:

– По машинам!

Всё произошло так быстро, что осознание произошедшего пришло, когда все погрузились в самолёт, и стало понятно, что это не обычные учебные прыжки, а нечто другое. Но никто никого ни о чём не спрашивал, все ждали приказа командира. Но вместо строгой команды они услышали его спокойный голос:

– Ребята, это не учения. Мы летим в Кабул. Предварительно на один месяц. Для всех – вы на выходе. Объяснять что-то надо или всё понятно?

– Так точно! – не совсем дружно, ещё до конца не осмыслив произошедшего, ответили одновременно и солдаты, и офицеры...

Полёт был долгим. Сначала посадка в Ташкенте, взлёт и снова посадка, уже в Кабуле.

Когда полёт подходил к концу, самолёт вдруг завалился на левое крыло и начал снижаться так резко, что было полное ощущение, что он падает. Всё произошло так быстро, что никто даже не успел по-настоящему испугаться, и только резкий толчок от состыковки самолёта со взлётной полосой привёл всех в чувство. Командир поспешил успокоить, объяснив, что это был необходимый манёвр, чтобы избежать обстрела при посадке...

...Весна здесь была совсем другой, сухой и жаркой и встретила непривычно сухим, обжигающим лицо ветром...

Полк разместился в нескольких казармах, располагавшихся в больших брезентовых палатках. Однако рассмотреть временное жилище никто так и не успел. Снаружи снова донеслась команда: «По машинам!», и все высыпали из своего убежища.

Вокруг стояла такая пыль, что ничего нельзя было рассмотреть. Было только видно, что часть дивизионной техники выстраивается в общую колонну. Полк, в состав которого входила Серёжина рота, разбили на несколько частей: кто-то попал в бригаду по охране колонны, кого-то усадили в грузовые машины, а Сергея, с водителем и стрелком, определили в одну из боевых десантных машин.

Когда все заняли свои места, колонна, в которой находилось более ста машин, двинулась на боевое задание.

Никто не знал, куда движется колонна, но, когда уже почти совсем стемнело, по машинам прошла новая команда, и колонна развернулась в сторону Кабула... По пути её следования было место, которое офицеры между собой называли гиблым, – это часть дороги, с одной стороны которой была отвесная скала с множеством пещер, а с другой – афганская деревня с маленькими домиками, называемыми дувалами.

И в этот раз это место оправдало своё название...

Как только первые машины колонны подошли к выходу из ущелья, а последние вошли в него, с обеих сторон начался шквал огня, который шёл как из пещер, так и из дувалов. От разрывающихся пуль и снарядов было светло как днём. Но вдруг среди этого огня, криков, стонов и ругани прозвучала чёткая, внятная, понятная для всех команда: «К бою!».

Всё пришло в движение...

Серёжа, находясь в боевой десантной машине вместе с механиком-водителем и стрелком-наводчиком, получил команду: «Орудие вправо, влево!», что означало ведение огня в обе стороны. Серёжа высунулся из БМД так, чтобы видеть происходящее; водитель внимательно следил за дорогой; другой боец вёл прицельный огонь...

Вдруг Серёжу словно обожгло, и он потерял сознание: ему в голову, пробив шлем, попал осколок от разорвавшегося снаряда. Солдаты попытались втащить раненого командира внутрь, но, так и не сумев этого сделать, остановили машину, вылезли на броню и вытащили его наружу, при этом оба получив ранения. На помощь к ним поспешили ребята из батальона охраны, так как остановившаяся машина перекрыла всё движение...

Колонна возобновила своё движение, но уже без Серёжиного экипажа. Раненых, в том числе и Серёжу с бойцами, погрузили на отдельную машину и вдоль колонны попытались вывезти в ближайший госпиталь...

Бой продолжался ещё несколько часов, пока последняя машина не выбралась из этого рокового места...

Только Серёжа ничего этого уже не увидел... Последнее, что ему вспомнилось, было ... жена, её нежный голос, тёплые шелковистые волосы, которые, как ему всегда казалось, могли исцелить любую рану, и сын... И тут же промелькнула мысль: «Как же вы, мои родные?..» Промелькнула... И темнота...

Эпилог

Время было неумолимо... Оно отсчитывало свои секунды, и ему совершенно не было никакого дела до Насти. Но для неё время словно остановилось – остановилось в тот миг, когда она узнала о смерти Серёжи...

Ванечку на время забрали родители, но сама она наотрез отказалась ехать домой. Настя уехала в город, в котором училась, и, чтобы как-то отвлечься от постоянно терзавших её мыслей, вернулась в свой университет с надеждой восстановиться на учёбу: остался незаконченным последний курс.

Ей, как вдове героя, пошли навстречу, и она стала студенткой-заочницей выпускного курса.

Настя устроилась на работу в школу, старалась заполнить работой всё свободное время, чтобы даже секунды не оставалось на воспоминания...

Потом, получив квартиру от военкомата, она забрала Ванечку у родителей и устроила его в садик.

Но жизнь никак не налаживалась: ей всё время во сне слышался голос мужа, который просил у неё прощения. Она просыпалась в холодном поту, не понимая: явь это или сон... Так продолжалось каждую ночь, хотя прошёл уже почти год...

В одну из таких тревожных ночей в дверь настойчиво позвонили. Настя посмотрела на часы: было два часа ночи. «Кого бы это могло принести в такой час?» – думала она, подходя к двери.

– Кто там?

– Настёна, открывай! Твоя общага приехала!!! – послышались из-за двери весёлые женские голоса.

Настя не поверила своим ушам. Но, когда весёлая женская стайка ввалилась в её квартиру, она очень обрадовалась. И, наверное, впервые за этот долгий год почувствовала себя в какой-то мере счастливой...

– Света, Ира, Оленька! Я не верю своим глазам!

– Между прочим, не Света, а Светлана Петровна, не Ира, а Ирина Александровна и Ольга Сергеевна, – как всегда, пошутила Светлана и уже серьёзнее добавила: – Держись, подруга! Мы теперь всегда будем с тобой...

Они просидели за столом до утра... Вспоминали свою беззаботную студенческую жизнь, смеялись и плакали, пели и дурачились. И только никто из них не посмел вспомнить о Серёже...

Уснули только под утро. Настя убралась и тихонько, чтобы не разбудить подруг, пошла в комнату к Ванечке. Прижавшись к спящему сынишке, впервые за долгие мучительные ночи она безмятежно уснула...

Проснулась Настя от ароматного запаха кофе. Ничего не понимая спросонья да ещё не обнаружив рядом с собой сына, она опрометью выбежала из комнаты.

На кухне хозяйничали подруги, а Ванечка заправски им помогал.

– Ванечка, а садик?

– Тётя Света сказала, что у меня сегодня выходной, – очень серьёзно сказал он.

– Ну, раз тётя Света сказала...

Все громко рассмеялись, а Ванечка, отвыкший от смеха в доме, – громче всех.

– Подруги вы мои золотые, – чуть не заплакала Настя.

– Отставить мокроту! Да, Ванечка?

– Так точно, тётя Света!

– Давайте лучше завтракать! Пока тут некоторые нежились в постельке, мы, между прочим, пирог испекли. Угостим маму, Ванечка?

– Угостим, тётя Света. Она у меня самая лучшая.

– Да кто б сомневался!.. Всё, все к столу!..

Провожала Настя подруг уже совсем с иными чувствами: ей снова захотелось жить, писать. Ведь после смерти Серёжи она не написала ни одной строчки, а сейчас её просто распирало...

– Спасибо вам, родные мои! Вы не представляете, что вы для меня сделали!!!

– Ещё как представляем! А для чего ещё нужны подруги? – Ира обняла Настю. – Мы с тобой...

– Не переживай, теперь наш женский десант будет тебя частенько навещать, – добавила Света. – Я получила назначение директором одной из школ нашего города. Оля работает в районной газете – это тоже рядом. А Ира здесь на местном телевидении главным редактором новостей. И это она тебя вычислила. Ты же от всех оградилась – никто о тебе ничего не знал... Если бы не Ирка, мы и до сих пор бы ничего о тебе не знали...

– А я простая учительница...

– А вот и нет, – протянула Насте листок Оля.

– Назначается редактором литературного отдела... Журнала... Ой, девочки... Спасибо!!!

– Да не на чем! Пользуйся, подруга... И ещё: ты же у нас умница-красавица! Держись и помни: мы рядом...

Настя с Ванечкой, проводив гостей, возвращались домой. Настя шла и не могла понять, что за перемены произошли внутри неё. А потом вдруг поняла: к ней вернулось состояние покоя. Правда боль никуда не ушла, однако была уже не такой острой, как раньше, и от этого даже стало легче дышать...

Она шла к своему дому, словно навстречу новой жизни, а рядом, крепко держась за мамину руку, шёл их с Серёжей сын...

Любовь Евдокии, или Военно-полевой роман

Однажды мне в руки попал обрывок старой газеты, и содержание даже той небольшой сохранившейся части текста настолько меня потрясло, что я решилась использовать этот материал.

К сожалению, я так и не смогла найти автора, но надеюсь, он не будет на меня в обиде за то, что этот маленький обрывок газеты послужил мне основой для создания небольшой литературной зарисовки...

Она сидела на полу
и груду писем разбирала,
и, как остывшую золу,
брала их в руки и бросала.

...О, сколько жизни было тут,
невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
любви и радости убитой!..

Ф.И. Тютчев

«В отличие от тютчевской героини, Зоя Константиновна Урбанович в свои 74 года не сидит на полу, разбирая старые письма. Она знает их наизусть и трепетно оберегает их, словно эти письма живые. А может, оно и так?.. Кто знает...»
(Строки из обрывка газеты)

Это было промозглым октябрьским вечером где-то ближе к концу войны.

Мне тогда было лет восемь, не больше. Было непривычно тихо, темно, а от непрекращающегося дождя ещё и сыро. Мама, сидя рядом со мной у печки, кутала меня в свою старенькую вязаную кофту и всё время спрашивала, не холодно ли мне. Убедившись, что я согрелась, она встала, чтобы зажечь лампу. Не успела она этого сделать, как раздался стук в дверь. На мамин вопрос: «Кто там?» ответил звонкий девичий голос:

– Откройте быстрее: мы промокли и очень замёрзли.

Мама поторопилась открыть дверь, а я, испугавшись, спряталась за занавеску. Но любопытство пересилило страх, и я, отодвинув краешек занавески, стала наблюдать за происходящим.

В дом вошли двое. Когда они подошли поближе к свету, прямо передо мной оказалась молоденькая девушка в военной форме. Она стояла лицом ко мне, и мне тогда она показалась просто красавицей. Рядом с ней стоял офицер. Лица его я не видела, но он, по всей видимости, был намного старше своей спутницы, так как со спины голова казалась совсем седой, как у старика...

– Хозяюшка, мы определены к Вам на постой, – поздоровавшись с мамой, сказал он и повернулся лицом к занавеске, за которой я пряталась. Я смогла в свою щёлочку его рассмотреть. Офицер оказался не таким уж и старым, как показалось мне поначалу, а даже очень симпатичным.

– Ну что ж, проходите, коли так. Раздевайтесь. Будем знакомиться.

Пока гости снимали свои промокшие шинели, мама нашла для них кое-что из сухой одежды.

– Нате вот, переоденьтесь. Вишь, как промокли, а то, не дай Бог, заболеете.

– Ничего. Сама заболею – сама и лечить буду, – смеясь, ответила девушка, но от сухих вещей не отказалась и ушла в другую комнату переодеться.

– Что ль, медсестричка?

– Вроде как... – откликнулась та из-за двери.

– Ну, а ты чего стоишь, касатик? Иди скорей скидывай с себя мокроту. Никто тебя там не съест, – шутливо сказала мама, видя нерешительность гостя.

Когда гости переоделись, мама забрала их мокрую одежду и повесила над печкой, в которой весело потрескивали дрова. Бросив свои вещмешки, они сели за стол, поближе к печке, и только тогда я осмелилась выйти из своего убежища.

– А это что у нас за зайка-трусишка? – девушка протянула ко мне руки, пытаясь меня обнять.

– Я не зайка. Я Зоя, – ответила я, но от объятий всё-таки увернулась.

Гости засмеялись и сразу потеряли ко мне всякий интерес: с улицы донеслись глухие звуки канонады.

После долгого молчания мама всё же встала, достала из печи чугунок с кипятком и заварила в маленьком, ещё бабушкином чайнике чай из сухих трав. А затем она поставила миску с ещё не остывшей картошкой и, на моё счастье, достала из погреба неприкосновенный маленький горшочек с остатками мёда. А, когда девушка достала из своего вещмешка хлеб, от аромата которого у меня закружилась голова, я была на десятом небе от счастья...

После горячего чая они ещё долго беседовали с мамой. Из их разговора я узнала, что девушку звали Евдокией, а офицера – Николаем; что они служили в одной части и не представляли жизни друг без друга; что командир обещал оформить их отношения, закрепив полковой печатью; и ещё многое, что связывало их между собой и войной.

Многого из того, о чём они говорили, я, конечно же, тогда не понимала. Но, когда они начали рассказывать о том, через что им пришлось пройти на войне, в их интонациях было столько боли, что мне стало страшно, и я снова спряталась за занавеску...

Убаюканная приглушёнными голосами рассказчиков и горячим чаем, я незаметно уснула, а проснувшись, уже не увидела ни Евдокии, ни Николая. Но мама меня успокоила, сказав, что к вечеру они вернутся, так как, пока их часть будет находиться в нашем городе, они будут жить у нас. И это меня сильно обрадовало.

За то время, пока молодая пара жила у нас, я очень привязалась к Евдокии. Николай был постарше, и я чуточку его побаивалась, но, как и любая девчонка, втайне завидовала Евдокии.

Я любила наблюдать за их прогулками, хотя мне и было непонятно, почему они останавливались у какого-нибудь дерева и, обнявшись, подолгу стояли, не обращая внимания ни на дальний гул от стрелявших орудий, ни на дождь, ни на пронизывавший ветер. Я, конечно же, тогда ещё многого не понимала, но чувствовала, как может чувствовать только ребёнок, что этим двоим просто хорошо друг с другом. Я по-детски радовалась их счастью, словно это счастье было не у них, а у меня...

* * *

...Это потом, после войны, придёт обидное название «военно-полевой роман», и станет совершенно неважным, сколько действительно счастливых семей было создано за годы войны. Тогда я об этом даже и не думала, а только радовалась тому, что являюсь свидетельницей какого-то непонятного для меня, но очень красивого чувства.

И, действительно, все, кто наблюдал за этой парой, говорили, что их соединила не война, а сама Судьба...

* * *

Шло время. Часть ещё некоторое время оставалась на месте. Евдокия и Николай так и не успели закрепить свои отношения полковой печатью, хотя для этого появилось одно очень

веское обстоятельство. Её точёная фигурка изменила привычные очертания: Евдокия ждала ребёнка.

Мама уговаривала её остаться в военном госпитале, который тогда размещался в нашей школе, хотя бы до рождения ребёнка. Однако Евдокия наотрез отказалась. Она очень боялась расстаться со своим любимым, даже на время. Рожать она собиралась в Москве. Там у Евдокии жила бабушка. Несмотря на то, что она была ей неродная (она приютила Евдокию, когда та, после ареста родителей, осталась одна), девушка знала, что бабушка не откажет им в помощи.

Однако судьба распорядилась по-своему: Николая откомандировали на передовую. Он уехал в тот же вечер, клятвенно заверив любимую, что, как только появится возможность, он обязательно заберёт её с ребёнком к себе.

Мне было больно смотреть на плакавшую Евдокию. Я тогда не понимала, почему эти двое не могут быть вместе, и от этого очень страдала. А после отъезда Николая я, спрятавшись в своём уголке, за занавеской, проревела почти всю ночь...

Евдокию оставили в местном госпитале, но месяца за два до родов она уехала к бабушке в Москву, хотя мама долго уговаривала её остаться...

И после отъезда Евдокии, как и после отъезда Николая, я снова проплакала всю ночь...

О дальнейшей её судьбе я узнавала только из писем, которые Евдокия писала моей маме...

* * *

«*...Живу по-старому, очень скучаю по Коленьке. К счастью, он пишет часто, от этого все тяготы переносятся легче. Сейчас немного лучше стало с питанием... Чувствую себя не очень... Жутко боюсь... Живу только его письмами. Правда он очень далеко, пишет редко, но от этого я люблю его ещё крепче...*»

* * *

«*...Если б знали, как глубоко моё отчаяние. Многое пришлось пережить за это время. Осталась совершенно одна, потеряла бабушку, своего единственного друга. Что делать дальше – не знаю. После её смерти приехала её дочь, которой при жизни она совершенно не была нужна, и выгнала меня из дома. Кое-как устроилась, работаю медсестрой, дали небольшую комнату... Хорошо, всё не на улице... Что-то происходит со здоровьем... Врачи говорят, что необходим лес-*

ной воздух... Да где ж его взять?.. Что будет с ребёнком?.. А от Коли всё нет писем...»

* * *

«...Как бы я хотела быть с вами. Я перенесла менингит, родила и тут же потеряла сына. Нет, он не умер, но я его потеряла... Пока я болела, его куда-то увезли... Никто ничего не знает... Ищу... А от Коли опять нет писем...»

* * *

«...Наконец узнала, где мой сын. Оказывается, его забрал Коленька. Он в Свердловске... Какое счастье, нашлись оба... Я продала всё, что могла, купила билет... Даже не верится, что скоро их увижу... Скорее бы...»

* * *

«Пишу вам, так как больше некому... Я летела к своему Коленьке, а вместо него увидела чужого, холодного полковника, нехотя открывшего мне дверь, а рядом с ним не своего сына, а молоденькую девушку, оказавшуюся его женой. Он так испугался, увидев меня... Стал лихорадочно вытаскивать из карманов деньги... А сына... Он, оказывается, сдал его в детский дом,

боясь, что узнает молодая жена, и даже не запомнил, в какой... Я бросила ему в лицо деньги, которые он сунул мне в руку... Это всё, на что у меня хватило сил...»

* * *

«Спешу поделиться радостью... Я всё-таки нашла сына... Он такой маленький и худенький, что у меня сердце разрывается от боли... А у меня снова беда... Что будет с сыном?.. Болезнь снова прогрессирует, и врачи ничем мне не могут помочь... Но самое страшное, что после всего... я все ещё его люблю...»

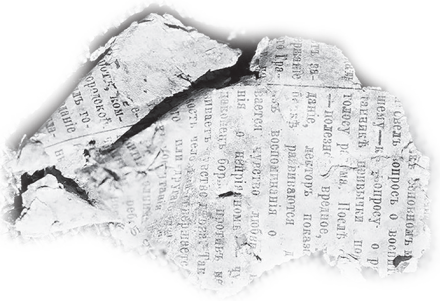
Это письмо было последним...

После окончания войны мама очень долго разыскивала Евдокию, отправляя запросы в разные места. И только через пять лет поисков на один из её многочисленных запросов пришёл ответ, который гласил, что «разыскиваемая Вами Евдокия Алексеевна Семёнова, 1922 года рождения, в списках живых не значится...»

Я была уже не такой маленькой, как во время встречи с Евдокией, но, узнав от мамы о том, что её уже нет, плакала, словно маленькая девочка, которую лишили доброй сказки с хорошим концом...

P. S. (Строки из газеты):

«*Единственное, что до сих пор не даёт мне покоя, – это то, что ни мои родители, ни я так и не смогли выполнить последнюю просьбу Евдокии – разыскать её сына, и этот факт останется для меня самым страшным грехом до конца моей жизни. А воспоминания о короткой судьбе Евдокии живут в моём сердце как память о существовании Великой Любви, свидетельницей которой мне посчастливилось быть...*»



Юлька

Навели на грех, да и покинули на смех.
Русская народная пословица

Юля открыла глаза. Сквозь полупрозрачные занавески пробивалось утреннее солнце, освещая небольшую, скромно обставленную комнату. В углу стоял старенький письменный стол, на котором в беспорядке были разбросаны учебники, тетради. На противоположной стене, на полке, стоял музыкальный центр, подаренный родителями в день её шестнадцатилетия.

Юля сладко потянулась под одеялом и неохотно встала. Накинув привычным движением халат, включила музыку и направилась в ванную.

– Мам, принеси мне полотенце! – послышался оттуда её голос.

– Ты как папа: идёшь умываться, а полотенце взять не можешь, – незлобиво заворчала мама, однако полотенце принесла. – Держи, растяпа.

– Я хорошая, – кривляясь, сказала Юля, и обе рассмеялись.

– Ты давай, хорошая, побыстрее, а то на занятия пойдёшь голодная.

Плотно позавтракав, Юля побросала в рюкзак учебники, накинула пальто и выбежала на улицу.

Улица встретила её тёплым утренним солнцем, синим небом, звоном весенней капели, криком неугомонных грачей и тёплым ветром, который то и дело норовил распахнуть на ней пальто. Но она не сопротивлялась – наоборот, подставляла ветру лицо.

Ну вот и школа.

Возле школы Юля увидела столпившихся одноклассников. Они о чём-то оживлённо беседовали. «Опять что-то затевают», – подумала она и обрадованно помахала им рукой, а подойдя ближе, осведомилась:

– Что так встревожило великие умы почтенного одиннадцатого?

Ребята как-то странно на неё посмотрели, отчего Юле стало не по себе.

– Что-то случилось? – испуганно спросила она.

– А то ты не знаешь? – зло выпалила Наташа Понкратова.

Юля давно дружила с Наташей, всегда спокойной и уравновешенной девушкой. И вдруг в голосе такая злоба!

Ничего не понимая, однако уже предчувствуя что-то неладное, она обратилась к Диме Фролову:

– Послушай, хоть ты объясни мне, что тут происходит.

Их дружба с Димой начиналась непросто. Первое время ей крепко от него доставалось. Он часто подшучивал над ней и не всегда безобидно: такой уж у него был характер. Однако со временем они так сдружились, что их дружбе завидовали многие одноклассники...

И сейчас она смотрела на Диму, ожидая от него объяснений.

– Ну что ты на меня так смотришь? Пойди у своей Стеллы спроси. Пусть она тебе всё и объяснит, по-дружески, – непривычно грубо ответил Дима.

«Зачем он так со мной?..» – с горечью подумала Юля, и ей невыносимо захотелось домой, к маме... И тут мелькнула другая мысль: « Неужели и впрямь она?.. Да нет, не может быть...»

Её бросило в жар... В одно мгновенье исчезли остатки радужного настроения... К горлу

подступил тошнотворный комок, закружилась голова, перед глазами всё поплыло, и она стала медленно оседать... Дима бросился к ней, но её успели подхватить девчонки, стоявшие рядом. Они усадили её на скамейку, а Наташа, увидев Юлино побледневшее лицо, испуганно прошептала:

– Ой, девочки, что-то тут не так...

И вдруг всех словно прорвало...

– Может, она ничего и не говорила?!

– Ага, будет классная врать!

– А то нет? Мало она нам лапши на уши вешала?!

– Да они обе хороши: что наша классная, что директор!

– Ребята! – раздражённо крикнул Дима и уже тише добавил: – Что вы так орёте? Забыли, где находитесь? Вон Светка уже побежала доносить. Доигрались?..

Наступила тишина... Только Костя Попов, вечный насмешник, проводил её громким свистом, заулюлюкал ей вслед, изображая индейца с копьём...

Ребята давно вычислили, что именно Светка докладывала классной руководительнице о том, что происходит у них в классе, но, по своей наи-

вности, не придавали этому особого значения... Всё это придёт потом, намного позже... А сейчас...

Юля наконец пришла в себя... До звонка оставались считанные минуты, и все заторопились в класс...

Наташа помогала Юле дойти до двери класса, когда навстречу им попалась их классная. По её расширенным ноздрям девочки сразу поняли, что она не в духе.

– Опять опоздали?

– Юле было плохо... – начала было оправдываться Наташа.

– Это её проблемы! Больные должны дома сидеть! – и тоном, не терпящим возражений, добавила: – Шагом марш к директору!

– Да ладно, мы больше не будем, – попыталась превратить всё в шутку Юля.

– Я что, непонятно сказала?! – рявкнула классная, да так, что девочек словно ветром сдуло. И уже через несколько минут они стояли в кабинете директора.

Директор школы Стелла Петровна Гордеева, всегда ухоженная, улыбающаяся женщина, сейчас окинула девочек каким-то пустым, ничего не выражающим взглядом. Но в этой пустоте было что-

то настолько неприятное, что у Юли похолодело внутри, а у Наташи от страха навернулись слёзы...

– Выйди вон! – ледяным голосом произнесла Стелла Петровна, глядя на Наташу. – Мы с тобой потом поговорим!

Наташа пулей вылетела из кабинета.

Подождав, пока за ней закроется дверь, директриса уже более мягко обратилась к Юле:

– Ну что ты так переживаешь, в обморок падаешь?! Раньше надо было переживать, а теперь пора бы определиться, с кем быть, а то как-то нехорошо получается...

Она ещё долго о чём-то говорила, правда, Юля уже ничего не слышала: её охватило состояние полнейшей отрешённости ко всему, что происходило вокруг. Её больше занимали собственные мысли, нежели то, о чём говорила Стелла Петровна... «А ребята, как видимо, правы...» – больно пронзила сознание мысль...

– Э, да ты никак меня не слушаешь? – и, тут же потеряв к ней всякий интерес, добавила: – Иди на урок, а то ещё расплачешься, как твоя подруга...

Юля подошла к классу, однако входить не стала, прислонилась к стене и прислушалась...

Шёл урок литературы. Екатерина Николаевна, которую дети просто боготворили, читала стихи (только она одна умела так читать), и Юля, затаив дыхание, наслаждалась её мелодичным голосом...

Тревога сначала чуть-чуть отдалилась, потом постепенно стала нарастать, и вместе с тихим голосом учительницы до неё окончательно дошёл смысл происходящего... Не давала покоя одна назойливая мысль: «Как она могла?.. Боже, как же она могла?..»

И тут Юля отчетливо вспомнила каждую деталь того злосчастного вечера...

...Это было неделю тому назад... В тот вечер к Юле неожиданно пришли Дима с Наташей. Родителей дома не было, и они чувствовали себя свободно: курили, пили пиво, которое предусмотрительно прихватил с собой Дима, рассказывали не совсем пристойные анекдоты – в общем, как они любили выражаться, отрывались.

Зазвонил телефон. Юля сняла трубку, призывая жестом ребят к тишине, и обрадованно затараторила:

– Ой, Стелла Петровна, а я уже по Вам соскучилась. Куда Вы пропали? Почему так долго к нам не приходите?

– Да дел, Юленька, выше крыши, бумажки достали... А мама дома?

– Нет, а что?

– Жаль, так хотелось поболтать с ней, душу отвести... Ну что ж, нет так нет...

– А хотите, я приду?

– Давай, приходи, всё веселее. Я пока чайку соображу. Я в школе.

Юля быстренько выпроводила изрядно захмелевших друзей, оделась, закрыла дверь и нетвёрдой походкой двинулась в сторону школы...

...Вдруг вспомнилось, как завидовали ей одноклассники, узнав, что Стелла Петровна – подруга её матери, и как она всегда этим гордилась...

«Так тебе, дурёхе, и надо!» – зло подумала о себе и от досады больно закусила губу...

И снова воспоминания вернули Юлю к событиям того вечера...

Когда она пришла в школу, Стелла Петровна колдовала над чаем, от которого по всему кабинету шёл приятный аромат.

У неё в кабинете всегда был большой выбор чая, кофе, различных конфет... «От благодарных

родителей», – любила она шутить по этому поводу.

...За чашкой горячего чая они вспоминали всякие смешные истории, которых в школе хватает с избытком. Потом затронули школьные проблемы, потом постепенно разговор перекинулся на Юлиных друзей, а затем незаметно и на учителей... Директор уже больше задавала вопросы и слушала, чем говорила сама, зато Юля болтала без остановки, охотно и откровенно отвечая на все её вопросы...

На огонек заглянула Юлина классная, которая случайно оказалась в школе.

– Ты что тут делаешь? – спросила она у Юли.

Но та ничего не ответила и засобиралась домой: с кем с кем, а со своим классным руководителем ей меньше всего хотелось откровенничать...

К её удивлению, её никто не стал задерживать... Директор как-то наскоро бросила: «До свидания» – и уткнулась в свои бумаги, словно Юли здесь и не было...

Перемена была столь разительной, что, будь Юля в нормальном состоянии, всё сразу бы встало на свои места...

Но тогда она объяснила поведение Стеллы Петровны внезапным появлением их классной...

Юля была настолько занята своими мыслями, что не услышала, как открылась дверь.

– Юля, тебе что, плохо? – обеспокоенно поинтересовалась выглянувшая из-за двери Екатерина Николаевна.

– Да нет, всё нормально... Можно я пройду на своё место?

– Да-да, конечно.

Учительница внимательно посмотрела на свою ученицу и поняла, что что-то произошло: настолько отрешённый вид был у этой девочки...

Даже Юлина соседка по парте Катя Ермолова, невысокая стройная девушка, вечная хохотушка, сейчас молча смотрела на неё...

Неловкую паузу нарушил звонок с урока.

Ребята повскакивали с мест, окружили учительницу, только Юля так и осталась сидеть...

– Екатерина Николаевна, а Вы поедете с нами в театр? – спросила Наташа.

– А фотоаппарат возьмёте? – из-за Диминого плеча поинтересовалась Катя.

– С удовольствием поеду и фотоаппарат возьму, если, конечно, Ваша классная не будет против.

– А то мы её спрашивать будем... – хихикнул Костя.

– Нельзя так, мой хороший...

Она хотела ещё что-то добавить, но вдруг среди этого гама все услышали Юлин голос:

– Екатерина Николаевна, а что бывает людям за предательство?..

В классе наступила тишина... Учительница медленно повернулась к Юле, посмотрела в её полные слёз глаза и растерялась... Сейчас она уже не сомневалась, что с этой девочкой случилось что-то страшное, иначе откуда такая безысходность в голосе и такая тоска в глазах?.. Понять, а тем более осознать, что же именно произошло, не было времени: на неё смотрели тридцать пар глаз, и в каждой из них читалось напряжённое ожидание...

Она начала говорить очень медленно, часто останавливаясь и подбирая слова:

– Девочка моя, ты даже не представляешь, какой сложный вопрос ты мне задала... – и, уже обращаясь ко всему классу, продолжила: – В жизни бывает всякое... Однако в любой ситуации надо прислушиваться к голосу своего сердца... Понимаете, жизнь – это не только весёлые развлечения, которым вы так часто предаётесь, – это ещё и вечная борьба... Борьба с неприятностями, с болезнями, с подлостью, с клеветой и с предательством тоже. От этого никуда не убежишь и не спрячешься... Надо учиться превозмогать боль, не поддаваться ей, хотя порой бывает невыносимо трудно... Да, предательство – это страшное зло, а любое зло надо побеждать... Вы спросите как? Я считаю – добром... Вы, конечно, можете со мной не согласиться, но всё равно всегда помните о том, что зло разрушает наш разум, а добро делает душу чище...

Она замолчала... Тишину, воцарившуюся после её слов в классе, нарушало только Юлино всхлипывание...

– Не плачь, моя хорошая, всё образуется...

От Екатерины Николаевны ребята вышли какие-то притихшие: каждый был занят своими мыслями...

Оставшись одна, учительница долго не могла успокоиться... «Они ведь ещё совсем дети... Да, взрослые дети, совершенно не знающие жизни... А может, мы, взрослые, сами в этом виноваты?.. Учим говорить правду, верить людям, а выходит...» – она ужаснулась собственным мыслям... «Что же всё-таки произошло?..»

Чтобы выяснить мучивший её вопрос, она спустилась в учительскую. Шёл урок, поэтому там почти никого не было. Завуч заполняла график занятий на следующий месяц, а физрук и биолог тихо переговаривались между собой.

– Друзья мои, – как можно спокойней спросила Екатерина Николаевна, – вы не подскажете, что сегодня творится с одиннадцатым классом?

– Меньше будешь знать – спокойней будешь спать, – язвительно заметила завуч.

Остальные промолчали...

«Да, что-то тут действительно не так...» – думала Екатерина Николаевна, поднимаясь к себе в кабинет.

Минут через пятнадцать на пороге появился дежурный ученик.

– Екатерина Николаевна, Вас срочно к директору.

– Спасибо, Коля. Передай, что я сейчас буду.

Она спустилась на первый этаж, поздоровалась с сидящей за вязанием нянечкой и, проходя мимо секретарши, осведомилась:

– Не знаете, по какому вопросу?

– Нет, – улыбнувшись, ответила та.

В отличие от многих учителей, Екатерина Николаевна входила в кабинет директора спокойно, без всякого напряжения и, если беседа предполагалась долгой, уютно устраивалась на стуле... Но, войдя в кабинет сегодня, она поразилась необычно злому взгляду директора и от неожиданности вздрогнула...

– До меня дошли слухи, что Вы занимаетесь не своим делом на уроках, – начала Стелла Петровна не предвещавшим ничего хорошего голосом.

– А Вы что, опираетесь в своей работе на слухи?

– Соблюдайте субординацию! Я говорю! Слишком много Вы о себе возомнили! Тоже мне психолог нашёлся... Сами разберутся! Вырастут – и разберутся... А Ваша обязанность – их учить, и ничего больше!

– Я, вообще-то, по своему недомыслию, всегда считала, что учитель должен не только учить, но и воспитывать...

– Это Вы так считаете! Поэтому и детей в себя влюбляете... Всё, хватит, мне надоело с Вами разговаривать – пишите заявление об уходе!

– На каком основании? – не веря своим ушам, спросила Екатерина Николаевна.

– Основание?! Я сказала: пишите!.. По-хорошему!..

Екатерина Николаевна не стала слушать дальше, повернулась и выбежала из кабинета... «Бред какой-то...» – подумала она, и так защемило сердце, что хоть плачь...

Оказалось, что дело этим не закончилось...

Шёл урок русского языка в шестом классе, когда открылась дверь и вошла завуч. В руках она держала трудовую книжку. Положив её перед учительницей, сказала:

– Читайте...

– Уволена с работы по собственному желанию с... (стояло число следующего дня) ... Что это? – только и смогла спросить...

– Там всё написано, – сказала завуч и тише добавила: – Я же Вас предупреждала... – и, уже обращаясь к классу, громко сказала: – Ребята, я пришла вам сделать объявление... Дело в том, что Екатерина Николаевна решила от нас уйти, и сегодня она работает последний день...

Дети тут же возмущённо загалдели, а учительница, не выдержав всего происходящего, со слезами выскочила из класса... Промелькнула мысль: «Я что, сплю?..» Промелькнула, и стало пусто...

Юля все оставшиеся уроки находилась в какой-то прострации: ей, как и Екатерине Николаевне, стало казаться, что всё это просто страшный сон, что она вот-вот проснётся и будет долго смеяться над этим кошмаром... Но время шло, а «сон» продолжался...

Об увольнении Екатерины Николаевны одиннадцатый класс узнал к концу уроков... Человек десять желающих рванули к директору за разъяснениями, Юля побежала вместе со всеми.

Секретарша долго не пропускала их, но они прорвались... В кабинете они наткнулись на холодный взгляд директора...

– За что Вы уволили Екатерину Николаевну? – возмущённо, наперебой загалдели ребята.

– Кто вам сказал, что я её уволила? Она сама, – недовольно произнесла директор, показывая им заявление учительницы, предусмотрительно взятое у неё взамен трудовой книжки. – И ещё... На вашем месте я бы хорошенько подумала, прежде чем сюда врываться... Вам ещё предстоит экзамены сдавать... – и, окинув их брезгливым взглядом, заорала: – Сопляки! А ну, быстро на урок! И чтоб я вас здесь больше не видела!..

Ребята вышли из кабинета директора в ещё большем недоумении, чем были до этого. Секретарша быстренько выпроводила их из приёмной и тихонько посоветовала:

– Вы бы, ребятки, не ершились: вам же лучше...

От её слов Юлю захлестнула волна необузданного гнева. Она резко повернулась, оттолкнула секретаршу, вставшую на пути, и снова очутилась в кабинете директора.

Лицо у неё было бледно-серым, руки тряслись, и единственный крик, на который у неё хватило сил, гулко разнёсся по школьным коридорам:

– Как же я Вас ненавижу!..

В этом крике было всё: и боль, и отчаяние, и беспомощность...

Юля не помнила, как добралась до дома, как разделась, как очутилась в кровати... Пришла в себя только к вечеру и долго не могла понять: спала она или просто лежала в забытьи. Да для неё это и не имело особого значения, ведь ни то, ни другое не принесло ей облегчения...

Из оцепенения Юлю вывел звонок в дверь. На пороге стоял Дима с её рюкзаком в руках.

– Ты так быстро испарилась, что забыла свои вещи, – шутливо произнёс он, отдавая рюкзак.

– Заходи, коли пришёл...

Дима прошёл за ней в большую комнату, бросил на диван куртку и только потом спросил:

– Пусть здесь полежит?

– Пусть лежит, мне без разницы.

– А знаешь, после твоего ухода был настоящий террор... Стелла как с цепи сорвалась... Бегала по классам, объясняла всем, что никто не

увольнял Екатерину Николаевну, что она ушла сама... В общем, целый спектакль устроила...

– Надо думать... Она ж не скажет, что это её рук дело... Одним словом, стерва...

– Э, ты чего, мать, ругаешься?

– Да была б моя воля – я б её убила...

– Ты что, совсем рехнулась?.. Слушай, чуть не забыл: она ведь Наташку Понкратову из школы тю-тю...

– Не может быть!.. Димка, а ведь это я во всём виновата...

И Юля сквозь слёзы начала рассказывать Диме, как она в тот злосчастный вечер попала к директору и как та выведала у неё всё, что её интересовало...

– Да... – только и смог сказать Дима, выслушав её исповедь, и тут же, словно очнувшись, добавил: – Слушай, ты не чумная ли? Столько лет в этой школе проучилась, а так и не поняла, что к чему...

– Тебе легко говорить... Знаешь, какие она здесь моей матери песни пела... И то у нас хорошо, и это...

– А ты, что, дура? Или уже забыла, сколько на нашей памяти она хороших учителей уволила, а скольких сломала... Ты только на нашего биолога посмотри, и тебе всё станет ясно... Так что, дурья голова, впредь держи свой рот на замке...

– Теперь уж конечно...

Их разговор прервал звонок в дверь.

– Это родители, – посмотрев на часы, сказала Юля и пошла открывать.

– Мне уйти? – бросил вслед Дима.

– Да ладно, сиди...

Отец буквально ворвался в открывшуюся дверь и сразу сорвался на крик:

– Ты почему нас с матерью позоришь? Чего тебе не хватает? Одета, обута... Ты думаешь, нам легко? От тебя требуется только учиться, а ты на директора школы бросаешься?..

Юля догадалась, что Стелла Петровна уже позаботилась о том, чтобы родители всё узнали... «Только почему ж она всего не рассказала?..»

Отец никак не мог успокоиться, а мама стояла в сторонке и плакала... Юле стало жаль её, и она сделала попытку как-то сгладить обстановку.

– Пап, я не одна, у меня гости...

– Ну и что ты мне этим хочешь сказать? Заткнись, да?..

Это было уже слишком...

С трудом сдерживая себя, чтобы не наговорить отцу грубостей, она схватила куртку и выскочила за дверь...

На улице было уже темно. Юля шла, не разбирая дороги... Ею всё сильнее овладевало изнуряющее чувство безысходности. Она не искала себе оправдания, понимала, что его нет и быть не может... «Как же мне теперь жить?» – кольнула, словно иглой в сердце, мысль. – «Как после этого верить людям?..» Ей стало очень страшно... Пришла гадкая, навязчивая мысль о смерти...

И сразу вспомнилось, как в прошлом году в это же время хоронили старшеклассницу, покончившую с собой... Почему так случилось, она не могла тогда понять, но сейчас её осенила страшная догадка: «А может, её тоже предали?..» И почему-то стало ужасно жалко и себя, и ту девушку, о которой она ничего не знала...

Мягко шелестя шинами, возле неё остановилась машина. Из неё вышел отец, подошёл к ней и, подбирая слова, тихо сказал:

– Мне Дима всё рассказал... Да и Екатерина Николаевна звонила... Хорошая она у вас... Жаль её... Ты, если можешь, прости меня, доченька...

Он замолчал, а Юля беспомощно прислонилась к нему, прижалась, словно она была маленькой девочкой, и разрыдалась... Отец нежно гладил её белокурые волосы и, хотя сердце его разрывалось от боли, успокаивать не стал, только ещё тише приговаривал:

– Поплачь, доченька, поплачь. Это ничего, иногда слёзы облегчают боль...

Потерянное сердце

«Жизнь – это глубокая рана, которая редко затягивается, но никогда не заживает...»
Жорж Санд

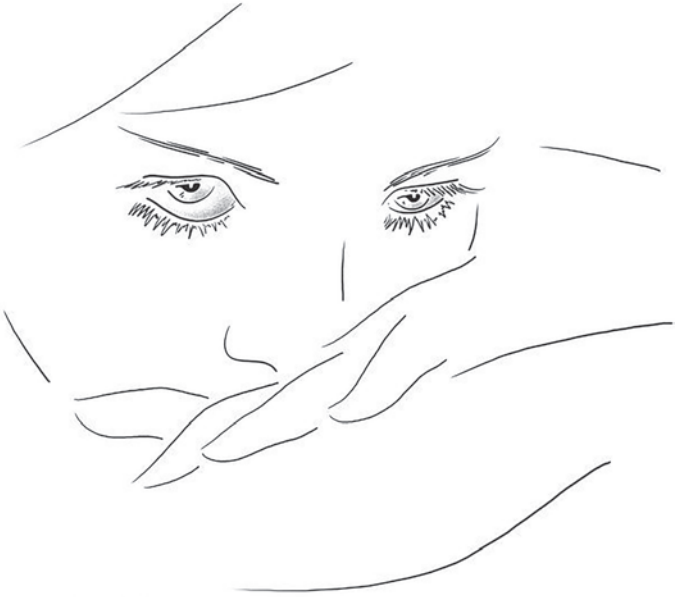
Светало... Небо уже потеряло свою ночную красоту, но ещё не приобрело голубизны дня и в этом переходе было похоже на сказочное полотно. Воздух постепенно наполнялся ароматом просыпающейся зелени, которая от утренней росы была свежа и чиста.

Светлана наблюдала рассвет, затаив дыхание. Ей казалось, что она никогда не видела такого светлого неба, таких ярко-зелёных деревьев и такой прозрачной реки.

«Боже, неужели я была так слепа?» – думала она, глядя на эту красоту, и теснее прижималась к Игорю.

– Пора, моя хорошая...

– Уже?...



Он взял её за плечи, нежно поцеловал виски, непослушные кудряшки, губы и снова прошептал:

– Пора...

....Игорь бесшумно открыл дверь, боясь разбудить братишку, приготовил завтрак и только тогда прошёл в большую комнату, где прилёг на диван и не заметил, как уснул. Проснулся он от стука входной двери.

– Эй, сони, доброе утро! – громко сказала мама, заходя в комнату, и, не раздеваясь, тяжело опустилась в кресло.

Дом сразу же наполнился запахом лекарств.

– Что, мам, нелёгкая ночка была? – помогая снять пальто, спросил Игорь.

– Да уж, пришлось зашивать такого же недотёпу, как ты, – и, посерьёзнев, добавила: – Мальчишка совсем, а весь израненный. Мало того, что избили всего, ещё и швы разошлись, совсем свежие, – видно, недавно оттуда вернулся...

– Мам, а тебе не жалко своих больных, когда ты их режешь, зашиваешь? Им же, наверное, больно.

– Какой же ты ещё глупый, Игорёшка! Я ведь им жизнь спасаю, а при этом иногда приходится делать больно. Ничего, когда-нибудь ты это поймёшь...

После этих слов мама вся съёжилась и замолчала. Игорь пожалел о сказанном, подошёл к ней, обнял, погладил её жёсткие волосы, как бы извиняясь.

– Мам, ну не надо...

– Прости, сынок...

И оба затихли, боясь продолжения этого разговора. Боль от потери отца была настолько

свежа, что любое неосторожно сказанное слово будило тяжёлые воспоминания...

...Эту случилось в прошлом году, весной.

Самолёт, который пилотировал Олег Витальевич Берёзин, уже заходил на посадку, как вдруг заело шасси. Он был вынужден пойти ещё на один круг, затем ещё и ещё, пока горючее не оказалось на нуле. Он пытался спасти самолёт, посадив его на брюхо, но самолёт при соприкосновении с землёй взорвался...

Так Игорь с Сережкой остались без отца, а Мария Николаевна, в свои неполные сорок лет, стала вдовой...

По рассказам друзей, отец после взрыва был ещё жив, но помощь пришла слишком поздно, и мама до сих пор не может себе простить, что в тот момент её не было рядом...

Игорь ждал Светлану возле института. Время шло очень медленно, и в голову лезли разные мысли.

Он думал о том, что его любимая скоро окончит первый курс своего медицинского, и до сих

пор жалел, что их детская мечта учиться вместе так и осталась мечтой.

После смерти отца Игорь сначала хотел пойти по его стопам, поступив в лётное училище, но мама была категорически против этого. И на семейном совете было решено, что он будет поступать в медицинский институт, как они и мечтали со Светланой.

Однако об учёбе Игорю на время пришлось забыть: он вынужден был пойти работать. Игорь принял это решение сам. Хотя мама и не одобрила его, но спорить с сыном не стала. Последнее время она воспринимала его как старшего в доме, поэтому и приняла его решение спокойно.

Игорь, начав работать на заводе, как тяжело ему ни было, ни разу не пожалел о своём решении. Тревожило только то, что он не мог встречаться со Светланой так часто, как хотелось бы. Он понимал, что, хотя они и были ровесниками, Светлана была ещё совсем девчонкой, ведь ей не приходилось никого терять. И она попросту не умела долго грустить, да он и не требовал этого – боялся только одного, что всё, что их связывает, может в одно мгновенье исчезнуть...

У Светланы была совсем иная жизнь: она ходила с друзьями в кино, на студенческие ве-

черинки, ездила с курсом в дальние походы, то есть делала всё то, чего Игорь был лишён. Он просто не мог себе всего этого позволить, хотя и очень хотел... Но, когда он пытался говорить с ней на эту тему, Светлана закрывала его рот поцелуями...

Поэтому то, что он собирался ей сегодня сказать, совсем не прибавляло ему уверенности.

«Как не хочется тебя огорчать...» – с грустью подумал Игорь, глядя на беззаботно спешащую к нему Светлану.

– Представляешь, Игорёк, сегодня наш отличник Женя завалил экзамен...

– Может, сначала поздороваешься?

– Ой, извини, просто это такое событие!..

– Ну да, конечно...

– Обиделся, да? Ладно тебе... – Светлана прижалась к нему, замурлыкала, как кошка. – Мир?

– Мир, мир, ребёнок ты мой...

– А это плохо или хорошо?

– Там видно будет, – и, посерьёзнев, добавил: – Нам нужно с тобой поговорить... Пойдём где-нибудь посидим. Может, на реку – на наше любимое место?

– Знаешь, что-то не хочется... А давай к нам. Мои на даче – никто не будет мешать. Ну как? –

она заглянула ему в глаза и вдруг осеклась: – Что-то случилось?

– Да ничего особенного, просто надо кое-что обсудить. Сейчас такси поймаю, а то у меня времени мало осталось...

В такси разговаривать ни о чём не хотелось. Заговорили только в квартире.

– Ты проходи в большую комнату, я быстренько организую чай.

– Если есть, лучше кофе.

– Хорошо.

Игорь сел в кресло и стал обдумывать, как лучше повести разговор, но ему ничего не приходило в голову. «А, не буду мудрить, скажу всё как есть».

– Ну, давай выкладывай, что там у тебя! – расставляя на столе чашки, требовательно сказала Светлана.

– Ничего особенного, просто мне пришла повестка.

– Какая повестка?

– Обыкновенная... Из военкомата.

– Как? Уже? Игорь, а как же я?..

Это прозвучало так по-детски беспомощно, что Игорю одновременно стало и смешно, и грустно.

– А ты меня ждать будешь... Ведь будешь?..

– Два года... Это же целая вечность...

– Ты не ответила на мой вопрос...

– Что? Ах да... Конечно буду... А ничего нельзя сделать? Ты же, как там говорят, кормилец в семье. Обратись к друзьям отца...

– Ты с ума сошла!!!

Светлана опустилась в кресло, закрыла лицо руками и расплакалась.

Игорь так и остался сидеть на своём месте и даже не попытался её успокоить, а его взгляд остановился на чашках с дымящимся кофе...

Игорь всё же получил отсрочку от армии. Он так и не смог узнать, по какой причине, но принял это, как должное, и продолжил работу на заводе.

Его не совсем устраивало то, что приходилось делать на заводе изо дня в день, но сказать, что всё, что происходило вокруг, ему было безразлично, он тоже не мог. Ему было приятно каждое утро встречаться с людьми, которые зарабатывают на жизнь тяжёлым физическим трудом, и видеть, как они этим гордятся.

И совсем неожиданным для него было то, что среди простых рабочих было много интересных, даже не совсем обычных людей, увлечённых своим делом. Видимо, это и послужило толчком для

поступления в машиностроительный институт, хотя это было далеко не тем, чем он мечтал заниматься по жизни. Но выбора не было: на нём лежала ответственность не только за себя, но и за маму и младшего брата. Учёба же на заочном отделении профильного института давала возможность получать образование и продолжать работу на заводе.

Всё складывалось совсем даже неплохо, только огорчало непонимание, которое всё чаще стало появляться между ним и Светланой.

Он не мог вырваться к ней, а на телефонные звонки она отвечала не всегда. Он не понимал, что с ней происходит, и уж совсем не хотелось думать о плохом...

Может от переживаний, а может и от невозможности выразить свои чувства, но в голове стали как-то сами собой рождаться строчки, а потом также сами собой выстраиваться в стройные ряды, похожие на стихи.

Игорь и раньше баловался написанием стихов, но это было обычным увлечением, которым страдали почти все подростки. А сейчас он и подавно не мог относиться к этому серьёзно: работяга, технарь – и вдруг стихи, но всё же писать не бросил. А однажды, ради интереса, дал

их прочесть своему приятелю, который работал в одном литературном журнале. Тот не проявил особого восторга, но предложил показать стихи главному редактору.

В редакции Игорь читал стихи сам: старался произвести впечатление.

Среди них было его любимое –

«Признание»:

Движенье губ опережу,
Боясь услышать «нет».
Тебе, одной тебе скажу,
Что явь это, не бред.

Тревогу сердца уловлю,
Но, глаз заметив свет,
Скажу тихонечко: «Люблю» –
И буду ждать ответ.

Набедокурившим юнцом
Склонюсь перед тобой
И стану в этот миг гонцом
За собственной судьбой...

Он читал, время от времени поглядывая на своего слушателя, чтобы увидеть его реакцию.

И в какой-то момент ему даже показалось, что тот заинтересовался, однако Игорь заметил в его взгляде иронию, даже пренебрежение. И, как только он понял это наверняка, он тут же умолк. Было очень неприятно видеть этот высокомерно-пренебрежительный взгляд редактора, однако Игорь старался не показать, насколько был взволнован и расстроен. Но когда прозвучали первые слова Евгения Исааковича (так звали главного редактора), Игорь весь съёжился, напрягся, словно в ожидании удара... Нет, он не ожидал восторженных слов, но то, что услышал, было невыносимо. Мало того, что Евгений Исаакович унижал и оскорблял его, он ещё и безобразным образом отзывался о любимых Игорем поэтах, даже Пастернака не пощадил...

Не помня себя, Игорь выскочил из кабинета, а в голове рождались нехорошие, мстительные строчки:

Да ты, мой Ритор, видно, стар,
Меня не слыша, говоришь.
Себе на душу льёшь нектар
И тех, кто дорог мне, хулишь.
Ты изучал стиха науки –

Общенью, правда, не учён...
И говоришь со мной от скуки,
В одежду Мэтра облачён...

Учёба у Светланы продвигалась более чем успешно, она по-прежнему скучала по Игорю, но встреч с ним избегала. Она не могла объяснить себе, что с ней происходит. Она стала его стесняться, непонятная обида на него сидела внутри. Она не понимала, почему он пошёл работать на завод простым рабочим, почему никогда не может найти свободного времени для встреч с ней... И постепенно, сама того не понимая, начала заполнять эту пустоту...

Так появился однокурсник Костя, весёлый и интересный собеседник, который своим беззаботным поведением отвлекал её от тяжёлых мыслей. Они постоянно были вместе, благо учились на одном курсе. А однажды случай вообще перевернул и полностью изменил её жизнь...

Игорь решил сделать любимой сюрприз – сдал досрочно сессию, а оставшиеся от положенного для сессии отпуска дни посвятить ей. Он

приехал в институт, чтобы сообщить ей об этом, а заодно и поздравить с Новым годом.

В это время в институте шёл Новогодний бал-маскарад. Все веселились, пили, прячась от куратора, шампанское. Светлана не стала исключением. Шампанское приятно кружило голову, и всё окружающее казалось милым и забавным...

Она даже не заметила, как в зал вошёл Игорь, продолжала танцевать и дурачиться, а затем подошла к Косте, обняла его и поцеловала прямо в губы... При всех... И только потом, обернувшись, увидела стоящего у двери Игоря... И, несмотря на выпитое шампанское, сразу всё поняла...

А утром она проснулась в Костиной постели...

О замужестве Светланы Игорь узнал от неё самой. Она позвонила неожиданно, пригласила на свадьбу, назвав день и час, и, не дожидаясь ответа, положила трубку. Всё произошло так быстро, что Игорь не успел, да и не смог бы ничего сказать, поэтому так и стоял с телефонной трубкой в руке, из которой ещё долго доносились короткие гудки...

Неизвестно, сколько бы он ещё так простоял, если бы не пришла мама. Она уже всё знала, поэтому и была здесь. Она забрала, вернее сказать, не забрала, а вытащила из его рук трубку, усадила его на диван, села рядом и стала, как в детстве, гладить его непослушные кудри, приговаривая:

– Всё будет хорошо, мой родной... Всё будет хорошо... Ты только успокойся... Подожди... Пройдёт время, настоящая любовь станет ещё крепче, а если нет, то всё просто забудется... Потерпи...

– Ничего, мама, всё нормально, – выдавил он из себя и, как-то странно улыбнувшись, повторил: – Всё будет хорошо...

В эту ночь в их небольшой семье никто так и не смог уснуть, даже младший брат, жалея его, тихонько плакал в своей комнате.

Марии Николаевне не давали покоя тревожные мысли. Ей было жаль и Светлану, и сына, которому в его неполные двадцать лет досталось как не каждому взрослому мужчине. Она слышала, как он всю ночь ходил по квартире, затем стучал печатной машинкой, затем снова ходил. Боясь потревожить сына, она старалась даже тише дышать, а под утро, услышав его ровное дыхание, прошла к нему

в комнату, взяла со стола исписанный вдоль и поперёк листок и прочла следующие строки:

Ещё вчера мы были рядом,
Бродили в сумраке аллей.
Ещё вчера любили взглядом
И каждой чёрточкой своей.

Ещё вчера был хлёсткий ветер
Отрадой: только бы вдвоём
Нам скоротать и этот вечер
И нашептаться о своём.

Ещё вчера мороз щипучий
Казался чем-то неземным,
И не пугали снега тучи:
Остаться только бы одним...

Ещё вчера... Но есть сегодня...
Всё тот же ветер и мороз,
И пустота двора на Сходне,
И стебельки засохших роз...

...Прошло много лет. Игорь так и не окончил свой институт: после первого же курса ушёл и

поступил на филфак педагогического института, который успешно завершил... Со временем он занял должность редактора отдела поэзии одного из местных изданий...

Игорь возвращался с работы... Он до сих пор в свои тридцать с лишним лет оставался холостяком. Коллеги любили над ним подтрунивать, пытались при любом удобном случае познакомить его с очередной молоденькой журналисткой, но успеха в своём предприятии так и не добивались. Он то отшучивался, то открыто балагурил – и дальше мимолётного романа дело никогда не заходило...

Они часто встречались со Светланой на улице, ведь она жила там же, у родителей, разговаривали о работе, о Светланиных детях – их у неё к тому времени было уже двое – и тут же расходились. Каждый из них хотел многое сказать другому... Она боялась этого разговора, чувствуя свою вину, а он просто не решался...

Из рассказов друзей он знал, что у неё уже давно не всё в порядке в семье, даже несколько раз сам видел её мужа в компании с молодыми девицами, да и сама Светлана давно знала об этом. Она не раз пожалела о своём замужестве,

и ей уже было совершенно безразлично то, что муж развлекается на стороне, – она просто не решалась порвать с ним из-за детей...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Светлана собиралась на работу. Она никогда не позволяла себе опаздывать.

Её больница и её пациенты – это единственное, что ей не хотелось менять в своей жизни. Всё остальное, кроме детей, для неё уже не имело никакого значения...

Всё чаще появлялась непонятная тревога, словно ожидание чего-то неизвестного. Светлана пугалась этого чувства, пыталась найти для себя объяснение в том, что подобное испытывают многие женщины, достигшие определённого возраста. Она радовалась за сына и тревожилась за дочь – только мыслей о муже не было, словно его и не было вовсе...

Неожиданно хлопнула входная дверь. «Костя вернулся...» – безразлично подумала она, передёрнув, как от озноба, плечами. Ей было не до него: она торопилась на работу... Не обращая на него никакого внимания, Светлана привычным

движением надела свой любимый берет, взяла в руки зонт, сумочку, накинула видавшее виды пальто и, открывая входную дверь, мысленно представила осуждающие взгляды коллег-врачей и вдруг неожиданно для себя обернулась и тихо, но твёрдо сказала:

– Когда я приду с работы, чтобы ни тебя, ни твоих вещей здесь не было. Я подаю на развод...

А затем, не дожидаясь ответа, захлопнула за собой дверь...

Страх

Описанные ниже события происходили на самом деле...

Катя собиралась в спешке, хватая всё, что попадалось под руку.

Толчок... Ещё толчок... Она подняла глаза и увидела, как на потолке закачалась люстра, затем перевела взгляд на сумку с вещами, бесполезно стоявшую у двери. Слух резанул звон бьющегося стекла. «Это, наверное, на кухне...» – промелькнула мысль. «А, к чёрту всё!..» Подхватив на руки дочку и откинув попавшую под ноги сумку, она выскочила за дверь. «Только бы успеть... Только бы успеть...»

Очутившись на улице и почувствовав под ногами землю, Катя немного успокоилась. Но в то же мгновенье пришло ощущение потери опоры под ногами, будто она попала в безвоздушное пространство. Закружилась голова, и, как след-

ствие, неприятный тошнотворный привкус во рту... Катю парализовал страх. Она застыла на месте, боясь сделать какое-либо неосторожное движение, и только руки крепче прижимали маленькую Верочку... Очнулась она оттого, что кто-то тряс её за плечи.

– Катя, ты что?! Успокойся... Дай мне Верочку...

Это была Оля – соседка, проживающая в квартире этажом ниже.

Катя посмотрела на неё и удивилась спокойствию этой женщины, и ей стало как-то неловко перед ней за свой страх.

– Не надо... Я сама... – отвела она протянутые к ребёнку руки, а потом еле слышно спросила: – Оля, а тебе разве не страшно?..

– Страшно... Ещё как... Особенно за них... – она показала глазами на Верочку и на своего пятилетнего сынишку, прижавшегося к её ноге... – Пойдём отсюда.

Оля взяла на руки сына, и они, прижимая к груди каждая своего ребёнка, пошли в сторону парка, на открытую спортивную площадку, где уже собралось много женщин с детьми, оказавшихся на тот момент дома. А остальные, как и Катя, ошалело выскакивали из подъезда, одевая на ходу детей и совершенно не соображая, что происходит вокруг...

Городок, в котором жила Катина семья, был крохотный, и не городок вовсе, а так, «два тополя на Плющихе». Было всего несколько двухэтажных домов для семейных офицеров да двухэтажное общежитие для холостяков.

С одной стороны домов была воинская часть, в которой и служил Катин муж, а с другой стороны – парк, за которым начинался город, совершенно чужой для Кати, со своей речью и своими обычаями...

Ветер усиливался, всё больше раскачивая вокруг деревья и ломая наиболее податливые сучья... Чёрные рваные тучи метались по небу, не находя себе места... И тут же, в одно мгновенье, всё пришло в движение...

Женщины от неожиданности попадали на землю, прижимая к себе детей. Кто-то шептал слова молитвы, кто-то плакал, а остальные с ужасом наблюдали за разбушевавшейся стихией...

Катя лежала прямо на земле, защищая руками дочку, а Верочка, прижимаясь к маме, громко плакала и всё время повторяла: «Мама, мне холодно... Мне страшно...» Женщина, приткнувшаяся рядом, сняла с себя тёплую кофту и протянула Кате. Катя взяла кофту, укутала в неё дочку и с благодарностью посмотрела на женщину.

– Ничего, потерпи, милая... Это скоро закончится... – сказала та, улыбнувшись.

Кате от её слов действительно стало легче... И тут она вспомнила, как их домашняя любимица, кошка Симка, всё утро была беспокойной: сначала громко мяукала, что для неё, тихони, совершенно несвойственно, затем бросалась на дверь, тёрлась о ноги и снова бросалась на дверь... Тогда она подумала, что кошка так игра-

ется, и только сейчас поняла, что та пыталась предупредить её о надвигающейся опасности... Ведь не зря говорят: «Чувствует, как кошка перед бедой». «Как жаль, что мы не всегда понимаем своих братьев меньших...» – с сожалением подумала Катя.

Неожиданно хлынул дождь, все вскочили со своих мест и стали искать убежище под деревьями. Дождь был сильный, больно хлестал по спине, рукам и лицу, от него нигде невозможно было укрыться. От сырости и холода стало совсем невыносимо. Дети плакали всё громче...

– Пойдёмте в подъезд, – сказала женщина, отдавшая Верочке свою кофту, – сильных толчков больше не будет, – и решительно направилась к дому. Все послушно последовали за ней...

Толчки стали повторяться всё реже и тише и больше напоминали лёгкий бриз на море, но страх от этого не ушёл...

Как ни странно, дети перестали плакать, только крепче прижимались к матерям...

Была суббота, поэтому все женщины с детьми были дома, а мужчин ещё ночью вызвали по тревоге в часть...

– Ну что за безобразие?! Как только у нас проблемы, так ни одного мужика рядом, – попыталась шутить Наташа, Катина соседка по этажу.

– Ничего... Раз шутишь – значит, дело пошло на поправку, – в тон ей ответила военврач Светлана Ивановна или попросту палочка-выручалочка, как её между собой называли офицерские жёны.

Через некоторое время решили подняться в квартиры: необходимо было срочно переодеть детей и взять что-нибудь для них из продуктов.

Поднимались по очереди. Катя в свою очередь тоже поднялась к себе, на второй этаж, где размещалась её квартира, оставив дочку соседкам.

На первый взгляд в квартире ничего не изменилось.

Однако, присмотревшись, она увидела, что в большой комнате оба кресла перекатились к противоположной стене. На кухне во всех шкафчиках были распахнуты дверцы, на полу валялась разбитая посуда, а в углу стены зияла огромная трещина...

Дальше Катя рассматривать не стала. Она быстренько переоделась, взяла тёплые детские вещи, сгребла в пакет всё съедобное из холодильника и, прихватив документы, поспешила вернуться к остальным.

Дождь перестал, и все вышли из своего укрытия...

Темнело... Вокруг была такая тишина, что совершенно не верилось в то, что совсем недавно бушевала разгулявшаяся стихия, и только обломки разрушенных стен да вывернутые ветром деревья напоминали о произошедшем...

Женщины ещё долго сидели во дворе, не решаясь вернуться в свои квартиры: боялись повторения толчков...

Ни один мужчина, кроме посыльного, так и не вернулся в тот вечер домой: их отправили на разбор завалов наиболее пострадавших от землетрясения домов...

Дети замёрзли и проголодались, и уже не сидели тихо, а требовали своего громким плачем. И женщины, подчиняясь их плачу, стали расходиться по своим квартирам.

Катя взяла к себе соседку Наташу с двумя маленькими детьми, так как та боялась одна возвращаться в свою квартиру.

Покупав и накормив детей, женщины уложили их спать. Получив своё, дети безмятежно уснули, тут же забыв о дневном кошмаре...

Дети спали, сладко посапывая во сне, а две женщины, боясь за судьбу этих маленьких крох, так и просидели всю ночь на кухне, тихо переговариваясь и тревожно вслушиваясь в тишину южной ночи...

Везунчик

1.

В этот вечер Андрей вернулся поздно. Подойдя к двери квартиры, он приостановился, задумался, а затем решительно взялся за ручку.

– Труба зовёт! – как всегда шутливо воскликнул он, переступая порог.

– В каком смысле? Вроде дома уже. Кстати, доброй ночи. Или не доброй, раз труба снова зовёт?! Неужели снова обратно? Ты бы раскладушку в казарме себе поставил да и жил бы там, – выглянув из кухни, незлобиво заворчала жена.

– Ладно тебе, Танюша, не ворчи. Тебе не идёт.

– Конечно, тебе за полночь домой возвращаться идёт, а мне высказать, заметь, совершенно справедливое недовольство не идёт. Хорошо ты устроился, как погляжу!

Андрей, смеясь, прижал к себе жену.

– Ты моя ворчунья. Ты сначала мужа накорми, напои, а потом уже ворчи сколько хочешь.

– Да тебе потом моё ворчанье...

Таня освободилась из объятий мужа и пошла на кухню и уже оттуда крикнула:

– Мой руки, полуночник!

Таня молча наблюдала, как муж с аппетитом поедает яблочный пирог, с которым она провозилась целый вечер, и ей почему-то стало так грустно, что на глазах выступили слёзы.

– Ты чего? – испугался Андрей. – Что-то с детьми?

– Да нет, всё в порядке, просто устала...

Таня промокнула полотенцем глаза, бросила его на стул и направилась из кухни, на ходу бросив мужу:

– Помой посуду: я спать...

– Ну ты чего? – поднявшись из-за стола и перехватив её за руку, Андрей ещё крепче прижал Таню к себе.

– Вчера Даша прислала письмо. Представляешь, уже полгода прошло, как погиб её муж...

– Я понимаю, как тебе это больно, ведь Даша – твоя лучшая подруга, а теперь она там одна, а мы здесь, на краю земли, и помочь ты ей ничем не можешь... К сожалению, её муж не первый и не последний... Он офицер, и я офицер... Ты должна понимать, что туда может попасть любой из нас: разнарядки приходят каждый месяц...

– Как? И ты можешь? Но у нас же двое маленьких детей!.. Ты о них подумал?

– Я – офицер... Ты знала, за кого выходила замуж...

– Да, я знала... Но я и не предполагала, что тебе до меня не будет никакого дела... А я... Я женщина. Мне хочется чуточку внимания, поддержки и просто элементарного понимания, наконец. Ты же всё время на службе, вокруг только твои друзья... Я живу только твоими делами, твоими заботами. У меня иногда такое ощущение, что ты меня в себе растворил... Так нельзя поступать с теми, кого любишь... Я уже почти потеряла себя, а я этого не хочу... А тебя всё устраивает – накормлен, напоен, одет, не надо заниматься ни семьёй, ни домом. Зачем? Для этого же есть я...

– Что это на тебя нашло?!..

Таня вырвалась из объятий мужа, разрыдалась и убежала в другую комнату.

Андрей не пошёл за ней, подумав: «Ничего, поплачет и успокоится, не первый раз». Затем открыл холодильник, достал свой заветный графин с водкой, налил рюмку и, опрокинув её залпом, не раздеваясь, лёг спать прямо на кухонный диван...

Андрей проснулся от шума: видно, девочки не поделили что-то между собой. Он встал, чтобы они не увидели, что папа спал на кухне, и громко закричал:

– Кто первый к папе?

Девочки подбежали почти одновременно, и обе повисли у него на руках. Он поднял младшую на руки и сел с ней за стол.

– Пап, а ты селёдня дома? – устраиваясь на папиных коленках, с надеждой спросила полуторагодовалая Алеся.

– Папе надо на службу! – по-детски строго сказала старшая дочка, присевшая на табуретку с другой стороны от папы.

– Нет, Алёнка, я сегодня целый день с вами.

В свои три года Алёнка была на редкость послушной и не по-детски взрослой девочкой и очень оберегала свою младшую сестрёнку, хотя разница между ними была совсем маленькой, а Алеся, как все младшие дети, была более избалованной девочкой. Но Андрей, как и любой папа, безумно любил обеих.

– Уля! Ура! – одна за другой закричали девочки и захлопали в ладоши.

Вошла Таня, лицо у неё было опухшим от слёз, но ни она, ни Андрей никогда не обсуждали

своих проблем при дочерях, поэтому она улыбнулась и, обращаясь к девочкам, пропела:

– Се-го-дня мы гу-ля-ем... Урааа...

– Я быстро в душ, а вы, красавицы, помогите маме накрыть на стол да шампанское в холодильник поставьте!

– А шампанское по какому поводу?– удивилась Таня.

– Просто так... – уже из ванной ответил Андрей.

– Уля! Будем люлять! – снова захлопала в ладоши Алеся.

Папа ушёл, а мама с девочками, напевая их любимую песенку «Улыбка», приступили к сервировке стола.

...Таня любила такие дни, ведь Андрей очень редко бывал дома, и поэтому они были для всех праздником, особенно для дочерей. Папа водил их в кафе, кормил мороженым, поил сладкой газированной водой, а затем они всей семьёй шли гулять по городу. Андрей всю дорогу шутил, покупал всякие безделушки домой, и девочки даже забывали про дневной сон, зная, что вечером их будет укладывать папа. Они скучали без него, ждали этих вечеров, но чаще всего, прикоснув-

шись к подушке, мгновенно засыпали, даже не дослушав сказку, которую в такие вечера им читал папа...

– Девочки, да вы у меня просто волшебницы! – заходя на кухню и на ходу застёгивая халат, воскликнул Андрей.

Пока девочки усаживали папу за стол, споря между собой, кто с какой стороны будет сидеть возле него, Таня внимательно наблюдала за мужем, и что-то неуловимо-тревожное показалось ей в нарочитом его веселье. Интуиция её ещё никогда не подводила, но, чтобы не портить детям праздник, она включилась в общую игру, решив, что обо всём поговорит с ним вечером.

– За что будем пить? – усаживаясь и беря в руки уже налитый Андреем бокал, улыбнувшись, поинтересовалась Таня.

– За любовь...

– Ну, за любовь так за любовь...

Девочки, выпив свой компот и схватив по куску пирога, который остался от вчерашнего ужина, убежали в свою комнату.

А Таня с Андреем в полном молчании допивали каждый свой бокал.

Пузырьки от шампанского приятно щекотали горло, не хотелось ни о чём говорить – хотелось

просто сидеть и наслаждаться этим приятным напитком. Но Таня, пересилив себя, отставила свой бокал и, глядя прямо в глаза мужу, спросила:

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

– Танюша, я тебя так люблю...

– Я тебя тоже, но ты не ответил на мой вопрос...

– Можно я выйду покурю?

– Прямо в халате?

– Не бойся, переоденусь...

– Хорошо, я подожду... Я пока к девочкам, а то что-то подозрительно тихо.

Тревога нарастала. Таня попыталась успокоиться, зашла в детскую, но девочки были так увлечены своей игрой, что она не стала их отвлекать и снова вернулась на кухню.

Андрея долго не было, но Таня не пошла за ним, как это делала обычно, а терпеливо ждала.

Он вошёл, без слов сел рядом, обнял и крепко прижал её к себе...

Теперь уже Таня не сомневалась: что-то случилось, и от ужасного предчувствия по спине пробежал холодок.

– Прости меня, родная, я не мог поступить иначе, – начал он, пытаясь подобрать правиль-

ные слова, но, почувствовав, как вздрогнули её плечи, заговорил быстрее: – Это совсем ненадолго, всего на два года, и я не один – нас с полка шестерых отправляют.

– Афган?..

– Да...

Таня взяла со стола бутылку, наполнила до краёв бокал и выпила его почти залпом, затем снова потянулась к бутылке, но Андрей перехватил её руку.

– Не надо...

– Когда?..

– Послезавтра...

– Что девочкам скажем?..

– Скажем как есть...

– Только не сегодня... Не порти им праздник...

2.

Выйдя из самолёта, Андрей чуть не задохнулся от волны горячего воздуха. Во рту всё мгновенно пересохло, и даже язык казался совершенно лишним; виски давило так, что не было сил повернуть голову.

Такой жары он никогда не ощущал; казалось, что воздух плавится от зноя, а под ногами не песок, а огненная лава, тепло от которой просачивалось даже через десантные ботинки.

Оглянувшись на ребят, Андрей понял, что они испытывают такие же ощущения.

От этой дикой жары ребята не сразу сообразили, что обращаются именно к ним.

Майор, который их окликнул, был невысокого роста, коренастый, по всему было видно, что родом он из южных окраин, а взгляд, направленный на ребят, выражал нетерпение и в то же время сочувствие.

– Ну что, бойцы, шевелитесь, времени у нас в обрез, – вместо приветствия нарочито грубо прикрикнул он.

Ребята взяли свои вещи и по одному, помогая друг другу, забрались на боевую десантную машину, на которой и приехал за ними строгий майор.

– Ну что... Поехали! Да, кстати, – перекрикивая шум движущейся машины, прокричал он, – можете обращаться ко мне либо товарищ майор, либо Ашот Семёнович. В бою я ваш командир, следовательно, обращаться только по званию, а в остальное время я и ваш папа, и ваша мама, так что, бойцы, привыкайте. Времени на рассусоливание нет и не будет. Запомните это сразу. По два раза я повторять не буду...

3.

Андрей постепенно привык и к испепеляющей жаре, и к невыносимо сухому воздуху и уже стал тёртым калачом, даже имел свою заслуженную репутацию. Солдаты между собой окрестили его везунчик, и не зря, так как у него в роте чуть ли не у единственного, за год его пребывания в должности командира роты, не было ни одной потери. Он никогда не лез на рожон сам и не позволял этого своим солдатам. И именно поэтому многие командиры предпочитали участвовать в боевых операциях вместе с ним.

Сегодняшний боевой выход не был исключением...

Андрей тщательно проверил готовность солдат к десантированию, не упуская ни одной мелочи и давая каждому наставления. Он готовил ребят, а у самого внутри уже давно назревал протест против этой, никому не нужной войны, которая унесла уже не одну сотню молодых, ничего не познавших в этой жизни ребят. Но изменить ситуацию было не в его силах, поэтому он честно выполнял свои офицер-

ские обязанности, которые, по его мнению, и сводились к максимальной возможности выживания...

...Погрузка десанта происходила с двух площадок – всего около шестидесяти человек. Десантные группы, по двенадцать человек с полной амуницией, заполнили несколько бортов вертушек Ми-8. Одной из групп командовал Андрей.

По команде все вертолёты поднялись в воздух и парами пошли в район десантирования. Через некоторое время Андрей, почувствовав, что вертолёт снижается, отдал приказ о готовности к десантированию.

Высадка производилась на тесной площадке, окружённой горным хребтом. Как только началось десантирование, из-за горного хребта появились духи, и начался обстрел.

Надо отдать должное лётчикам, которые умудрялись уклоняться от шквалистого огня, а те, кто уже достиг земли, быстро снимали с себя парашюты и занимали круговую оборону, отвлекая огонь на себя...

...Очнулся Андрей от боли. Невыносимо болела спина, и любое движение доставляло адскую боль.

«Что со мной?..» – промелькнула мысль и тут же исчезла... Всё остальное происходило, будто во сне... Откуда-то доносились приглушённые звуки... Сознание совершенно не воспринимало происходящее вокруг, словно это было не с ним, а где-то очень далеко...

Первое, что он увидел, придя в себя, – серое от пыли небо... Оно словно навалилось на него со всех сторон и давило с такой силой, что от этого некуда было деться. Он застонал и увидел склонённое над собой лицо майора.

– Живой, везунчик, – словно издалека донёсся его голос.

Андрей попытался повернуть голову, чтобы ответить майору, но от острой боли снова потерял сознание... Словно сквозь сон до него доносилась стрельба, крики солдат, гул приближающихся вертушек...

И последнее, что промелькнуло перед глазами, – бегущие к нему бойцы...

Очнулся Андрей только в госпитале. Казалось, что тело пронизывает тысяча острых иголок. Ощупав свою забинтованную ногу, он с облегчением вздохнул: «Слава Богу... На месте... »

То, что произошло с ним на самом деле, он узнал только через пару дней. Военный хирург май-

ор Николай Колесников, который его оперировал, был уверен, что каждый раненый должен знать реальное положение вещей, и всегда говорил только правду, какой бы удручающей она ни была.

Правда для Андрея состояла в том, что ему ампутировали стопу правой ноги, а значит, он лишился возможности нормально двигаться.

...За время службы в зоне боевых действий Андрей видел и трупы, и искалеченных ранениями солдат и офицеров. И всегда считал, что первые из них были счастливее... А вот вторых ... война уже никогда не отпустит... Она будет приходить к ним в кошмарных снах – с болью, с неуверенностью, да мало ли ещё с чем...

Из задумчивости его вывел звонкий голос медсестры.

– А что это мы тут, больной, сопли жуём?

Андрей обернулся на голос и увидел симпатичную молоденькую медсестру.

– Ну так что, будем выздоравливать или будем над собой плакать?..

Он улыбнулся её шутке и почему-то сразу почувствовал себя намного спокойнее и даже нашёл в себе силы пошутить в ответ.

– Если рядом будет такая красавица, то я за...

– Ну вот мы всё и порешили. А меня Светой зовут...

– Я бы сказал: свет в окошке...

Эпилог

Беседа была мучительной для обоих. Андрей мял в руках салфетку, так и не притронувшись к остывающей чашке кофе...

– Я люблю её. Она меня почти с того света вытащила. Ты не думай, она хорошая...

Потом снова что-то говорил и говорил, словно оправдываясь перед собой, стараясь подыскать наиболее правильные слова, а Таня, глядя мимо него, слушала в полном молчании, а затем резко прервала его...

– Я всё поняла...

Её тихий голос для Андрея был как выстрел на той войне, с которой он вернулся.

– Я рада, что ты жив и что у тебя всё хорошо... – продолжила она также тихо. – Но я не прощаю тебя... Ты даже не представляешь, каково мне было... Одной... С двумя детьми... Что такое грызть по ночам подушку от одиночества и желания прижаться к тёплому мужскому плечу... Ты думаешь, у меня было мало желающих

утешить солдатку?!. Только я, в отличие от тебя, всегда помнила, что у меня есть ты и дети...

Ей хотелось так много ему сказать... И о том, как она его ждала, отмечая дни в календаре, и о том, как слагала и рассказывала дочкам сказки о нём, и ещё многое из того, что произошло с ней и дочерьми за время его долгого отсутствия...

Но вместо этого она встала, да так резко, что даже опрокинулся стул...

Затем подошла к девочкам, которые, чтобы не мешать родителям, кушали мороженое за соседним столиком, и, крепко держа их за руки, не оглядываясь, быстрым шагом вышла с ними из кафе...

А Андрей со щемящим чувством вины ещё долго смотрел им вслед, не в силах пошевелиться... Он только теперь отчётливо осознал, что сделал свой выбор и назад пути нет... А вот правильный этот выбор или нет – покажет время...

Мамина боль

Посвящается моей маме

«Вот так и всю Беларусь хотели превратить в лагерь смерти. Только вместо колючей проволоки – „оцепление“; цепи карателей со всех сторон; набитые людьми хаты, амбары, сараи – это уже „деревенские крематории“. И называлось оно не по-лагерному, не „селекцией“, а всего только „сход“, „собрание“, „проверка паспортов“...»

Алесь Адамович

Когда за последним гостем закрылась дверь, я облегчённо вздохнула, а мама как-то сразу сникла, прошла к столу и тяжело опустилась на стул.

– Ну что, доченька, может, завтра приберёмся?

– Ты иди, мам, отдыхай, я сама управлюсь.

– Как же! Думаешь, если мне семьдесят лет исполнилось, так я уже и не в состоянии за свои-

ми гостями убраться? – устало улыбнулась она. – Я ещё ого-го!..

– А кто спорит? – в тон ей ответила я, всё же помогая ей встать и дойти до дивана.

– Ты немного отдохни, я быстренько всё уберу, а потом поболтаем. Хорошо?

Мама утвердительно кивнула головой и, укутавшись в тёплый плед, уютно устроилась на диване.

Время близилось к вечеру. За окнами осенний ветер гонял стаи серых тяжёлых туч, стряхивая с них частые мелкие капли дождя. Они бились о стёкла, словно прося защиты. Но ветер был неумолим, и с каждым его новым порывом по окну пробегала жалобная дробь. Вид этой неравной борьбы совсем не располагал к веселью...

В комнате было душно. Я открыла входную дверь, чтобы проветрить, и неохотно принялась за уборку...

Со двора потянуло холодной сыростью. Отец принёс охапку дров и растопил в большой комнате камин. Я быстренько управилась со всеми делами, закрыла на кухне дверь и перебралась в большую комнату, где на диване, стоящем напротив камина, дремала мама.

От непроглядной пелены дождя в доме было темно, но свет зажигать не хотелось. Так я и сидела в темноте, спасаясь от сырости у камина с весело потрескивающими дровами...

Когда-то мы вот так собирались всей семьёй. Мама рассказывала нам разные истории из своей жизни... Я очень любила такие вечера...

Из задумчивости меня вывел мамин голос:

– Что притихла?

– А я думала, ты спишь... Мам, расскажи мне что-нибудь... Как раньше...

– Что я тебе, доченька, расскажу, если все мои воспоминания – сплошная боль...

– Ну ладно, прости...

– Хотя... Ладно... Тебе это полезно знать...

...Это случилось в такую же гиблую осень, – тихо, чуть хрипловато-натуженно начала она свой рассказ. – Мне тогда лет десять было, не больше... А ещё, кроме меня, у родителей четверо было, и все – мал мала меньше...

Не помню, в какой именно из военных годов это было... Память уже не та... Но помню, что в тот год было очень голодно... Мы, дети, не спали по ночам: постоянно хотелось есть... Приходилось искать, что и где придётся... Иногда я, как самая

старшая, брала с собой того, кто покрепче, и шла с ним на картофельные поля. Хотя там всё уже десятки раз было копано-перекопано, но мы всё равно копали. Найти пару-тройку картошин – это было великим счастьем...

Правда, нам изредка помогал мамин дядя... Жил он тогда на дальнем хуторе, немец туда ещё не дошёл, и дядя Семён, когда удавалось, передавал нам кое-что из еды, а иногда мы и сами к нему захаживали...

Мама замолчала, собираясь с мыслями, и какое-то время молча смотрела на пламя в камине... Потом повернулась ко мне, и я увидела в её глазах столько боли, что мне захотелось прервать её рассказ. Но я не решилась и стала ждать продолжения маминого рассказа...

...В тот день я пошла к дяде одна – по своей, известной только мне, тропинке...

Хутор-то – неблизкий свет. А вокруг – где немцы, где партизаны – не поймёшь... Страшно было очень, но голод оказался сильнее страха...

У немцев вёрст за десять от нашего села находился штаб... Они-то по деревням пошарят, последнее у людей позабирают да снова к себе. А что после их визитов детишки начинали с голода пухнуть – это ничего... Деревни же,

где уже нечего было взять, просто-напросто сжигали...

Мама снова замолчала, начала быстро тереть ставшие влажными глаза...

– Ну вот, – наконец прервала она своё молчание. – Иду я, значит, по лесу, встречаю дядиного соседа и спрашиваю:

– Немцев-то на дальнем хуторе ещё нет?

– Нету, доченька, иди, не бойся.

Дядя Семён встретил меня приветливо: добрый был человек. Кусочком сахара угостил, а по тем временам это было ещё какое лакомство!

Передохнула я, значит, немножко, взяла торбочку, в которую дядя Семён сложил продукты, и обратно...

Домой шла той же тропинкой. В лесу стояла такая тишина, что казалось, и нет её, войны-то...

Когда подходила к деревне, вдруг услышала какие-то непонятные звуки – то ли крики, то ли плач... Беспокойство мною овладело такое, что я, не разбирая дороги, бросилась напрямик. Ветки больно хлестали по лицу, по рукам, но я не обращала на них внимания, а только бежала, бежала...

Остановилась я только у поля... Нашла большой куст, откуда была видна вся деревня... Спряталась за него... Вижу, как деревню

окружили каратели с собаками. Одни из них бесцеремонно выталкивали из домов людей, а другие собаками гнали их на окраину деревни. Бабы голосили так, что у меня от ужаса волос на голове зашевелился... Мужики плелись молча, да и мужики-то какие тогда в деревне остались: либо калеки, либо старики немощные... А те, гады, собаками их, собаками... А детки маленькие шли, всё прижимаясь к маминым юбкам, боясь отстать...

...Вижу, что всех гонят к старому коровнику, а тех, кто пытался сбежать, – очередью...

...Я недалеко от них была – метров, может, четыреста. Стою ни жива ни мертва и только слы-

шу: строчат, строчат из автоматов да страшный лай собак...

Потом стали гореть хаты... Ой, дочушка, не дай Бог такое увидеть...

Только и помню этот куст лозы да маленький ручеёк рядом. Он всё журчал, журчал, словно успокаивал... Я отвлеклась на ручей не более чем на минутку, а, когда повернула голову, старый коровник уже вовсю полыхал... А до меня доносились истошные, нечеловеческие крики...

Ноги мои подкосились, всё поплыло перед глазами, и такое безразличие наступило к происходящему, будто и не со мной всё это...

Когда очнулась, вокруг было тихо-тихо, только солнце не было видно из-за пелены густого дыма...

Выглянула из-за куста... Идти в деревню было страшно... Огляделась: немцев вроде уже не было... Решилась пойти... Иду по улице, жутко... Кругом валяются чугунки, рушники, летают перья от разорванных подушек...

На месте некоторых домов только печные трубы торчат... Наш дом вроде выстоял, лишь наполовину сгорел... Я – в дом, а там пусто... Побежала в сарай – пусто... Я – в огород... Вижу: в борозде кто-то лежит, и не один... Я позвала – никто не ответил... Поняла, что мёртвые... И такой ужас меня охватил...

К коровнику идти побоялась: оттуда шёл такой смрад...

Мама закончила свой рассказ так же внезапно, как и начала. Снова стала тереть ставшие совсем мокрыми глаза, но не плакала, а как-то по-старчески кряхтела и всхлипывала...

Я не могла найти нужных слов, которые могли бы её утешить и унять её боль. Да и возможно ли?..

Мне было известно, что мама во время войны осталась сиротой, но что ей пришлось пережить такой ужас... В моём сознании это просто не укладывалось...

Через некоторое время мама успокоилась, задышала ровнее и, наконец, задремала. Я поправила на ней плед, а сама, чтобы как-то отвлечься от терзавших меня мыслей, взяла в руки вязание... Пальцы послушно повторяли привычные для них движения, а мысли путались, мешались, переваривая мамину боль...

Откровение в небе

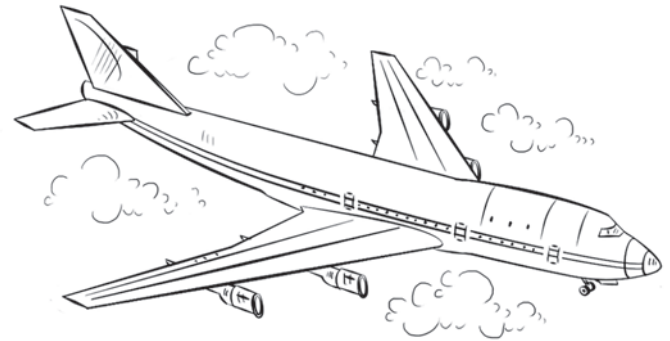
Часто летая и видя работу бортпроводниц, я непроизвольно заинтересовалась: «Что движет девушками, которые выбирают эту профессию?»

Долгое время я наблюдала за ними: было интересно, что именно привлекало их в этой профессии. И однажды мне повезло: удалось откровенно поговорить, что называется, по душам с одной из этих милых, улыбчивых девушек. Звали её Катя.

Из истории, которую поведала мне Екатерина, и родилась эта маленькая литературная зарисовка.

...Когда остались позади и последний звонок, и экзамены, и выпускной бал, казалось, что всё закончилось. Только я не почувствовала ожидаемой свободы. У меня было такое ощущение, которое бывает, когда ты долго идёшь по дороге,

не сворачивая и не оглядываясь, абсолютно уверенная в том, что идёшь в правильном направлении, и вдруг понимаешь, что заблудилась... И холодный пот по спине: а вдруг ошибусь и пойду не той дорогой?.. Я думаю, это чувство знакомо не мне одной – только мы, конечно же, не обсуждали между собой такие тонкости...



Что ни говори, а пришло время принимать решение. И вот тогда я и выбрала профессию бортпроводницы. Выбрала потому, что с самолётами были связаны все мои детские воспоминания: мой отец был лётчиком, так что, сколько я себя помню, лётная тема была главной в нашей семье.

В детстве, когда ночью плохо спалось, а чаще всего это бывало в полнолуние, я любила смотреть в небо. В такие минуты оно казалось совершенно чистым, каким-то бездонным, ведь в городе звёзд не увидишь. Но я очень любила всматриваться в эту бездну и почему-то всегда искала сначала бортовые огни самолётов, а затем уже пыталась найти хотя бы одну звезду...

Почему бы и не быть такой привычки, если все беседы отца с друзьями всегда заканчивались самолётами? Они говорили о них, словно о живых, и это было удивительно... Когда я однажды об этом сказала отцу, он рассмеялся, как мальчишка.

– Да ведь они, доченька, и есть живые. Посуди сама: нас в экипаже пять человек, но что мы без самолёта? Пустое место. Так и выходит, что самолёт – наш шестой член экипажа. Почему ж не живой? Ещё какой живой...

Однако всю полноту безграничной любви, которую он испытывал к самолётам, я поняла намного позже, когда отцу по состоянию здоровья врачи запретили летать...

Это было в одну из тех бессонных ночей, когда я так любила всматриваться в небо. В этот раз место у окна в большой комнате, куда

я, как обычно, направилась, было занято. Там стоял отец. Он смотрел, не отрываясь, на удаляющиеся огни самолёта, будто сам сидел за его штурвалом и управлял им... Лицо у него в этот момент было какое-то отрешённое, а глаза, как у незрячего, – совершенно пустые. Это выглядело пугающе...

Я думаю, что и умер отец так быстро не только от болезни, но и от тоски по своей любимой работе...

Видно, поэтому я, неся в себе любовь отца к небу, стала бортпроводницей или, как все нас называют, стюардессой.

Многие девчонки сегодня мне завидуют, ведь им кажется, как и мне прежде, что это не работа – мечта! Улыбнулась пассажирам у трапа, разнесла напитки, спросила о самочувствии, пококетничала с молодыми людьми – в общем, не жизнь, а красота! Да и не только молоденькие девочки – многие так думают. Я уже не первый год летаю и вижу, как девушки рвутся в эту профессию именно по внешним красивым атрибутам. Конечно, я не отрицаю, есть притягательная для девочек сторона у этой профессии: красивая форма, подчёркивающая фигуру; да дух захватывает от того, что вот сейчас ты пьёшь кофе в Шереметьево, а

через некоторое время увидишь землю, на которую ступала нога великого Моцарта, или Эйфелеву башню. Конечно же, это притягивает многих молоденьких девушек – только из большого множества желающих в профессии остаются единицы. Выходит, и улыбаться у трапа не так-то уж и просто...

Скажу больше: быть стюардессой – это как быть хозяйкой большого дома, постоянно принимающей всё новых и новых гостей. Разница лишь в том, что гостей не приходится выбирать, но при этом со всеми надо быть одинаково обходительной и учтивой. А понимание того, что люди, пусть даже на небольшой промежуток времени, доверяют тебе свою жизнь, заставляет быть до предела любезной и собранной. А ведь у каждого, кто находится в салоне, своё настроение во время полёта: кто-то с кем-то не по-доброму расстался, кого-то в конце пути ждут неприятности, а кто-то безмерно счастлив. Бывают и такие, которым всё не нравится и которых всё раздражает, и своё раздражение они пытаются выплеснуть на окружающих. И вот он уже всех обидел, оскорбил, и тогда даже у тех, кто приветливо улыбался друг другу, портится настроение, а полёт, который для всех мог бы стать

маленьким праздником, становится сплошным кошмаром. Ничего не поделаешь, и к таким пассажирам приходится относиться ровно, ничего личного... Правда, после такого полёта остаётся в душе неприятный осадок, от которого иногда очень сложно избавиться. Но это и есть одна из обратных сторон нашей профессии...

Вот так и живём. И устаём от них, от своих пассажиров, и радуемся вместе с ними, и в отчаяние от них приходим, однако каждый раз ждём их с нетерпением. Таков удел выбранной нами профессии. Хотя... только среди такого разнообразия людей и их характеров можно научиться по-настоящему понимать сложность нашей жизни...

Мои журналистские будни

Незнакомый Михайлов

Встречая очередного гостя своей творческой гостиной «У Вишневского», которая ежемесячно проходит в третьем Центральном военном клиническом госпитале им. А.А. Вишневского, не

скрою, я очень волновалась, ведь для меня, как и для множества моих сверстниц, выросших на хорошем советском кино, Александр Михайлов был и остаётся легендой.

В каждой роли, независимо от того, положительный это персонаж или нет, он сумел сыграть человека, вызывающего у зрителя уважение, даже если поступки героя, образ которого он создавал, были далеки от совершенства.

Мы встретили его у московской квартиры, где он останавливается, как потом выяснилось, когда у него занятия во ВГИКе. Поздоровавшись, он сел с нами в машину, и за неполный час, который мы находились в пути, у меня появилось ощущение, что мы давно знакомы: настолько простой и доверительной была наша недолгая беседа. А когда он узнал, что я, как и он, преподаю, тут же оживился и, как мне показалось, даже обрадовался, заметив при этом, что «мы с Вами занимаемся одним делом – воспитываем молодёжь». И добавил: «И это здорово!» После этих его слов меня, что называется, отпустило – волнение и напряжение ушли как-то сами собой, на душе стало спокойнее, и даже исчезло ощущение разницы в возрасте, которое меня поначалу немного смущало.

И потом всё, о чём рассказывал Александр Яковлевич во время нашей недолгой поездки, было настолько понятно и близко моему мироощущению, что меня не покидало чувство, словно я после долгой разлуки встретилась с близким мне человеком...

Мы приехали задолго до начала.

Александр Яковлевич терпеливо объяснял ребятам, как ему нужно выставить свет, звук, как и где на сцене должны размещаться микрофоны и все остальные предметы, которые он попросил подготовить к его приезду. А их было совсем немного: небольшой круглый столик со стулом, барный стул, который ребята, готовящие сцену, принесли из дома, и несколько микрофонов. Но самые необычные вещи, которые он попросил подготовить, – это свеча и спички.

Когда все предметы заняли определённые актёром места, началась репетиция. Я сидела в сторонке, внимательно слушая Александра Яковлевича и наблюдая за всеми его действиями на сцене. Он то и дело поворачивался в мою сторону, объясняя, почему он исполняет ту или иную песню и почему для него это так важно. И, как мне показалось, пытался уловить мою реакцию, что само по себе было необычно,

ведь он никак не мог знать, насколько трепетно я отношусь к исполнению песен под гитару и что я давняя поклонница кубинской гитары с её неповторимыми ритмами. Ничего этого он просто не мог обо мне знать, но, обращаясь ко мне, обязательно дожидался моего ответа или просто кивка головой и только потом продолжал репетицию...

Я долго не могла придумать, как представить своего гостя зрителям: настолько банальными по отношению к нему казались мне обычные перечисления всех титулярных составляющих. И я представила его просто: «Действительно народный артист, легенда советского и российского кинематографа – Александр Михайлов».

Аплодисменты затихли сразу, как только на экране появились эпизоды из фильмов, в которых снимался Александр Яковлевич. Появление на сцене самого актёра вызвало шквал аплодисментов. Он молча, немного театрально поклонился, зажёг свечу, взял микрофон и начал говорить...

Всегда выступление своих гостей я слушаю из зала, и этот раз не стал исключением. Я внимательно наблюдала за Александром Яковлевичем, стараясь не пропустить ни одного слова.

Слушала, как он исполняет стихи, с какой теплотой говорит о своих друзьях, близких, и как душевно, несмотря на хрипотцу в голосе, исполняет песни под несколько несложных гитарных аккордов.

Свет и тепло свечи, имеющие, как я потом поняла, для него огромное значение, и его любовь, в которой он не раз за время своего выступления признавался врачам и медсёстрам, сидящим в зале... От всего этого шло такое невероятное тепло и душевность, что остальное уже не имело никакого значения...

Всё выступление Александра Яковлевича было словно прошито двумя нитями – чёрной и белой. Чёрная – это воспоминание о Михаиле Евдокимове, его друге и соратнике; белая – значение Бессмертного полка, к созданию которого он имеет непосредственное отношение. В первом случае дрожь в голосе выдавала невыносимую боль, а во втором – невероятный восторг.

И в этом он весь – от боли до восторга!

Выходя из зала, я увидела зрителей совсем иными, чем до встречи с Александром Михайловым – глаза их светились, а у некоторых были видны следы от слёз... Глядя на них, я подумала: «Какой же широты должна быть душа у этого человека, если каждый уходящий после встречи с ним забрал её частичку с собой...»

После его выступления мы ещё долго беседовали на разные темы, сидя в очень узком кругу. Разговор шёл обо всём, и ощущение давнего знакомства с этим человеком только усилилось.

«В маленькой деревянной избушке жил человек. Однажды к нему постучали в дверь. «Кто?» – спросил человек. «Твоё богатство», – услышал в ответ. «Ты у меня уже было, от тебя одно горе, так что уходи». Через какое-то время снова стук в дверь. «Кто?» – снова спросил хозяин. «Твой успех». – «Ты у меня тоже был. И что? Теперь я один. Уходи». И в третий раз стук в дверь: «Открывай, твои друзья на пороге». Обрадовался хозяин и поспешил открыть дверь. И вместе с друзьями к нему пришли и богатство, и успех...»

Услышать эту притчу из уст актёра для меня было немного неожиданно: настолько устоявшийся образ сильного и ни от кого не зависящего человека прочно сидел в моём сознании. И я для себя вдруг поняла, что образы героев, созданные им в разных фильмах, – это всего лишь только образы. Мне открылся совсем иной Алек-

сандр Михайлов – глубоко верующий, ценящий дружбу и любящий страну, в которой он живёт. А особенно мне понравилось, что он не говорил об этом открыто, а как-то вскользь – через истории, через друзей, через отношение к окружающим его людям... И это уже не игра...

2016 г.

Сердечный доктор

Совсем недавно, просматривая новости на сайте Министерства обороны РФ, я обратила внимание на небольшую информационную заметку, в которой говорилось о награждении орденом Дружбы начальника Центра кардиохирургии третьего Центрального военного клинического госпиталя им. А.А. Вишневского доктора медицинских наук, профессора А.Н. Лищука. Обычно такие события освещаются с размахом, а тут – заметка в несколько строк... Мной овладело любопытство, и появилось желание побольше узнать об этом человеке... Так состоялось моё первое знакомство с Александром Николаевичем...

Войдя в кабинет, я увидела невысокого, моложавого, на первый взгляд совсем неприметного человека. «Это наш профессор Александр Николаевич», – представил его провожавший

меня по незнакомым госпитальным коридорам помощник начальника госпиталя. Профессор в ответ кивнул головой и, указав рукой на диван, продолжил прерванный нашим приходом разговор с посетителем. Из их беседы я поняла, что кто-то из родных собеседника Александра Николаевича нуждается в срочной операции. Профессор негромко объяснял ему необходимость операции, приводил свои аргументы, не проявляя при этом ни капли раздражения или нетерпения. И даже тембр его голоса оставался неизменным, словно речь шла о рядовой операции по удалению зуба, хотя я точно знала, что пришла на беседу с известным кардиохирургом.

Пока они разговаривали, я успела осмотреться. Кабинет, в который меня пригласили, оказался небольшой комнатой, в которой, кроме Александра Николаевича, находилось ещё несколько молодых врачей. Двое из них сидели за компьютерами и что-то печатали, остальные смотрели на стену, расположенную за мной. Повернув голову по направлению их взгляда, я увидела несколько размещённых в один ряд мониторов. На каждом из них, как мне потом объяснили, шла прямая трансляция операций, проходивших в это время в операционных, а на столе, между компьютерами, стоял микрофон, по которому профессор давал рекомендации оперирующим врачам. Сразу вспомнились свои операционные, и стало немного не по себе, но я не подала виду и, не отказавшись от предложенной чашечки зелёного чая, села напротив своего собеседника, который к этому времени уже освободился, и приготовилась его слушать.

Вначале Александр Николаевич совсем не был расположен к разговору: то и дело то к нему заходили, то от него выходили врачи, решая свои вопросы, прерывая своим приходом нашу ещё не начавшуюся беседу. И мне было очень неловко за то, что я отнимаю у него его расписанное по

минутам время. Он что-то объяснял им на своём, непонятном мне, врачебном языке, а затем с нескрываемой иронией обратился ко мне: « Интересно, что ты из всего этого обо мне напишешь?»

Его непривычное для меня «ты» почему-то совсем не обидело – наоборот, как-то сразу сделало его ближе.

«Ты не поверишь, – продолжил он, – я ведь в детстве страшно боялся крови, но, как видишь, стал врачом, и не просто врачом – хирургом. Что поделаешь, не мы выбираем свою судьбу, и она предопределена не нами. Наверное, так было кому-то нужно...»

Александр Николаевич Лищук, окончив Саратовский военно-медицинский факультет и став врачом в четвёртом поколении семьи Лищуков, попал по распределению в Забайкальский военный округ на должность начальника медицинского пункта танкового полка. Там же состоялось его боевое крещение: ему, тогда ещё 23-летнему молодому человеку, пришлось сделать свою первую операцию, и первым его пациентом стал раненный в драке парнишка. Рассказывая об этом случае, Александр Николаевич вспоминает, что «страха почти не было и помогла выдержка – руки послушно выполняли все необходимые ма-

нипуляции, вытаскивая из памяти всё, чему научили в институте».

Этот случай определил всю его дальнейшую судьбу. Поэтому, когда он поступил в Военно-медицинскую академию, тогда ещё Ленинградскую, сомнений с определением специализации даже не возникло – однозначно хирургия.

В 3-й Центральный военный клинический госпиталь им. Вишневского он попал в 1991 году на должность ординатора отделения сосудистой хирургии. И всё это время – подъём вверх по карьерной лестнице, даже поездки на стажировку в Институт сердца Сан-Франциско и Стэнфордский университет – это всё, по его словам, «были только этапы совершенствования мастерства, всё остальное – предназначение свыше...»

Смею не согласиться с профессором: данный Богом талант ещё не всё. Чтобы этот талант приносил пользу, необходимо иметь и силу воли, и упорство, и терпение, а самое главное – желание помогать людям. Всего этого у моего собеседника, по словам его коллег, в полном достатке.

Приводя примеры из своей хирургической практики, он постоянно повторял: «Ничего в этой жизни не происходит случайно. Я просто

выполняю отведённое мне предназначение. Всё, что я умею делать, дано мне не просто так, поэтому я не имею никакого права обмануть ожидания своих пациентов».

В подтверждение своих слов он рассказал случай, от которого мне стало как-то не по себе. Хотя я, дочь священника, привыкла к историям разного рода, но то, что я услышала, меня просто потрясло.

«До сих пор никак и ничем не могу объяснить себе, почему молодой, совершенно здоровый 33-летний мужчина, возвращаясь из спортзала, вдруг поскользнулся и, упав, разбил себе голову, получив травму, несовместимую с жизнью. А в это самое время в госпитале умирал человек, которому необходимо было срочно сделать пересадку сердца... Мы успели... И вот он уже два года живёт с чужим сердцем... И ещё две спасённые жизни: одному пересадили почки, а другому – печень. И всё от погибшего молодого человека, ничего, по сути, не успевшего сделать в этой жизни, но своей смертью спасшего совершенно посторонних ему людей. Как и чем это можно объяснить? Только одним – так было предопределено. Но не мной и не кем-либо из нас, врачей, – кем-то свыше. Я в этом просто уверен. Даже то, что ты сегодня здесь

задаёшь мне свои вопросы, не случайность, а закономерность. Значит, так должно быть...»

«Почему выбрал именно кардиохирургию? По этому случаю расскажу тебе одну притчу: «Однажды в храм зашёл мужчина и, глядя на расшитую золотом батюшкину рясу, спросил: «Как бы это мне вот так же хорошо устроиться?» На что батюшка ему ответил: «А ты пойди в подвал: там найдёшь всё, что захочешь». Спустился мужчина в подвал, а там кресты – один краше другого. Схватил он крест, усыпанный бриллиантами, и стал пытаться его поднять. Но никакие усилия не смогли крест сдвинуть с места. И тут он увидел крест из чистого золота. Обрадовался и ну давай пытаться вытащить золотой крест из подвала. Бился он, бился, но ничего у него не получилось – золотой крест только на немного сдвинулся с места. Тогда мужчина, увидев серебряный крест, как-то сумел взвалить его на себя и потащил вверх по лестнице, но лестница не выдержала и рухнула, а мужчина оказался придавленным серебряным крестом. И тут он увидел маленький оловянный крестик, потянулся за ним и каким-то образом выскользнул из-под серебряного креста. Встал, весь сгорбленный от ушибов, взял в руки свой крестик и вышел

из подвала к священнику. «Ну что, нашёл, что искал?» – спросил тот у мужчины. «Нашёл», – ответил он, показывая свой маленький крестик. «У каждого свой крест», – молвил ему батюшка. «Мой – в тяжёлых одеяниях, расшитых золотом, в денном и нощном молитвенном труде брать на душу все ваши грехи, а у тебя – свой крест. Бери его и иди с Богом».

Так вот, отвечая на твой вопрос, могу после сказанного выше только добавить: это и есть мой крест, и я его буду нести. До тех пор, пока у меня есть силы и возможность помогать людям, я буду возвращать их к полноценной жизни...»

Александр Николаевич много говорил о своей работе и почти ничего – о себе лично и о своей семье. И только один раз, вскользь, с сожалением заметил, что не может уделять им столько времени, сколько хотелось бы. И ещё об одном он говорил с нескрываемым сожалением в голосе, кода речь зашла о детях. Сожаление было в том, что только младший сын изъявил желание пойти по стопам отца.

Говоря о сыне, Александр Николаевич, сдержанный и совершенно спокойный во время всего нашего разговора, вдруг выпрямился, словно удобнее устраиваясь в кресле, и, выдержав паузу, с гордостью добавил: «Надеюсь, что наша врачебная династия продолжится...»

Заканчивая нашу беседу, я поинтересовалась, о чём может ещё мечтать такой человек, как он, на что профессор ответил: «Очень хочу, чтобы подольше жила моя мама и чтобы осуществилась моя мечта. Мы вместе с Александром Владимировичем Есиповым, нашим флагманом, хотим создать свой Центр трансплантации сердца. И это не мои амбиции – просто очень хочется иметь больше возможностей помогать людям...»

Прощаясь с Александром Николаевичем, я поймала себя на мысли, что этот неулыбчивый профессор так и останется для меня сердечным доктором, и даже не столько по сути, сколько по состоянию души...

2016 г.

Профессор Налётов: дорогами судьбы

«Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам – он совершенен».
Лев Толстой

Из рассказа друга и коллеги генерал-майора Илюхина Ивана Ивановича: «Это было во время службы на Дальнем Востоке. В один из весенних выходных дней офицеры полка выехали к реке на отдых. Дети играли у воды. И вдруг одна из льдин наползла на берег и, зацепив двухлетнего мальчика, утащила его под воду... Никто ничего не успел сообразить, а подполковник Налётов уже нырнул под льдину и вытащил ребёнка... А ещё – это уже в Москве – он вынес двух маленьких детей из горящей квартиры, случайно проходя мимо...»

Эти поступки говорят о нём больше, чем весь его послужной список.

Стоя в одном из многочисленных коридоров Военной академии Генерального штаба в ожидании профессора Василия Александровича Налётова, я пыталась представить его себе. Но все мои предположения оказались неверными. Навстречу шёл не очень высокий, подтянутый, моложавый, приветливо улыбающийся мужчина, совершенно непохожий на человека, которому скоро исполнится 70 лет.

Поздоровавшись и представившись, он неторопливо, часто останавливаясь, а порой и смущаясь, если речь шла о каких-то его достижениях, начал свой рассказ:

«Моя судьба похожа на сотни и даже тысячи судеб людей моего поколения. Год моего рождения попал на тяжёлые послевоенные годы.

В училище я был старше своих однокурсников, в некоторых вопросах опытнее: сказался рано накопленный трудовой опыт. Семья у нас была очень большой, девять детей, мама умерла рано, поэтому старшим пришлось идти работать. Я вместе с братьями работал в кузнецком цеху, был молотобойцем – в шестнадцать-то лет! А кувалда весила столько же, сколько мне было тогда лет...»

Это был его первый опыт работы в коллективе и первый заслуженно заработанный авторитет. Не к каждому в 16 лет обращаются по имени-отчеству.

Затем было Казанское высшее командное танковое училище, которое он окончил с золотой медалью.

Ему очень хотелось учиться, а служба в армии считалась тогда наиболее почётной, так и пришло решение стать военным. Будучи из простой рабочей семьи, он стал среди Налётовых первопроходцем на этом пути.

Помимо учёбы, он занимался спортом, что, по его словам, «помогало закалять характер». И как итог – кандидат в мастера спорта.

После окончания училища он попадает в Группу советских войск в Германии – в город Дрезден. Это был 1969 год. Тогда ещё лейтенанта, Василия Налётова город просто поразил своей красотой.

Там же, в 1970 году, на молодёжном фестивале, в котором принимали участие советские юноши и девушки, ему выпала честь быть факелоносцем. Он принял факельную эстафету с Вечным огнём от Могилы Неизвестного Солдата из рук первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельникова и, передвигаясь на боевой машине БРДМ-2 по дорогам Германии, доставил его в Дрезден.

За время службы в Германии Василий Александрович прошёл должности командира взвода, командира танковой роты, начальника штаба танкового батальона и командира танкового батальона. И это всего за пять лет службы! И, по мнению сослуживцев, у него были и лучший взвод, и лучшая рота, и лучший батальон. Хотя в то время для прибывающих в Группу советских войск в Германии было неписаное правило – на какую должность прибыл, с той же должности и убыл.

В это же время лейтенант Василий Налётов женился. Его женой стала девушка с красивым

именем Лидия. Они были из одного села и учились в одной школе. Лидия Михайловна была дочерью учителей, которые преподавали в этой же школе, и, как и её родители, стала учительницей. Она преподавала математику.

На ум сразу приходит поговорка и сегодня популярная в среде военных: «Педагог плюс офицер – лучший брак в СССР». И это сущая правда.

По окончании Военной академии бронетанковых войск майор Василий Налётов попросился на Дальний Восток.

За долгие десять лет службы было всякое: обстановка в том регионе была сложной, и поэтому служба была сопряжена с различного рода трудностями. Однако это не помешало ему быть, как всегда, в первых рядах.

По его мнению, ему «просто очень везло на хороших людей». Но здесь я смею не согласиться с Василием Александровичем, ведь окружение человека, на мой взгляд, зависит, в первую очередь, от отношения самого человека к окружающим. Ещё одна черта характера – умение вживаться в любой, даже самый сложный, коллектив.

Так было и во время учёбы в Военной академии Генерального штаба.

К слову, Василий Александрович был из так называемого золотого выпуска ВА ГШ: все его сокурсники, кроме одного, получили генеральские звания. Единственным, не получившим звание, оказался отец известного ныне певца Николая Баскова.

Среди бесконечных служебных обязанностей он никогда не забывал о своей семье, тогда уже пополненной сыном Александром и дочерью Еленой.

Сын пошёл по стопам отца – окончил военное училище и служил командиром мотострелкового взвода в Московском военном округе.

Сын...

Нет страшнее горя, чем хоронить своих детей.

Когда пришло известие из Чечни о гибели сына, генерал-майор Налётов не поверил и, оставив все свои служебные дела, бросился на его поиски.

Офицеры Управления информации МО РФ, отслеживающие его движение по Чечне, поражались его напористости и неутомимости в поисках сына.

Из воспоминаний Василия Александровича:

«Проехав очередной блокпост, по ошибке заехали в село, где родился Дудаев... Мы чуть не

попали в плен: нас уже окружили, но меня спас чеченец, сказав, что «это мой гость и я его в обиду не дам...»

Он нашёл... Но не сына, а место, где тот погиб...

От танка с экипажем, в составе которого был лейтенант Александр Налётов, остались только небольшие фрагменты...

Мама одного из погибших ребят привезла в простой пластиковой бутылке землю с того места, где погиб экипаж. Эту землю Василий Александрович положил под могильную плиту...

На территории храма Архангела Михаила в Тропарёве, где в своё время благословлял на бой войска Кутузов, с разрешения и по настоянию Патриарха Алексия была установлена мемориальная плита. На ней высечены слова: «Лейтенант Налётов Александр Васильевич погиб в Чечне в 1994 г.»

От невыносимой душевной боли спасала служба и маленький загородный домик, построенный своими руками, где можно было немного отвлечься...

После служебной командировки в Сирийскую Арабскую Республику в качестве советника начальника Военной академии Вооружённых сил

САР, где впервые было проявлено его педагогическое мастерство, началась преподавательская деятельность генерал-майора Налётова Василия Александровича в ВАГШ ВС РФ.

Здесь он проявил себя в меру строгим, принципиальным и, что самое главное, справедливо оценивающим знания, умения и профессиональные качества независимо от должностей и званий.

По мнению слушателей академии, «одна только фамилия «Налётов» вызывает дрожь», но в дополнение каждый из них говорит о его индивидуальном подходе в обучении и о том, что уважают именно таких преподавателей, как он.

Василий Александрович – один из немногих, кто нарушает устоявшееся в академии правило – не ставить плохих оценок. Казалось бы, всё верно, ведь в стенах академии учатся и генералы, стоящие на различных высоких должностях, и кандидаты наук, и офицеры с несколькими вузами за плечами. Однако профессор непреклонен – нет-нет да и поставит.

«Я знаю потенциал многих сегодняшних военачальников, и надо отдать должное: все они достойные люди, профессионалы своего дела. И поэтому самое важное для нас сегодня – гото-

вить таких же профессионалов. Не театралов и знатоков московских музеев, а офицеров-профессионалов в высшем понимании этого слова. И в академии для этого должны быть созданы все условия» (В.А. Налётов).

Неординарность, редкое мастерство, вера в свои силы, а не самоуверенность, незаурядный талант преподавателя подтверждают как его коллеги, так и все, кто имел честь быть учеником Профессора Налётова Василия Александровича...

Он и сегодня, в свои неполные 70 лет, принимает активное участие почти во всех видах соревнований. Но предпочтение отдаёт соревнованиям по стрельбе и игре на бильярде – и, как всегда, побеждает.

И всё же, отдавая большую часть своей жизни работе и своим подопечным, главной радостью Василий Александрович считает свою семью и, конечно же, любимого внука Серёжу – надежду и продолжение...

2016 г.

Человек на войне в произведениях поэтов военных лет

Сегодня мы живём в век рыночных отношений, и это накладывает свой отпечаток на наше восприятие мира. Но мы обязаны помнить, что на нас лежит ответственность за будущее поколение, и поэтому нам необходимо думать о духовной составляющей и нравственной стороне воспитания этого поколения. Однако это совсем не означает тормозить их развитие и тащить назад, в дремучее прошлое. Вовсе нет, просто нам необходимо научить их владеть нынешней ситуацией, чтобы они, сохранив чувство долга перед собой и обществом, сумели сохранить память о прошлом и продолжить преемственность поколений в масштабе исторических событий. А война и всё, что с ней связано, – важная составляющая этих событий.

Однажды Г. Товстоногов, рассказывая об одной из своих театральных постановок по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...», сказал: «Самое главное, на мой взгляд, что потрясает зрителя в этой трагической истории о войне, – это переживания людей больше не по поводу смерти героинь, а по поводу их несостоявшихся жизней... И это больше, чем просто историческое сопереживание...»

Вся гамма наивысших чувств человека, попавшего на войну, и как обязательная составляющая, испепеляющая ненависть к захватчикам прослеживаются во всей лирике военных лет.

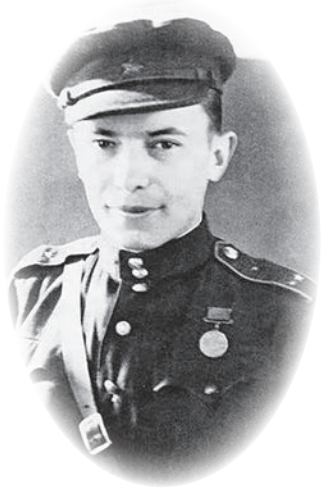
Даже сегодня, через многие десятилетия, невозможно спокойно читать строки, в которых застыли и горе утрат, и радость побед, и верная дружба, и вечно живая любовь.

Беспощадные, порой до предела оголённые слова, сложенные в стройные ряды, стали боевым оружием писателей, волею судьбы попавших на войну...

Уже 24 июня 1941 года первые добровольцы-писатели отправились на фронт. Среди них были А. Твардовский, Б. Горбатов, Е. Долматовский, К. Симонов.

Всего в годы войны на фронтах находились 943 писателя, из числа которых 225 остались на полях сражений.

Руки просят обнять
Ещё сирот своих ненаглядных,
Но уже не подняться, не встать
Им из братской могилы прохладной...



А. Кулешов

Так увидел смерть на войне белорусский поэт Аркадий Кулешов.

А вот В. Лебедев-Кумач в первый же день войны написал стихотворение «Священная война» – стихотворение-призыв эмоционального подъёма такой мощи, что и сегодня эти строки нельзя слушать спокойно.

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!

В. Лебедев-Кумач

Это стихотворение, опубликованное на второй день войны одновременно в «Известиях» и

«Красной звезде» и ставшее впоследствии гимном Великой Отечественной войны (музыку к нему написал композитор А. Александров), было не просто песней – это «сама война, соединившая в едином могучем порыве в один большой кулак всю страну».

Ещё один из ярких примеров – это стихотворение, слова которого помнит каждый ветеран: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началася война...» Написанное Борисом Ковыневым и положенное на музыку неизвестным автором, оно стало очень близким и любимым для всех в виде песни. Её пели и в минуты горького застолья, провожая ребят на войну, и бойцы во время недолгих перерывов между боями.

В этой же связи невозможно не вспомнить ещё один своеобразный гимн Великой Отечественной войны, потрясший всех своей простотой и созвучный переживаниям каждого бойца, – это «Жди меня» К. Симонова. Это гимн иного смысла – гимн вечной любви, веры и надежды, который на самом деле действовал исцеляюще на каждого, кто хотя бы раз его услышал.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой...
Просто ты умела ждать,
Как никто другой...

К. Симонов

Один из эпизодов, связанный с этим стихотворением, вспоминает певица Елена Вишневская: «...Под Ольденбургом волею судьбы собрались пленные: французы, поляки, нем-

цы... Решили устроить для них концерт... Хотела запеть – голос не слушался, тогда я начала читать «Жди меня». Все напряжённо слушали, не все слова понимали, но слёзы текли по их лицам. Плакали даже мужчины. Посвящённое одной женщине, оно стало поддержкой для всех...»

И, как отклик на «Жди меня», стихотворение «Тёмная ночь» В. Агатова: «Ты меня ждёшь и у детской кроватки не спишь, и поэтому знаю: со мной ничего не случится...» – стало впоследствии также любимой многими фронтовиками песней.

В продолжение темы стихов, ставших известными песнями военной поры, вспоминается ответ на вопрос о любимой песне тех лет Элины Быстрицкой: «Я же фронтовичка – все песни о войне мне очень дороги. Но помню впечатление, когда впервые услышала «Случайный вальс». Это был 1943 год. Мне шёл 15-й год всего, но подростком я уже работала в Донецком военном госпитале... Однажды к нам приехала концертная бригада... Запел высокий черноволосый мужчина в офицерской форме... И вокруг возникла удивительная, волшебная атмосфера...»

Ночь коротка, спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая Ваша рука...

Е. Долматовский

Слова Е. Долматовского, переложенные на музыку М. Фрадкина, волнуют и сегодня, наполняя сердце теплотой и нежностью.

Украинский поэт Кость Герасименко, в отличие от вышеперечисленных авторов, считал, что «фронтовые будни суровы – нежность... некогда думать о ней...»

А туркменский поэт Ата Ниязов соединяет в своих стихах и суровый боевой настрой, и нежность к своей подруге:

...Не жалея сил, в битве бурей будь...
Ты ж, подруга, жди, я приду, вернусь.

А сколько создано стихов, описывающих страшную участь детей на войне. Взять хотя бы несколько простых строк, написанных тогда ещё школьницей Ю. Друниной о сверстницах. Из этой пары фраз становится понятно, насколько сурова война, не щадившая даже маленьких девочек, которые ничего не успели познать в этой жизни:

...Отбросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж...

Ю. Друнина

Ещё один пример того, что пришлось пережить детям на войне:

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Год жизни за один военный день – насколько яркий и понятный образ создал К. Симонов!

И, конечно же, образ матери на войне. В стихотворении армянского поэта Гегама Сарьяна это мать, потерявшая своего маленького сына:

Непримиримо мстит
Скорбная мать врагу.
Сердце её лежит
Там, далеко, в снегу...

Полная опасности жизнь писателей в качестве военных корреспондентов позволяла им находиться в самой гуще боевых действий, давала богатейший материал для творчества и возможность отправлять вместе с репортажами с мест военных событий свои произведения. И главное – что их печатали, так как на то время ка-

ждое поддерживающее и вдохновляющее слово имело крайне важное значение, а газета являлась чуть ли не единственным информационным проводником. Илья Эренбург писал: «В дни войны газета – воздух. Люди раскрывают её прежде, чем раскрыть письмо от близкого друга...» Стихи же, напечатанные во фронтовых газетах, для солдат порой значили больше, чем даже самая важная информационная сводка, ведь в каждом из них боец видел себя и своих близких, и, как следствие, приходило иное восприятие войны.

В одной из таких фронтовых газет были напечатаны строки Сергея Гудзенко: «Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели...». Они написаны с правдивой жёсткостью человека, повидавшего все ужасы войны, и тем самым до боли близки простому солдату.

Сергей Наровчатов в 1941 году с такой глубокой болью описывает ужасы, постигшие мирное население в первые дни войны, что и сегодня ни один читатель не остаётся равнодушным:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сёл, казнённых городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях...

С. Наровчатов

В том же 1941 году белорусский поэт Павел Коган написал: «Есть в наших днях такая точность...» К сожалению, он о многом не успел написать: его жизнь оборвалась под Новороссийском 23 сентября 1942 года во время одной из операций по поиску разведчиков.

Нельзя не вспомнить стихотворение Веры Инбер «Пулковский меридиан», написанное в блокадном Ленинграде, содержание которого не нуждается в комментариях:

На мне перчатки, валенки, две шубы
(Одна в ногах). На голове платок;
Я из него устроила щиток,
Укрыла подбородок, нос и губы,
Зарылась в одеяло, как в сугроб.
Тепло. Отлично. Только стынет лоб.
Лежу и думаю. О чём? О хлебе.
О корочке, обсыпанной мукой...

В. Инбер

Великое человеколюбие защищавших свою Родину, любовь к ней, полная самоотдача – вот образ солдата на войне, запечатлённый во многих стихотворных произведениях.

Это пронзительные стихи и известного волжанина Сергея Орлова, и татарского поэта Мусы Джалиля, и армянского поэта Татула Гуряна и ещё огромное множество стихов:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград...

С. Орлов

С. Орлов

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою,
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою...

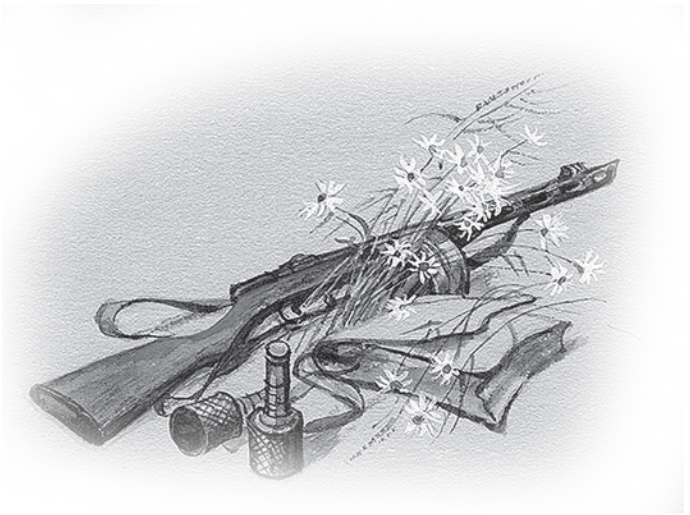
М. Джалиль

М. Джалиль

...Они дрались за Родину и пали,
Чтоб Родина любимая жила...

Т. Гурян

Заслуга поэтов военной поры огромна, ведь они со всей искренностью и сердечностью выразили и помогли нам через свои стихи прочувствовать все тяготы войны, пережи-



тые не только солдатами, но и всеми, кого она хоть как-то коснулась.

Здесь уделено внимание как советским поэтам, известным широкой аудитории, так и поэтам народов России, менее известным, но от этого не менее талантливым. Конечно, рассказать обо всех образах человека на войне, созданных поэтами военных лет, нет возможности. Но одно нам надо признать: мы, ныне живущее поколение, и все наши потомки виновны перед ветеранами и перед памятью погибших на этой страшной войне. Мы стали забы-

вать, через что пришлось пройти этим людям и какой ценой была достигнута Победа.

Но есть и другая сторона медали: нам никогда не понять тех, кто сегодня пытается у нас эту Победу отнять.

Многие исследователи называют поэзию военных лет «стихами, опалёнными войной», с чем трудно не согласиться. И ещё один кажущийся парадокс: произведения, написанные в страшные сороковые, у многих стали лучшими из всего, что было создано до и после войны.

2014 г.

Наша «Журавушка»

Для меня всегда большая проблема найти и пригласить гостя для участия в своей гостиной. Оно и понятно – каждому хочется заработать. И когда я встречаю актёра (актрису), согласившегося выступить у нас без какого-либо вознаграждения, я с ещё большим уважением

отношусь к нему (ней). Народная артистка СССР Людмила Алексеевна Чурсина, ставшая гостьей нашей очередной творческой гостиной «У Вишневского», из их числа.

Встречая её у центрального входа в 3-й ЦВКГ им. А.А. Вишневского, где по традиции проходят творческие встречи, я очень волновалась, ведь это сама Чурсина – актриса, на фильмы с участием которой я и мои сверстники ходили толпами, и немудрено, ведь для нас, тогдашних мальчиков и девочек, она была воплощением красоты и женственности. Её игра просто завораживала. Я хорошо помню фильм «Журавушка». Когда я, тогда ещё совсем девочка, смотрела этот фильм, я не могла сдержать слёз!

Первое рукопожатие немного холодной, но мягкой и изящной руки стало началом нашего знакомства. Мы вошли с ней в гримёрку и, уютно устроившись в креслах, за чашечкой кофе разговорились. Из нашей беседы я узнала о Людмиле Алексеевне много интересного, но обо всём по порядку...

Думаю, не надо объяснять, насколько тяжело было матери с новорождённой девочкой Людой на руках, которая появилась на свет в страшное время первого месяца Великой Отечественной

войны. И совершенно понятно, что детство Людмилы – с нехваткой еды, игрушек и всего того, что имеют современные дети, – было далеко не радужным.

Отец Людмилы Алексеевны был военным, а мама – медицинским работником, поэтому она с родителями объездила почти весь тогда ещё Советский Союз и не понаслышке знает, что такое жизнь офицерской семьи.

Я узнала, что Людмила Алексеевна в школьные годы по счастливой случайности, как и автор очерка, любила математику и физику. И этот факт для меня многое объяснил.

Например, её точность и пунктуальность, свойственные не всем творческим людям, её строгое отношение к правильному произношению и многое другое, что я смогла за небольшое время нашего общения отметить в характере нашей гостьи.

Представляя её зрителям, немного рассказала о её творчестве. О том, что первая её роль в фильме «Когда деревья были большими» была ещё в студенческие годы. Затем была неподражаемо сыгранная ею роль казачки Дарьи в фильме «Донская повесть», после показа которого она, как говорят в таких случаях, «утром проснулась

знаменитой». А за роль в фильме «Журавушка» Людмила Алексеевна получила Государственную премию РСФСР и Гран-при Международного кинофестиваля в Сан-Себастьяне, которую ей вручила сама Одри Хепберн, а также приглашение сниматься в Голливуде. Она не приняла этого предложения, хотя, конечно же, тогдашнее руководство кинематографии даже мысли не допускало, чтобы отпустить такую талантливую актрису. И правильно сделало, ведь Людмила Алексеевна сыграла ещё не один десяток прекрасных ролей, чем обогатила наше родное отечественное кино.

Однако ей был интересен и театр. Немногим более десяти лет она играла на сцене Академического театра им. А.С. Пушкина, а затем была приглашена в Центральный академический театр Советской Армии, где и сегодня с успехом выходит на театральные подмостки и более 30 лет радует зрителей театра, уже Российской Армии, своей неповторимой игрой.

Когда она начала своё выступление, зал замер, вслушиваясь в каждое её слово. Она читала стихи, рассказывала о своих коллегах, с которыми её сводила судьба, и, украдкой смахивая слезу, вспоминала и тех, кого уже сегодня нет, рассказы-

вала о забавных событиях из своей жизни. Например, рассказала, как хрупкая Одри Хепберн, вручая ей Гран-при, который имел вид серебряной волны (конечно же, из чистого серебра), уронила его, и он уткнулся острой частью гребня волны в пол, и как они, две хрупкие девушки, пытались её оттуда извлечь. Мужчины всё же пришли к ним на помощь, но потом, «в меру насытившись зрелищем, которое увидишь не каждый день». Затем немного побалагурила, даже рассказала пару анекдотов, разрядив этим обстановку и «расшевелив» притихших зрителей.

Я с удовольствием наблюдала за выступлением актрисы и за тем, как на её выступление реагирует зал.

Многие зрители, сидящие в зале, заворожённо следили за каждым её жестом, старались не пропустить ни одного её слова. В их глазах читался неподдельный интерес и восторг. Конечно, ведь в госпитале находятся на лечении военнослужащие и члены их семей, несущие службу по всей территории России, и для многих из них, не избалованных столичными знаменитостями, увидеть «вживую» Людмилу Чурсину, да ещё которая сама пришла к ним в гости, – это невероятное счастье. А после того, как на экране один

за другим стали появляться кадры из «Донской повести», «Журавушки», «Олеси», «Угрюм-реки» и других фильмов с участием Людмилы Алексеевны, которые она, сидя на краешке кресла и успев незаметно для всех переодеться, комментировала, попутно рассказывая о тех актёрах, которые с ней снимались в этих фильмах, зал наконец-то взорвался от аплодисментов.

В конце выступления Людмила Алексеевна отвечала на вопросы зрителей, которых было очень много. Зрителей интересовало всё – и её роли сегодня в кино и в театре, и её личная жизнь, и, конечно же, её планы на будущее.

Она отвечала очень обстоятельно, боясь обидеть кого-то невниманием или кратким ответом, и было видно, что ей приятен этот живой и неподдельный интерес зрителей к ней самой и к её творчеству. А на вопрос одного из зрителей по поводу настоящей причины отказа сниматься в Голливуде, сказала: «Где родился – там сгодился».

Встреча получилась тёплой и душевной. Зрители долго не расходились – цветы, фотографии с актрисой, автографы – и всё это сопровождалось улыбками и добрыми пожеланиями в адрес Людмилы Алексеевны.

И только один эпизод из жизни актрисы, рассказанный ею уже в более узком кругу, меня, казалось бы, столько пережившей и повидавшей в этой жизни, поверг в отчаяние. Я услышала о том, что однажды, встречая министра, который прибыл в театр Российской Армии со своими помощниками, Людмила Алексеевна, как председатель профсоюза, передала ему письмо с изложенными в нём проблемными вопросами о жизни актёров, которые, служа театру верой и правдой долгие годы, получают за это сущие гроши, которых едва хватает, чтобы свести концы с концами, хотя в других московских театрах положение совсем иное. Куда исчезло это письмо, она не знает, но ответ на него ждёт до сих пор...

Провожая Людмилу Алексеевну, я смотрела ей вслед и думала: «Как жаль, что таких великих актёров, как она, наше достояние и нашу гордость, незаслуженно забывают, но только не зрители, которым они по-прежнему дороги, а те, кто обязан заботиться о них, ведь это, как сказала Людмила Алексеевна, «актёры, ставшие свидетелями нескольких уходящих эпох», а значит – это часть нашей истории...»

И в завершение, чтобы не заканчивать свой маленький «опус» на столь грустной ноте, добав-

лю, что я и сегодня преклоняюсь перед талантом, элегантностью и женственностью великолепной актрисы Людмилы Чурсиной. И, пользуясь возможностью, хочу пожелать ей «госпожи Удачи», «его величества Случая», счастья и, конечно же, здоровья.

2016 г.

Огонь и вода

После представления своих очередных гостей, приглашённых в творческую гостиную «У Вишневского», я вместе со зрителями наслаждалась действами, происходящими на сцене.

Первый раз, когда я услышала пение Анны Власовой-Русской, одной из сегодняшних гостей, которую многие называют «наша будущая русская Селин Дион», была поражена не только её голосом, но и манерой исполнения. Впечатление было такое, словно она проживала каждую песню, пропуская всё, о чём она поёт, через своё мироощущение. И только потом, узнав, что многие из исполненных песен написаны ей самой, поняла, что так и должно быть. Но ещё сложнее было понять, чем так привлекает к себе её самобытный талант, и откуда она черпает свои силы, но потом, слушая её простой и очень откровенный рассказ о себе, всё стало совершенно понятно.

«Мне повезло, что я родилась на Алтае – это место силы. Мои родители научили меня любить родную землю, быть искренней и честной в отношениях с другими и любить свою Родину. И я её действительно люблю и болею за неё всей душой и стараюсь сделать для её блага и процветания всё, что от меня зависит».

Анна окончила Московский институт современного искусства, является студенткой Щукинского театрального института, продолжает совершенствовать свои вокальные способности у лучших московских педагогов и писать песни.

«В песне для меня важны слова, безусловно, важна и музыка, но даже если написана хорошая музыка, а текст песни «пустой», то я такую песню исполнять не буду».

Степан Мезенцев – ещё один гость нашей творческой гостиной, исполнитель иного рода. Он – блестящий скрипач-импровизатор, владеющий феерической техникой игры на скрипке.

Когда он начал играть, зал от неожиданности сначала замер, а затем поприветствовал музыканта бурными аплодисментами и криками «браво», что для нашего учреждения было не совсем обычно, так как зрители, сидящие в зале, – это в большей степени врачи и медсёстры, которые по понятным причинам привыкли сдерживать свои эмоции.

И не удивительно. Степан начал играть на скрипке в 5 лет, после школы было Барнаульское музыкальное училище, затем Новосибирская консерватория. Он является участником и победителем стольких конкурсов, передач, не говоря уже о гастрольных турах, в том числе и зарубежных, что перечислить их в столь маленьком формате текста нет возможности. Назову только некоторые из них. Степан – лауреат конкурса ар-

тистов эстрады «Москва – Ялта – Транзит» 2006 года, гранд-чемпион среди инструменталистов и обладатель трёх золотых медалей (Голливуд, 2013 г.), а также многократный участник популярных телепрограмм «Смеяться разрешается» и «Жизнь прекрасна».

«Юное дарование», «Паганини из Сибири», «Наш ответ Ванессе Мэй», «Танцующий скрипач» – как только не называли Степана Мезенцева в прессе, однако то, что ко всем своим титулярным составляющим и к тому, что пишут о нём в прессе, он относится с долей иронии, вызвало у меня уважение.

«Я обычный музыкант, просто я живу музыкой, пишу её для себя и стараюсь не разочаровывать своих зрителей».

И судя по тому, как его встречал зрительный зал, делает он это великолепно.

Удивительно, насколько богата сибирская земля талантами. Наши сегодняшние гости в очередной раз подтвердили эту истину. Они с особой теплотой говорили о своих земляках – Михаиле Евдокимове, которого, к сожалению, с нами уже нет, и Александре Михайлове, как мы помним, тоже бывшего у нас в гостях. Они связаны между собой не только творческими уза-

ми – Степан ещё и крёстный отец внука Михаила Евдокимова. Вот это и есть сила Алтайской земли, о которой ранее говорила Анна. И в подтверждение своих слов она, прощаясь, спела песню Михаила Евдокимова «Домик у дороги», которую подхватили участники и зрители творческой гостиной.

Встреча получилась очень насыщенной и в то же время душевной. Мы в полной мере насладились и яркими образами, созданными песнями Анны Власовой-Русской, и виртуозной игрой талантливого скрипача-импровизатора Степана Мезенцева.

Представляя их в начале встречи, я сравнила этих разных по накалу и темпераменту исполнителей с двумя противоположными стихиями: Анну – с водой, которая из тихо журчащего ручья перетекает в бурную реку, а Степана – со столпом огня, завораживающего своей мощью и силой. И, судя по реакции зрителей, я не ошиблась...

2016 г.

Необычный собеседник

У самой двери кабинета врача-остеопата Георгия Альбертовича Киселева, к которому шла на беседу, я столкнулась с Юрием Николаевичем Балуевским. Я не раз брала у него комментарии

по разным поводам и здесь не удержалась и спросила: «Ну, как вам наш доктор?»

«Так распорядилась судьба, что в этом году я с мая по август пролежал в госпитале, причём «разобранный на части», а он меня поставил на ноги. У него мощнейшая энергетика. А его умение, настойчивость и теплота души поставили меня на ноги, и он заставил меня поверить в то, что жизнь продолжается. Это уникальный человек, и дай Бог ему здоровья».

Он говорил это с таким придыханием, что я, зная его волевой характер, сразу поняла, что за этой дверью меня ожидает необычный собеседник.

«Мой отец был урологом, и я каждый раз, видя, как он мучается от боли в спине после очередного стояния за операционным столом, испытывал такую к нему жалость, что мне очень хотелось ему помочь. И вот я, своими неокрепшими руками, в двенадцать-то лет, сколько той силы, растирал ему спину до пота, и ему, как мне тогда казалось, становилось легче. Вот тогда у меня впервые и появилось желание помогать людям и именно своими руками...»

Родившись в Москве, всю, как говорят, «сознательную жизнь» Георгий Альбертович про-

жил в суровом Архангельске, где и окончил медицинский институт.

Но его желание «помогать людям своими руками» было ещё не совсем определено – по какому именно направлению. Он колебался. Ему была близка хирургия – всё же отец был хирургом, но больше привлекала работа мануального терапевта.

Георгий Альбертович долгое время проработал ассистентом в хирургическом отделении.

Он с гордостью рассказывал о великих хирургах, с которыми его столкнула судьба в далёком, но столь любимом им городе Архангельске. А когда он заговорил о старых корпусах областной больницы, в которой оперировал сам Святитель Лука, и что ему посчастливилось видеть хирургов, которым, в свою очередь, выпало счастье видеть Святителя, я даже немножко позавидовала, что судьба подарила ему столь редкую возможность, как выразился мой собеседник, «опосредованно прикоснуться к такой великой части истории».

После окончания института Георгий Альбертович пошёл в интернатуру по неврологии, так и не став хирургом.

«Моя невозможность физически выдерживать часовые операции, затем дежурить, а если

есть в том необходимость, снова оперировать, помешала мне стать настоящим хирургом, но зато уже было официально разрешено заниматься мануальной терапией, и я сделал свой выбор в её пользу. Но чтобы заниматься этим, должна была быть специализация либо невролога, либо травматолога-ортопеда, или педиатра. Я выбрал неврологию. И долгое время практиковал по неврологии».

Еще в интернатуре он попал на выездные лекции профессора Якова Юрьевича Попелянского, который читал им курс по «мягкой мануальной терапии». Эти лекции, о которых Георгий Альбертович рассказывал с неподдельным восторгом, помогли доктору сделать свой выбор.

«Мне повезло – меня жизнь сводила с замечательными людьми, которые играли в моей судьбе определённые роли. Одним из них стал малоизвестный в сегодняшнем понимании человек. Это Великий Старец, свидетельства святой жизни которого непременно будут когда-нибудь написаны, игумен Елиазар. Для меня он был не только духовным отцом, но и отцом по воспитанию. Я многим ему обязан, вернее всем. Я и есть плод его воспитания, хотя открытых наставлений с его стороны никогда не было, но я всегда

чувствовал его направляющую руку. А о самом важном он мог сказать в двух словах, и всё становилось понятно. И если он о чём нас предупреждал – это всегда происходило. Вот такой силы был этот Святой Старец».

Вспоминая страшные 90-е, когда, работая в неврологии, где каждый день приходилось сталкиваться с результатом того, что происходило в то время в стране, он с благодарностью отзывается о своём духовном наставнике. «На мой взгляд, он тогда оберегал нас от той грязи и того хаоса, который был вокруг нас, – не физически, а своими молитвами».

«Так сложилось, что я, глядя на весь этот хаос и уже осознанно понимая, от чего нас спас отец Елиазар, однажды пришёл к нему и сказал, что хочу стать священником. «Ладно, – ответил он мне. – Для начала помогай нам потрудиться». Мы работали на Соловецком подворье в Архангельске, которое находилось в полуразрушенном состоянии. Оно долгое время принадлежало милиции, и состояние подворья было ужасающим. И мы после работы занимались его восстановлением».

Отец Елиазар молча понаблюдал за своим подопечным, затем также молча передал ему

в руки рекомендательное письмо, написанное настоятелю Московской духовной семинарии, которая находится в стенах Троице-Сергиевой лавры, куда Георгий Альбертович с успехом поступил, а по окончании её был рукоположен в диаконы. Это случилось 4 октября 1998 года. И так совпало, что в этот же день преставился его второй духовный отец, обретённый в стенах семинарии, – это архимандрит Георгий Тертышкин, поэтому дата окончания семинарии навсегда осталась в его памяти.

Но несмотря на все его стремления к духовной жизни, «служителем церкви» он так и не стал, так как «тяготение к врачеванию перевесило чашу весов».

Переехав в Москву, Георгий Альбертович практиковал в различных клиниках, а когда узнал, что в одном из военных госпиталей формируется Центр традиционной медицины, приложил все усилия, чтобы попасть работать в этот центр.

Попав в среду военных врачей, он почувствовал себя очень комфортно, ведь он «по духу человек дисциплины», и среда военных врачей ему была близка, несмотря на то, что он сугубо гражданский человек.

С того времени прошло 16 лет.

Когда мы разговаривали, в кабинет тихонько зашла и вышла молодая женщина, а ребёнок, который был с ней, остался. Моему собеседнику не нужно было ничего объяснять, ведь по тому, как прижался к нему малыш, стало понятно, что это его сын.

«Моё хобби и лучшее увлечение – это занятия с сыном, – сказал Георгий Альбертович, прижимая его к себе. И, улыбнувшись, добавил: – Хотя некоторые называют меня его дедушкой».

Нашу беседу на время прервал приход маленькой пациентки, и я была этому факту очень удивлена, но доктор, заметив моё удивление, сказал: «Настоящий остеопат, в хорошем смысле, универсален. Он должен работать с пациентами всех возрастов, делать всё и, самое главное, делать это хорошо».

«Не осуждаю, но рассуждаю, – сказал Георгий Альбертович, проводив свою маленькую «гостью». – Наш госпиталь – это крохотная часть государства, и всё, что происходит в нём, происходит и у нас. Не хватает денег. Да. Но такая же ситуация и в школах, и в садиках... Главное, что в нашем госпитале есть камень, некое основание, на котором всё зиждется, – это врачебные

традиции, которые передаются по наследству молодым врачам, и далее идёт наращивание опыта, что очень важно. Большой плюс, что мы потихоньку открываем себе путь к православию, пусть медленно, с ошибками, но открываем... Есть и минусы, но в них никоим образом нельзя кого-то одного обвинять. Мы все в них виноваты. Просто каждый на своём месте должен хорошо делать своё дело, ведь ключевое слово в предназначении нашей профессии, как и священнослужителя, как и учителя, как и военного – это «служение»...»

Слушая рассказ доктора, я подумала, что Святитель Лука, «направляя» всю дорогу этого человека, не зря «привёл» его сюда, в место, где возведён храм и поставлен памятник Святителю Луке, где его чтят и помнят, – и в этом есть некое предопределение...

2016 г.

Наперекор судьбе

Войдя в кабинет к старшей медсестре Центра традиционной медицины Светлане Анатольевне Литвиновой, я застала её разговаривающей по телефону. Услышав ответ, по всей видимости, на вопрос: «Как дела?», который звучал так: «Лучше всех, только никто не завидует», – сразу поняла, что у моей собеседницы с юмором всё в полном порядке.

«Я работаю здесь с 1991 года, – начала свой рассказ Светлана Анатольевна. – Никаких предпосылок стать медсестрой не было, ведь у меня ни в ближнем, ни в дальнем окружении

никого из медицинских работников не было. Но после смерти папы я понимала, что мы с братом будем для мамы тяжёлой обузой. И я решила пойти учиться. Выбрала то, что было поближе к дому: Елецкое железнодорожное медицинское училище. Окончив его в 1987 году, по распределению попала на Дальний Восток – Чита, Биробиджан. Это всё, что можно было тогда выбрать из ближайших городов. Мне, родившейся в Липецкой области, почти в центре России, попасть на Дальний Восток... Было немного жутковато, но потом я привыкла, и мне даже там очень понравилось. Напрягала только дальняя дорога – четверо с половиной суток только в одну сторону да столько же – в другую... И отпуска практически нет. Помучилась я так, а потом плюнула на всё и сказала себе – денег никогда не будет, и стала летать самолётом. Зато отпуск сразу стал отпуском, а не сплошной дорогой».

Так прошли долгих четыре года. Светлана успела окончить курсы анестезиологов и уже вовсю принимала участие в операциях. И вот однажды, стоя у операционного стола, её вдруг срочно попросили к телефону. Когда она выскочила из операционной, ожидая самого худшего,

ведь просто так из операционной не вызывают к телефону... На том конце провода строгий мужской голос произнёс: «Светлана Анатольевна, вас призывают в военкомат для прохождения службы по месту назначения». Не понимая, что происходит, Светлана Анатольевна, конечно же, подчинилась.

«И с тех пор я здесь. Это потом я узнала, что это родственники, устав от моего мотания и моей неустроенности, сделали всё возможное и, я думаю, невозможное, чтобы перевести меня сюда».

Долгое время Светлана Анатольевна работала в урологии – на перевязках.

Объясняя мне, почему именно в урологии, улыбнувшись, сказала: «Никто не хотел идти, а я пошла. Кому-то же надо было это делать».

Так сложились жизненные обстоятельства, что Светлане Анатольевне через некоторое время пришлось перевестись на «менее сложный участок работы» – в Центр традиционной медицины.

«Однажды я, вызвав такси, поехала в Нахабино проведать тётушку, но до места так и не доехала. Очнулась в больнице, в реанимации. Как потом выяснилось, такси столкнулось со

встречной машиной... Придя в себя, я сразу же сообщила в свой госпиталь, и меня буквально на следующий день забрали к себе наши нейрохирурги. И только благодаря им и нашей реанимации я сижу перед вами, а так, даже не знаю, что бы со мной было. Они вытаскивали меня полгода, потом была ещё не одна операция, чтобы полностью встать в строй и жить полноценной жизнью».

Но «полноценной» жизни, в полном смысле этого слова, у Светланы Анатольевны так и не получилось, ведь врачи в один голос сказали, что она не сможет иметь детей. А Светлане в ту пору было двадцать с небольшим лет. Услышать такой приговор – это страшный удар для любой женщины. Но Светлана всегда была оптимисткой. Она сказала просто: «Поживём – увидим, может, Боженька сжалится надо мной, не зря же он послал мне такое испытание». И она дождалась. Светлане Анатольевне в ту пору исполнилось 30 лет.

Известие о её беременности поразило всех её лечащих врачей. И снова все, как один, сказали: «Тебе нельзя рожать. Категорически!»

Но Светлана, как всегда, не послушалась и сделала по-своему.

И сейчас, наперекор судьбе, она всегда улыбается, помогает больным, поддерживает их шуткой, острым словцом, а иногда и строгим окриком, но на неё никто не обижается. Её уважают коллеги и пациенты, понимают, что работа – это её жизнь.

Но я, слушая Светлану, уловила одно, что самое главное счастье в её жизни – это красавица-дочка, ведь когда она рассказывала о ней, глаза её просто светились от счастья...

2016 г.

Слёзы умиления актёра Мартынова

Войдя в палату к народному артисту Российской Федерации Андрею Леонидовичу Мартынову, который в это время находился на излечении в 3-м ЦВКГ им. А.А. Вишневского, я попросила его, в канун Нового года, сказать несколько добрых слов и пожеланий в адрес нашего медицинского персонала. Но, к огромной радости, у нас получилась целая литературная

зарисовка, которая, как и мне, поможет читателям увидеть известного актёра совсем с иной стороны – душевным, до слёз трогательным и очень ранимым.

«Добрых слов я могу сказать очень много. Я был здесь и весной, и потом ещё несколько раз. И я хочу выразить своё доброе отношение ко всему медицинскому персоналу. И, конечно же, я понимаю, что это военное учреждение, а военные врачи – это люди, я бы сказал, особой закалки. Они были в разных местах, различной сложности ситуациях. Здесь они спасают людей, иногда в самых критических условиях. И я вижу здесь не только ветеранов, но и простых солдат, обыкновенных рядовых солдат с тяжёлыми случаями... Здесь и жёны, и вдовы ветеранов, и очень много офицеров, с которыми я познакомился. Кто из Читы, кто из Камчатки, со всех концов страны – всё же Центральный госпиталь. И что меня больше всего поразило, что здесь удивительная какая-то, очень глубокая, кроме профессиональной помощи, духовная атмосфера. Я как раз попал вначале мая и, зайдя в центральный вестибюль, увидел громадную выставку. Редкий музей может позволить себе такое. Смотрел на это с таким упоением, несмотря на то, что мне в те дни было очень тяжело. Но всё

же я смотрел на то, что они сделали, и был поражён... Было настоящее представление, словно на театральной сцене: здесь тебе и фильмы о войне, и документальные кадры, и афиши 43-го года на огромных круглых тумбах. Совсем рядом Козловский с Краснознамённым ансамблем песни и пляски, где-то в Доме офицеров Марецкая, а тут Клавдия Ивановна Шульженко и так далее, и так далее. Это для меня было счастье... Просто счастье... И это говорит о том, что руководство занимается такими объёмными вещами: и профессиональной деятельностью, ведь в первую очередь это учреждение здравоохранения, и в то же время заботятся о духовности. Во дворе, прямо у входа, стоит церковь Святого Луки. Я и не знал этого святого врача, но мне Александр Владимирович Есипов рассказал всё: и историю создания церкви, которая строилась здесь несколько лет, и о самом святом враче, великом духовном человеке, ещё и представителе высокого духовенства – он же был епископом. Он же и Сталинскую премию получил. Это в те-то времена, представьте себе, через что прошёл этот врач, ставший впоследствии Святым! И потом я был свидетелем, когда уже готовили открытие бюста, такого прекрасно сделанного памятника.

А сейчас вижу: ещё и памятник медсестричке открыли. Это же просто роскошь!

И поэтому хочется сказать добрые слова всему персоналу, всем тем, кто о нас заботится. Что такое госпиталь? Это тысячи, сотни тысяч людей, проходящих через него. А это значит, что нужно всех встретить, накормить, напоить, помыть, поменять одежду, осмотреть, подобрать и выписать каждому медикаменты, а самое главное – излечить каждого. Чтобы создать хотя бы сносные, не говоря уже, как здесь, достойные условия жизни – это ведь работа целой громадной «фабрики здоровья» или даже «комбината», в котором работает огромное количество людей. Сюда относятся все, начиная с тех, кто следит за чистотой и порядком, заканчивая самыми высокими чинами, которые одновременно являются и военными, и практикующими врачами, и хирургами, да ещё умудряются руководить этим огромным «комбинатом здоровья». Я спросил у Александра Владимировича: «Зачем Вы занимаетесь ещё и лечением, оперируете, зачем вам это нужно – у Вас и так забот хватает». На что он мне ответил: «Я всё время должен оперировать, чтобы у меня руки и голова работали». И я сопоставил это с искусством. И верно, ведь это то же самое, как пианист – он не может долго не

играть, он просто потеряет свои навыки. То же самое скрипач, музыкант, да и художник не может не писать свои картины... Я его понимаю... Но при той громадной нагрузке по решению всех вопросов – всех-всех... Не представляю... И несмотря на то, что у него прекрасно подобрана команда – и заведующие отделениями, и тыловые службы, и все прочие службы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности такого громадного «комбината здоровья». И он при этом уделяет огромное внимание духовной жизни госпиталя, тем более в такой тяжёлой ситуации, в которой сегодня находится наша страна. Сюда приезжают актёры, проходят различные концерты и какие-то профессиональные мероприятия...

Конечно, сейчас модно делать в таких крупных лечебных учреждениях небольшие часовни. Их делают, чтобы люди могли там помолиться, свечу поставить, причаститься, ну и так далее. Это очень влияет на духовное состояние человека. И когда я увидел здесь такую роскошь – церковь, у меня на глазах выступили слёзы, говоря по-церковному – слёзы умиления. Я сам бывал на службе, хотя было очень тяжело стоять, но эти мощи, которые здесь, святыни и люди, которые, может быть, были не так близки к церкви, атеи-

сты, но в тяжёлой жизненной ситуации они тоже обращаются к Богу как к последней надежде на своё выздоровление. Мы говорим, стоя под образами: «Господи, помоги нам... Дай Бог здоровья врачам моим... Помоги, Господи, справиться со своими недугами». Поэтому здесь, в военном госпитале, это всё вместе имеет огромное значение для тех людей, которые находятся на излечении. И я молюсь здесь, даже на Афон ездил – вот такое испытание мне помогла выдержать Матерь Божья. И дальше, даст Бог, поможет...

А ещё здесь прямо во дворе растёт дуб. Он позже всех сбрасывает листья и позже всех распускается, а я всегда, когда здесь лежу, хожу к нему и набираюсь у него сил, прислоняясь к нему спиной. А в этот раз прихожу от дуба, а Александр Владимирович говорит: «А у вас вся спина мокрая. Идите переоденьтесь». Представляете? А мокрая она именно там, где у меня проблемы. Это он мне отдал свой сок, свою силу. Я стал этим соком мазать лицо, руки, словно лилейным маслом от мироточивой иконы. Невероятно! Я знал, что есть берёзовый сок, а тут вдруг... Именно в этот момент, в этот час, в эту секунду он пустил свой сок! Вот так. Да... Мы используем любую надежду на выздоровление...

И, конечно же, я понимаю, какой невероятно большой, ответственный труд всех тех, кто занимается тем, чтобы мы быстрее выздоровели... Извините меня за слёзы... Это снова слёзы умиления, потому что... Даже не знаю, как всё это выразить... Вот сегодня моими глазами занимался прекрасный врач Александр Николаевич Серик, а также другие врачи и медсёстры... Просто комок в горле... Выразить чувства невозможно... Когда я вышел из кабинета врача... Боже мой, сколько людей там сидело и ждало своей очереди с мольбой в глазах, может, и плохо видящих, о помощи...

И как они успевают всем оказывать эту помощь? И операции, и осмотры... Уму непостижимо...

Что же касается всего остального... Например, ремонт, который сейчас идёт вокруг. Мало того, что это всё стоит Министерству обороны РФ больших средств в такое нелёгкое для страны время. Но с этим со всем надо как-то справляться... Ведь в лечебных учреждениях трудно вести строительство и делать ремонт – больных не выбросишь на улицу и госпиталь не закроешь. Значит, нужно делать всё одновременно. И это меня совершенно поражает... Вот сегодня где-то снова стучали, там что-то делали, и при этом не прекращают принимать людей, кормить, лечить,

оперировать... Просто невероятно! Как в огромном государстве – всё делается: и это, и то...

Так вот, мои добрые слова – это рассказ о функционировании этого огромного «комбината здоровья». Сегодня я говорю не как актёр, а как пациент. И не могу не вдаваться в подробности этой непростой жизни госпиталя. Конечно, я не знаю всех тонкостей, но как пациент я, кроме слов благодарности или, как по-божественному, умиления, просветления, ничего сказать не могу в адрес всех тех, кто здесь работает.

Ведь с неба ничего не скатится, никто тебе, если не будет, ни тарелки супа, никакой другой еды не даст. Причём нужно отметить, что меню здесь очень разнообразно. Я ведь за свою немалую жизнь побывал в разных больницах и кормился при разных номерах столов, но такого разнообразия и продуманности диет, рекомендованных врачами, что и как есть, я не встречал нигде. И главное, что это всё неукоснительно выполняется. И не заменяется масло на маргарин, маргарин на неведомо что, а это на это, а то на то... Положено вот так – не солить, не сластить, не подавать то, что нельзя... И всё это исполняется... Не знаю, как в такое тяжёлое время можно такого добиться и так всё по уму сделать...

Я не могу всех перечислить, ведь здесь столько людей, с которыми я познакомился... Опять слёзы умиления... Я такой человек... Эмоции...

Хочу сказать слова благодарности всем, с кем свела меня здесь судьба, – я просто не могу всех перечислить, настолько, как оказалось, здесь много людей, которым мне хотелось бы сказать добрые слова...»

2016 г.

Возвращающая мир

Когда я шла на встречу с Татьяной Михайловной Суханкиной, лазерным хирургом, врачом-офтальмологом высшей категории 3-го ЦВКГ им. А.А. Вишневского, понимала, что она не просто врач, а врач, помогающий людям вернуть утерянную возможность видеть мир во всём его многообразии. Ведь невозможно жить, не видя глаза любимого человека, не видя, как растут твои дети и как приходит весна, и вообще не видеть ничего. И в этом свете Татьяна Михайловна представ-

лялась мне строгой женщиной, сидящей за солидным лазерным аппаратом.

Однако мне навстречу вышла весьма обаятельная, приветливо улыбающаяся молодая женщина. Разговор получился не сразу. И только немного привыкнув ко мне, Татьяна Михайловна, всё ещё немного смущаясь, начала рассказ о себе.

«Мой отец, Татаринский Михаил Викторович, работал здесь же, в нашем госпитале. Он был военным хирургом, возглавлял отделение неотложной хирургии, которое он фактически и открыл. Помню постоянные переезды из города в город. До того как переехали в Москву, мы жили в Алма-Ате, где отец служил почти 10 лет в качестве ведущего хирурга военного госпиталя. А ранее – на Украине, там я и родилась. Мама работала в школе учителем русского языка. Вот такое привычное сочетание для большинства браков того времени. Учитель и военный».

Когда пришло время определяться со своей профессией, то всё, что видела тогда ещё школьница Татьяна Суханкина, приходя к отцу в госпиталь и постоянно наблюдая за его работой и работой его коллег, за их общением с больными, сформировало её любовь к медицине. Поэтому в иной профессии Татьяна Михайловна себя просто не видела.

«Сначала, конечно же, я не была настроена именно на офтальмологию, но то, что я стану хирургом, я знала точно. Специализацию выбирала долго, в институте одновременно занималась факультативно рентгенологией и офтальмологией. Но на моё решение повлиял тогдашний «бум» на офтальмологию. Я училась в третьем Московском стоматологическом институте им. Семашко, который сейчас носит имя Евдокимова, на лечебном факультете. Рассвет офтальмологии пришёлся как раз на период 80-х. Гремело имя Святослава Фёдорова, а наша кафедра как раз была на базе фёдоровского Института микрохирургии глаза. Он нам читал лекции и проводил с нами практические занятия. Это, конечно, незабываемо! Под влиянием его авторитета из нашей небольшой группы большая часть будущих врачей выбрали именно офтальмологию. Я считаю его самым главным своим учителем. Ведь он, несмотря на то, что сегодня всё меняется и движется, сумел многое предугадать и видел на много шагов вперёд. Его вклад в офтальмологию, конечно, неоценим».

Долгое время после окончания института Татьяна Михайловна работала врачом-офталь-

мологом, принимая пациентов в поликлинике. Но ей хотелось идти дальше, ведь мечта оперировать не прошла, а желание стало ещё большим. И она поступила в ординатуру Первого медицинского института (ныне университета) им. И.М. Сеченова, после успешного окончания которой ещё некоторое время поработала в поликлинике Правительственного медицинского центра, потом окончила курсы по лазерной хирургии при институте Фёдорова. И только затем, а был это 1994 год, Татьяна Михайловна попала в 3-й ЦВКГ им. А.А. Вишневского, где наконец-то осуществилась её давняя мечта – стать хирургом.

«Я очень люблю свою работу. В науку меня как-то не тянуло, хотя понимаю, насколько это важно и нужно любому врачу. Для меня же самым важным были больные, а занятия наукой требуют много времени. А я так долго к этому шла, что мне очень хотелось просто заниматься своим любимым делом».

И она знает, о чём говорит, ведь за плечами Татьяны Михайловны колоссальный опыт работы в офтальмологии. А упорство и любовь к своей профессии помогли ей. И сегодня она заведует отделением лазерной хирургии, про-

должает оперировать, используя в своей работе все имеющиеся методы по лазерной хирургии.

«То, что касается лазерных операций, это не относится к экстренным случаям – это, в основном, плановые операции. Чаще всего оперируем катаракту и глаукому. К сожалению, многим, кто сталкивается с этой проблемой, ещё хочется верить, что существует некое лекарство, которое поможет вернуть зрение. И поэтому многие верят в рекламу «чудодейственных» препаратов, которые вылечат всё и сразу. Но как показывает опыт, решить эту проблему можно только хирургическим путём. А лазер – один из менее травматических операционных вмешательств. Операции проводятся без наркоза, без вскрытия глазного яблока. А экстренная хирургия, такая, как ранения, повреждение глаза – это уже большая операция. Если сравнивать офтальмологию и неотложку, то это, конечно, разные вещи. Там и более тяжёлые больные, и более длительная реабилитация, а лазерная хирургия – более щадящее хирургическое вмешательство».

Но что значит «плановая»... Так говорят хирурги, а для каждого больного операция, даже

если она несложная – это целая жизнь, и каждый по-своему воспринимает известие врача о необходимости операции, соответственно, и отношение к каждому больному должно быть разным. По словам коллег, Татьяна Михайловна находит свой подход к каждому: кого-то успокоит, с кем-то бывает строже, а то и просто убедит, приводя весомые аргументы. Поэтому к ней очень уважительно относятся как коллеги, так и пациенты.

Татьяна Михайловна очень тепло отзывалась о коллективе, в котором она работает:

«Сейчас пришло много молодёжи, очень талантливых ребят, умеющих, а самое главное – имеющих огромное желание работать. Молодёжь приходит подготовленная, все приходят со степенью. Они настолько пытливы, интересуются всеми научными разработками, отслеживают появление нового оборудования в области офтальмологии, каждый, не скупясь, делится своими навыками и знаниями. С ними очень интересно работать. У них такое живое восприятие каждого клинического случая и обсуждение каждого больного, в плане лечения, конечно. Они предлагают какие-то свои методы лечения. И это вдохновляет. Мы учимся друг у друга. Че-

му-то я у них, чему-то они у меня. Коллектив у нас замечательный, поэтому я каждое утро иду на работу с огромным желанием, а это – счастье. Я не представляю, как можно работать в нездоровом коллективе. Я бы не смогла. Просто бы ушла в другое место...»

Но, несмотря на то, что офтальмология для Татьяны Михайловны – это самое важное в жизни, у неё есть взрослый сын Андрей, который окончил МАИ, который живёт отдельно и по возможности навещает маму.

Татьяна Михайловна любит и ценит искусство, много читает, но особую любовь она испытывает к музыке.

«Музыка, особенно классическая, мне ближе, чем театральные постановки. Иногда так устаёшь от общения, что речевые монологи просто не воспринимаются, особенно в сегодняшних авторских трактовках, а музыка – она для всех. Она помогает расслабиться и освободить сознание от лишних эмоций».

На вопрос о мечте Татьяна Михайловна сказала, что ждёт новое оборудование, так называемый «жёлтый лазер», или «лазер жёлтого спектра». А ещё мечтает о путешествиях – поездить, посмотреть мир, а особенно – Англию.

В ожидании исполнения своей мечты Татьяна Михайловна продолжает много оперировать и консультировать своих пациентов. Спокойно и с пониманием, хотя и не носит погон, она относится к армейскому укладу, ведь госпиталь-то – военный.

«Мы все работаем под непосредственным надзором начальника центра, начальника госпиталя. Как говорят военные: «Сделал – доложи, не сделал – доложи дважды». Субординация присутствует. Но это и дисциплинирует, ведь мы отвечаем за здоровые глаза своих пациентов. А глаза – это весь мир...»

2017 г.

Работа – это мое всё...

«Зачем читаем мы? Зачем страдаем, плачем?
Чтоб всё, что выстрадали, детям передать...»
Евгения Солодова

Узнав, что к нам, в редакцию журнала «Вестник военного образования», едет член редколлегии журнала, кстати, единственная женщина – доцент кафедры военной акмеологии и кибернетики Военной академии РВСН им. Петра Великого Евгения Александровна Солодова, была приятно удивлена.

Мы были рады гостье, тем более, что её приезд совпал с годовщиной создания редакции нашего журнала. А разговорившись за чашкой чая и узнав много интересного об этой, как оказалось, уникальной женщине, решили, что и нашему читателю будет интересно всё это узнать...

Евгения Александровна, будучи коренной москвичкой, родилась на старом Арбате в семье

военнослужащего. И так сложилось, что вся её жизнь, начиная с самого детства и до сегодняшнего дня, связана с её, ставшей уже родной, академией, тогда ещё Артиллерийской академией им. Ф.Э. Дзержинского.

«Я родилась в очень хорошей семье... – вспоминает Евгения Александровна. – Мой отец, Александр Васильевич Солодов, для меня всегда был и останется примером во всём. Он сам себя сделал. Умел всё – от приготовления борща, блинов до изготовления мебели. Если надо, он даже мог за ночь сшить себе брюки. Отец, когда ещё мало кто слышал о таком понятии, как «скорочтение», прекрасно владел этим приёмом. А ещё он у меня в Великую Отечественную войну прошагал от Сталинграда и Оскола до Австрии и был награждён орденом Красной Звезды... Вообще среда, в которой я формировалась как личность, была средой военных интеллигентов, в которой все были абсолютно законопослушны...»

Отец Евгении Александровны прошёл путь от адъюнкта до заместителя начальника академии по учебной и научной работе, став генерал-лейтенантом. И когда юной выпускнице Евгении Солодовой пришло время определяться с профессией, авторитетное мнение отца сыграло

решающую роль, ведь он, будучи «технарём», совершенно не принимал гуманитарного образования, считая его «пустой тратой времени, потраченного на образование», хотя мама, окончившая португальское отделение Военного института Красной Армии (ныне Военный университет) видела дочь только в своей профессии – военного переводчика. Сама же Евгения, несмотря на то, что окончила школу с золотой медалью, была ещё совсем девчонкой и никак не могла определиться – чего ей хочется и чем она хотела бы заниматься по жизни.

Итак, следуя непререкаемому решению отца, Евгения Солодова поступила в МАИ, на радиофакультет. Студенческая жизнь сама по себе ей очень нравилась, но учёба сначала не вызывала особого интереса, однако это длилось лишь до тех пор, пока не начались экзамены. И вот тогда Евгения ощутила истинный азарт и интерес к учёбе и стала медленными шагами продвигаться к своей детской мечте – стать доктором наук.

Свою необычную мечту детства Евгения Александровна объяснила так: «Я, наблюдая каждый день за своим отцом, понимала, что он – очень достойный человек, а его занятие – наука, значит, наука – самое достойное занятие на

свете. Значит, я должна стать доктором наук...» Правда, немного погрустнев, добавила: «Надо сказать, что эту свою убеждённость я пронесла сквозь многие годы и только лет в сорок вдруг осознала, что большая часть тех, кто якобы ей занимается, к науке совершенно равнодушны. Это было для меня одним из больших и неприятных открытий...»

Одним из научных руководителей дипломной работы по окончании авиационного института у Евгении Александровны был преподаватель академии, и именно он, разглядев неординарный талант молодого дипломированного специалиста, забрал её к себе на кафедру на должность младшего научного сотрудника.

«Мы тогда сами паяли, делали всё вручную, даже принимали участие в изготовлении приставки к космической аппаратуре», – вспомнила она свои первые годы работы в академии и, смеясь, добавила: «Когда я сегодня рассказываю своим адъюнктам, что работаю в академии с 1970 года, они на меня смотрят очень подозрительно...»

Через некоторое время Евгения Александровна защитила кандидатскую, став кандида-

том технических наук, но к тому времени, постоянно общаясь с педагогами, у неё появилось огромное желание преподавать самой.

К этому времени Евгения Александровна занимала должность старшего научного сотрудника, а дома с работы её ожидали муж и двое детей (сын и дочка). Муж работал здесь же, в академии, и, зная все сложности преподавательской работы, он вместе с отцом пытался её отговорить, мотивируя тем, что и занятость совсем другая, и дети, которые болеют и для которых придётся просто выкраивать время, а работать при этом надо будет постоянно, несмотря ни на что. Но Евгения Александровна была непреклонна и перешла из научно-исследовательского отдела, где она занималась вопросами, связанными с космосом, на кафедру и стала читать курсы лекций по радиотехнической тематике.

«Я стою у доски с 80-го года... Очень люблю свою работу... Я вообще считаю, что единственное, что мне удалось на 100 %, – это моя преподавательская работа. Я без неё себя не мыслю. И я нигде себя не чувствую настолько реализованной, как в своей работе. Работа – это мое всё...»

Она настолько увлеклась преподавательской работой, что решила пойти дальше и по-

менять статус лектора на официальный статус педагога. Для этого она написала и с блеском защитила докторскую диссертацию по педагогике, став доктором педагогических наук.

«В своей диссертации, – продолжила свои воспоминания Евгения Александровна, – я предсказала серьёзные перемены в высшем военном специальном образовании. Погрешность оказалась небольшой – один год. Вычисления по моим математическим моделям показали 2005 год, а случилось всё на год раньше...»

Сегодня профессор Солодова читает лекции по педагогике, правда очень скучает по своим техническим дисциплинам, где «формулы определяют точность и нет никаких расплывчатых бездоказательных формулировок».

С этим трудно не согласиться. Я всегда с уважением отношусь к гуманитариям, имеющим техническое образование, – у них совершенно иная логика мышления. Каждая мысль логически обоснована, и этот факт всегда вызывает интерес к такому собеседнику, коим и является для меня Евгения Александровна.

У неё несколько авторских дисциплин, которые она с удовольствием читает своим адъюнктам. Она имеет звание заслуженного работника

высшей школы РФ, является членом правления и руководителем секции естественно-научного и гуманитарного образования Межрегиональной общественной организации «Женщины в науке и образовании», а также входит в состав научного комитета Международного интеллект-клуба «Глюон». А ещё она находит время для работы научным руководителем инновационной образовательной площадки на базе гимназии № 56 г. Ижевска, где проводит открытые уроки для одарённых учеников, правда сожалеет о том, что «последнее время приходится общаться только по скайпу», но в этом, на мой взгляд, есть и свои плюсы, хотя, конечно же, живого общения это не заменяет.

Поразительно то, что при такой невероятной занятости она в своей жизни сумела попробовать разные виды деятельности. Правда произошло это чуть позже, чем ей хотелось, ведь пока дети были маленькими, они были главным приоритетом в её жизни. Но когда они подросли и уже не стало отца – противника гуманитариев, ей захотелось реализовать другие свои способности. И первое, что она сделала, – занялась журналистикой. Она сотрудничала с журналами «Свет», «Будь здоров», с газетой «Мегаполис-Континент» и другими СМИ.

«Мне очень нравилось ходить на пресс-конференции, вставать, представляться и задавать свой вопрос. У меня было удостоверение, на котором было написано «ПРЕССА», которым я очень гордилась. В одной из своих публикаций я подняла такую проблему, как обучение осужденных детей, содержащихся под стражей в следственном изоляторе временного содержания. Проблема, на мой взгляд, состояла в том, что дети, которых оправдывали и затем отпускали, вернувшись в свою среду, очень отставали по учёбе и по этой причине чувствовали себя потерянными. И многие из них именно по этой причине снова возвращались на скамью подсудимых. Так вот после этой статьи нашлись учителя, которые потом действительно занимались с такими детьми. Я тогда для себя считала это большой победой...»

После опыта в журналистике она попробовала себя в роли художницы, затем поэтессы. И всё, за чтобы она не бралась, у неё получалось. Правду говорят, что «талантливые люди талантливы во всём».

Семья... Я всегда с осторожностью отношусь к личной жизни своих героев, однако некоторые

моменты этой закрытой для всех посторонних жизни иногда о человеке говорят больше, чем весь его профессиональный путь, какими бы великими достижениями и открытиями он не был отмечен.

Евгения Александровна с такой гордостью рассказывала о своём сыне Фёдоре, который, будучи очень талантливым, подающим надежды химиком, именем которого были названы две химические реакции, который уже в 19 лет преподавал в вузах США, что я, зная о том, что его давно нет (он умер в 21 год, отравившись газом во время опытов), почувствовала, что она говорит о нём так, словно он и сегодня рядом с ней...

Только мать может понять, сколько нужно силы, чтобы суметь об этом рассказывать без слёз...

«Я благодарна своей матери за то, что она научила меня мужеству. А самое главное – надеяться всегда и во всём только на себя. И это помогло мне выжить тогда... И помогает жить сегодня, когда уже нет сына, нет родителей, нет мужа... А жить надо... Я несу ответственность за дочь Женечку и её двух сыновей... Их ещё надо поставить на ноги, моих любимых мальчиков, одному из которых шесть лет, а другому – восемь. Мне просто

необходимо ещё много сил, и расслабляться я не имею права... Ещё я очень хочу, чтобы у моих маленьких внуков была мечта, но не только побольше иметь, как у многих сегодня, а побольше знать и уметь, поэтому всячески стараюсь пробудить у них ко всему интерес... А ещё... Я очень тревожусь за их судьбу...»

2017 г.

В гостях у редакции журнала
«Вестник военного образования»
(*слева направо*: С. Князьков, Н. Дробышевская,
А. Дробышевский, Е. Солодова, А. Стасовский)

Я – Человек! И тем горжусь.
Жить напоказ я не стремлюсь.
Но, если вдруг при всех споткнусь,
Слезу утру и поднимусь...
Всё ж Человек я... Помня это,
Грядущих дней не устрашусь.
Коли тупик... спрошу совета,
Коль плох совет – что ж, разберусь...
Я – Человек... Идя с толпою,
Себя стараюсь не терять.
Порой бываю не собою...
Бывает... Но чтобы предать...
Всё ж Человек я...

Надежда Дробышевская

Содержание

Предисловие 8

К читателю 16

Обретение надежды 19

Любовь Евдокии, или
Военно-полевой роман 109

Юлька 121

Потерянное сердце 144

Страх. 162

Везунчик 170

Мамина боль 188

Откровение в небе 197

Мои журналистские будни

Незнакомый Михайлов 204

Сердечный доктор 211

Профессор Налётов:
дорогами судьбы 220

Человек на войне
в произведениях поэтов военных лет . . .229

Наша «Журавушка» 246

Огонь и вода 254

Необычный собеседник 260

Наперекор судьбе 268

Слёзы умиления актёра Мартынова 273

Возвращающая мир. 282

Работа – это мое всё... 290

Дробышевская
Надежда Николаевна

Обретение надежды

Проза

Художественное оформление автора
Верстальщик – О. Дмитриенко
Корректор – И. Бортникова

Издательство «Граница»
123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-26-66, 941-36-46
www. granicagroup.ru

Подписано в печать 17.04.2017 г.
Формат 70x100/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5
Тираж 3000 экз. Заказ № 1047